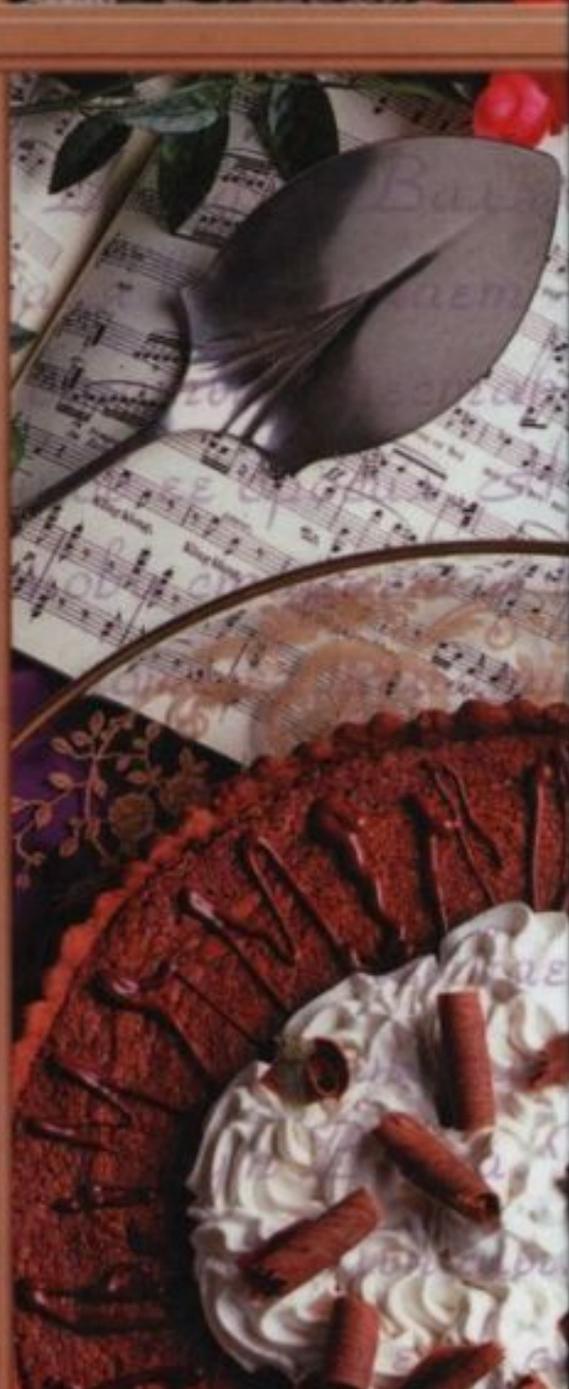

Когда есть, что забыть
борачивается подарком су
оступил... Элена
Роз
... без де
... амяти. Красивая, молод
... жек
... постел
... Ва
... оман, о к
... узнает р
... Пациентку выгоняют, Во
... ажные женщины а

Отдам любовь в хорошие руки

«Я понял, что мы любим лишь тех женщин, которых делаем счастливыми».

Елена Рог

Отдам любовь в хорошие руки

Он и она. Самое непостижимое, непонятное и неразгаданное. Любовь — это самое важное чувство, наша защита и иммунитет от всех горестей и испытаний. Как складываются пары и почему они потом распадаются?

Мы живем в мире чужаков, поэтому так упорно и настойчиво ищем своих — близких, родных, понимающих. Кто примет и поймет.

И горе тем, кто не находит. «Отдам любовь в хорошие руки» — это истории из жизни наших современниц. Их исповеди, покаяния и надежды.

Журналистки и нищенки, столичные дамочки и провинциалки, карьеристки и домохозяйки — все, что им нужно, — это только любовь...

Содержание

От автора.....	0005
СТРАНА СЛЕПЫХ.....	0006
МИЛЛИОНЕР.....	0012
ИНОСТРАНКА.....	0021
МУЖЧИНА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ.....	0025
ПИСЬМО НЕЗНАКОМКЕ.....	0028
БОМБА.....	0031
ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ НА КОЛЫМУ.....	0036
ЧЕРНАЯ ТОЧКА.....	0040
ЭКСКУРСИЯ В ЧУЖОЙ РАЙ.....	0043
ДЕВКА НА ВЫДАНЬЕ.....	0046
ГРУППА КРОВИ.....	0051
ОБИЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ.....	0054
ОШИБКА ПРИРОДЫ.....	0060
ТЕСТ НА ВЕРНОСТЬ.....	0068
ОТДАМ ЛЮБОВЬ В ХОРОШИЕ РУКИ.....	0071
ГОРЬКИЙ ВКУС АВОКАДО.....	0083
ТАРЕЛКА.....	0086
ОДНА НОЧЬ ИЗ ЖИЗНИ МУЖЧИНЫ.....	0090
МЕЧТЫ, УВЫ, СБЫВАЮТСЯ.....	0102
РЕПОРТАЖ С ЛЕЗВИЕМ У ВЕНЫ.....	0105
ПОГАДАЙ МНЕ НА ЛЮБОВЬ.....	0111
ЗАКОН МАТРЕШКИ.....	0114
КАМАСУТРА ИЗ ТЮБИКА.....	0118
ВМЕСТО НЕЕ.....	0121
ЖЕСТКИЙ МЯГКИЙ УГОЛОК.....	0126
КАЗЕННЫЕ ДЕТИ.....	0131
ЯИЧНИЦА НА ПОТОЛКЕ.....	0136
СЕКС НА ЭКСПОРТ.....	0138
ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ.....	0143
СЧАСТЬЕ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ.....	0147
НЕЧАЯННОЕ МАТЕРИНСТВО.....	0152
ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК.....	0156
СЧАСТЬЕ МОЕ... ЛУКОВОЕ.....	0161
АМНЕЗИЯ.....	0166
ТРЕСКА В ШАМПАНСКОМ.....	0190
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	0194
#38.....	0195
#39.....	0197

*Елена
Рог*

Отдам любовь
В ХОРОШИЕ РУКИ

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Елена Рог
Отдам любовь в хорошие руки

От автора

Я родилась в прошлом веке в стране, которой больше нет. Я никогда не поднималась по лестнице Каннского фестиваля, не была лауреатом Нобелевской премии, лицом «Ревлона», моделью «Плейбоя» и даже не занесена в Книгу рекордов Гиннеса. Я не училась в Гарварде, и меня не благословлял Папа Римский. У меня нет титулов и званий, и в моих жилах не течет королевская кровь.

Я не могу взлететь, презрев законы тяготения, вряд ли сумею спасти кому-то жизнь, проведя хирургическую операцию, станцевать Жизель, спеть арию...

Но я могу об этом написать...

Елена Рог

СТРАНА СЛЕПЫХ

Сколько себя помню, я всегда боялась слепых. Когда встречала старичка с палочкой в темных очках, в ужасе перебежала на другую сторону. Мне казалось, нет ничего страшнее и ужаснее, чем эти люди, живущие в темноте.

Зрение у меня было отличное, только слегка косил один глаз. Родители не исправили дефект в детстве, а в юности у меня появились комплексы. После выпускного вечера, когда одноклассники готовились ко вступительным экзаменам, я готовилась к операции. Мне объяснили, что это пустячная операция и никаких побочных явлений не может быть.

Странно, но я почти не боялась. Подумаешь, удалить небольшой, но досадный дефект внешности.

На самом деле мне хирургическим путем удалили... зрение.

Саму операцию я помню плохо. Наркоз, сон, повязка на глазах. Повязку почему-то долго не снимали. Так странно было лежать в полной темноте. Вокруг — движение, голоса, а перед тобой — только темный «экран». Пришла мама и все гладила меня, сдерживая рыдания. Я не принимала эти рыдания на свой счет. Мне сейчас кажется, что своим непониманием я просто откладывала страшный момент.

Когда сняли повязку, я зажмурилась, оттого что боялась ничего не увидеть.

Врач очень спокойно сказал:

— К сожалению, наши предположения оказались верными.

— Я ничего не вижу, — прошептала я.

— Вы можете что-то сделать? — сдавленным голосом спросила мама.

— Я ничего не вижу! — кричала я на всю больницу. В этом крике звучал весь ужас ослепшего человека. Я кричала так, что срывался голос.

Неожиданно на меня полилась холодная вода. Таким образом медперсонал решил остановить истерику. Представьте человека, который ничего не видит, а его обливают водой. Я потеряла сознание. Это был лучший выход из ситуации.

Когда я пришла в себя, в палате стояла мертвая тишина. Повязки на глазах не было. Я открывала и закрывала глаза — ничего не менялось. Изображение не появлялось. Меня окутывала крошечная мгла. Очень хотелось посмотреться в зеркало, но осознание того, что это невозможно, приводило в... Я даже не могу описать это чувство. Растерянность, паника, просто животный страх: что теперь будет?

Родители сидели рядом и держали меня за руки. Это простое прикосновение приносило облегчение. Мы молчали. Они боялись говорить, я боялась спрашивать.

Мне всего семнадцать лет. Как жить дальше? Я инвалид. Кому я теперь нужна, кроме родителей?

Зачем жить, если я больше никогда не увижу свет, людей, не смогу читать книги и смотреть фильмы? Я даже себя больше никогда не увижу. Хотелось умереть. Хотя я и так чувствовала себя мертвой.

Но человек не может умереть по собственному желанию. Я вернулась домой, и жизнь продолжилась. Но это была уже совсем другая жизнь. Я училась заново ходить, ориентироваться в пространстве, самостоятельно есть и гулять. Я открывала для себя другой мир. Тот, который не замечала, будучи зря-

чей. Теперь мне приходилось призывать на помощь слух, обоняние и интуицию. Я словно играла в какую-то игру с новыми правилами. Например, приготовить обед в полной темноте. На ощупь находишь кастрюлю, наливаешь воду, ставишь на огонь. Потом также на ощупь находишь в холодильнике овощи, чистишь. Сколько раз мне пришлось обжечься, прежде чем я научилась снимать крышку с кипящего супа. Сколько я набила себе шишек, прежде чем выучила, где какая дверь и где какой стул.

Родители сделали в доме перестановку, чтобы я не споткнулась, не ударилась и не поранилась. Но весь остальной мир не собирался перестраиваться под меня, поэтому пришлось приспособливаться.

Впервые я вышла на улицу с мамой под ручку. От палочки отказалась категорически. Так вот, помню, сколько на меня всего сразу обрушилось! Звуков, запахов! Пахло летом. Никогда не думала, что лето имеет свой ярко выраженный запах. Запах нагретой земли, травы и тепла. Я вдруг очень тонко стала улавливать звуки. Чирикание птиц, говор людей, детский смех, цокот каблучков, тормоза машин. Я не видела мир, я его ощущала.

Самым страшным в моей ситуации была реакция людей. «Ой бедная, несчастная! Как же она жить-то теперь будет! Такая молоденькая!» Эти причитания сводили меня с ума. Людям казалось, что они таким образом выражают сочувствие. На самом деле они доставляли мне намного больше страданий, чем моя незрячесть.

Наверное, поэтому я решила уехать от родителей и поучиться жить самостоятельно. Участковая медсестра рассказала, что под Москвой есть реабилитационный центр для тех, кто потерял зрение. Там учат жить заново. Я получила направление, собрала вещи и отправилась в свое первое путешествие.

— Поеду туда сама! — заявила я матери.

— Да как же ты сможешь в поезде одна? — взмолилась она.

— Ты спроси, как я буду в жизни, если не освою все навыки и не найду друзей...

Мне стало страшно, уже когда мы вошли в вагон. Множество чужих людей, незнакомых запахов, непривычных звуков. Мы шли по вагону, и я, чтобы запомнить расположение купе, на ощупь считала дверные ручки. Так, от входа в вагон до моего купе четыре ручки. Значит, до проводника и до туалета столько же. В другую сторону я не пойду. Из вещей у меня была сумка с продуктами, которую я сама собирала, и чемодан. Чемодан мама поставила под полку, сумку на полку. Слава Богу, мое место нижнее, не придется лезть наверх. Соседям по купе я не собиралась говорить, что незрячая. Я поняла: люди смотрят, но не видят. Они не присматриваются друг к другу, поэтому наверняка никто и не заметит, что со мной что-то не так. На глазах у меня были темные очки, в ушах — наушники от плеера. Он не был включен, это была моя маленькая хитрость. Будто я вся в музыке и ничего не слышу.

Мама долго и трудно прощалась со мной, как будто я уезжала в другую страну. Хотя на самом деле так оно и было. Я ехала в страну слепых.

Когда поезд тронулся, пассажиры оживились, достали бутерброды и стали бурно общаться. Создавалось впечатление, что эти люди вынужденно не говорили долгие годы и сейчас впервые нарушили обет молчания. Они говорили много, долго и ни о чем. Я в разговор не вступала, сидела, отгородившись от случайных попутчиков, и делала вид, что слушаю музыку и смотрю в окно.

Когда они наелись, напились, наговорились и наконец вышли покурить, я наспех съела яблоко и пошла к проводнику.

— Пожалуйста, застелите мне постель, — попросила я.

В ответ тишина. Я не вижу человека, с которым говорю, не знаю его реакции.

— Я заплачу.

— Какое купе? Я сейчас подойду. Вот уж эта золотая молодежь, они и постель-то сами не застелют, — пробурчал он мне вслед.

Мне хотелось скорее лечь и проснуться уже в Москве. Там меня встретят и отвезут в пансионат, где все такие же, как я. Ночью я захотела в туалет. Тихонько встала, добралась до туалета, подергала ручку. Он оказался закрытым.

— Не ждите, девушка, проводник закрыл его как служебный. Идите в другой, — подсказал мне женский голос.

Легко сказать: идите в другой. А если я не знаю, сколько до другого ручек? Решила рискнуть. Я шла очень медленно и аккуратно. Вдруг впереди раздались шаги, и я с кем-то столкнулась. Послышался звон разбитого стекла.

— Ты что, слепая? — раздался сердитый мужской голос.

— Да, — тихо ответила я.

— Что — да? Не видишь, куда идешь? — Он негодовал. — Проходи давай!

Я нерешительно сделала шаг, и под ногой что-то хрустнуло.

— Да куда же тебя несет? — Парень перешел на крик.

Я чувствовала запах водки. Вероятно, он нес кому-то выпивку и при столкновении со мной уронил и все разбил. Это были лишь мои предположения. Мне захотелось вернуться в свое купе, но я потеряла ориентир и не знала, где нахожусь в данный момент. Я боялась сделать шаг, чтобы не наступить на осколки.

— Ты что, в самом деле слепая? — Парень почему-то перешел на шепот.

— Да, — проговорила я, и слезы потекли по щекам. В полной темноте, в движущемся составе с посторонними людьми — такой беззащитной я себя еще не ощущала.

— Не волнуйся. В каком ты купе? Я отведу. — Он взял меня за руку и аккуратно повел. Я послушно пошла за ним.

— Ты что, одна едешь? — Незнакомец продолжал говорить со мной шепотом.

— Да, я еду учиться видеть в темноте, — сказала я.

В ту ночь я поняла, что зрячие люди боятся нас так же, как я когда-то боялась слепых дедушек с палочками.

В Москве меня встречали. Мой ночной попутчик помог вынести сумку и подвел к женщине с тихим мягким голосом.

— Вы Марина? — спросила она с улыбкой.

Никогда не думала, что смогу чувствовать улыбку по интонации. Я уже различала ужас, страх, жалость, и меня это раздражало. А тут радость, доброжелательность. И сразу понимаешь, что все нормально. По дороге Мария Александровна рассказала мне, что жить я буду в пятиэтажном корпусе на втором этаже вместе с девушкой из Минска.

— Она потеряла зрение совсем недавно из-за осложнения. Надеюсь, вы подружитесь. — Женщина снова улыбнулась и тихонько прикоснулась к моей руке.

— А чем мы будем заниматься?

— Учиться читать и писать. Любить и дружить. Осваивать профессию. Жить полноценной жизнью.

— А здесь все слепые?

— Во-первых, не слепые, а незрячие. Во-вторых, у нас есть слабовзрячие. Но надо понимать, что смотреть и видеть — разные вещи. Многим зрячим нужен поводырь. Ты поймешь это со временем.

Пансионат встретил меня разноголосьем. Звучала музыка, смех, говор. Я очень боялась, что здесь будет такая же гнетущая тишина, как у меня дома последние месяцы, когда все ходили на цыпочках и говорили шепотом.

— Новенькая приехала! — услышала я приятный мужской голос. И почувствовала, как нас с Марией Александровной обступают обитатели пансионата.

Я вслушивалась в голоса: низкие, высокие, глубокие, писклявые и удивлялась про себя. Я даже представить себе не могла, что голоса имеют столько оттенков. Ведь мы как оцениваем друг друга? По внешности, по одежде. А когда этого всего не видно? Вот здесь-то и выходят на первый план голос, запах и прикосновения.

Я с удивлением обнаружила, что существует множество оттенков голосов и узнать о человеке можно по тому, что он говорит и делает. Зрячих людей отвлекают внешние атрибуты. Ведь информация на девяносто процентов воспринимается зрением. А если это окошко закрылось, то открываются новые. Я заметила, что стала лучше слышать и острее чувствовать. Одежду воспринимала уже не по цвету и фасону, а по качеству материала. Эта юбка из искусственной кожи холодная и скользкая, а эта, из шерсти, жесткая и теплая. А шелковая кофточка настолько приятная на ощупь, что ее хочется гладить руками.

Мне очень нравилось в пансионате. Может, потому, что я влюбилась? Его звали Игорем. У него был удивительный бархатный голос и теплые мягкие руки. А пахло от него почему-то морем. Он прибил нам с соседкой полочку, а мы угостили его чаем. Когда он слегка касался меня, хотелось продлить этот миг. Когда он собирался уходить, мне не хотелось его отпускать. Потом я научилась чувствовать, есть он в помещении или нет. Слышала его, даже если он молчал.

Жизнь моя в этом пансионате была очень насыщенной и интересной. Появилось много друзей. Таких же, как я. Это очень важно. Им не нужно было объяснять свои проблемы. У них были аналогичные, и мы сообща пытались их решать. Читать без помощи глаз — руками. Делать массаж. Готовить, стирать, убирать. Ориентироваться в пространстве и даже танцевать. Звучит музыка, которую ты ощущаешь каждой клеточкой, и твое тело движется в такт этой музыке. Ты ничего не видишь, и кажется, будто паришь в пространстве. А во время медленного танца становишься частью партнера. Медленно движешься под чарующие звуки. Особенно мне нравилось танцевать с Игорем. Его теплые руки казались такими надежными и родными. Из его объятий не хотелось освобождаться. И когда заканчивалась музыка, я ждала, что мелодия зазвучит вновь.

Игорь потерял зрение в подростковом возрасте, но страдал до сих пор, хотя ему уже минуло двадцать.

— Мариша, какие у тебя глаза? — спрашивал он. И я понимала, что значит «мужчина любит глазами». Для него важно было хотя бы представлять мой образ.

Иногда мы играли в игру. Я рассказывала, каким представляю его, а он «рисовал» меня. Много не совпадало. Он представлял меня голубоглазой блондинкой, а я была смуглой черноглазой брюнеткой. Я думала, что он светленький, а он, оказывается, был темненьким. Но в том, что мы любили друг друга, мы не ошибались.

Помню, я стояла на кухне, жарила яичницу и пела. Масло весело шкварчало на сковородке, из открытого окна доносилось щебетание птиц, и я, пританцовывая, напевала свою мелодию. Вдруг почувствовала, что в кухне есть кто-то еще и этот кто-то наблюдает за мной. Я замерла.

— Доченька моя, — услышала я родной мамин голос и тут же утонула в ее объятиях.

— Мам, ты чего приехала?

— У меня все сердце изболелось, как ты тут без меня. А ты песни поешь...

— Мамочка, у меня все хорошо.

— Мариночка, я была у профессора. Он сказал, что если глаза реагируют на свет, то еще не все потеряно и можно рискнуть сделать операцию.

— Мы уже один раз рискнули, — ответила я резко. Одно только воспоминание об операции приводило меня в ужас.

— Пусть это маленький, но все же шанс, — продолжала настаивать мама.

— Для кого шанс, мам? Знаешь, я и так вполне нормально себя чувствую.

— Ты не хочешь снова увидеть мир?

— Я хочу понять мир, а для этого его не обязательно видеть.

Мама уехала, а я осталась со смутной надеждой. Я уже почти смирилась со своим положением и почти выучилась обходиться без зрения. Мои глаза стали рудиментом, как аппендицит. И оказалось, что без них можно прожить. Только по ночам мне снились цветные сны. А какие это были цвета! Во сне я всегда была зрячая. Первое время, просыпаясь, я горько плакала, потом стала относиться к этому философски. Подолгу вспоминала, что мне снилось, и радовалась, что могу видеть хотя бы во сне. И тут замаячил этот, как выразилась мама, шанс, и это не давало мне ни есть, ни спать, ни жить. Я все время думала (вы не поверите), нужен ли он мне. Вот сейчас, когда я наконец отошла от стресса, смирилась со своим положением, приспособилась и, главное, нашла своих людей, вот сейчас все начинать сначала? Более того, если операция будет проведена неудачно, то я потеряю еще и надежду. Короче, от операции я отказалась. Пройдя курс реабилитации, вернулась домой и стала работать в поликлинике массажисткой. С утра ко мне записывалась очередь бабушек и дедушек, которых я мяла, месила и гладила. И получала за это удовольствие минимальную зарплату.

При этом старички вовсю меня жалели. Им казалось, что чем больше они будут мне сочувствовать, тем лучше я буду их массировать. Мне было все равно, потому что мысли мои были далеко. Я думала об Игоре. С тех пор, как мы расстались, прошло полгода. Когда мы разъезжались, он обещал позвонить. Я очень ждала этого звонка. Как шанса на счастливую жизнь.

И наконец он мне позвонил. Я слушала его низкий голос и изо всех сил прижимала телефонную трубку к уху, чтобы услышать между звуков самое

главное для себя — нужна ли я ему.

— Маришка, я женюсь.

— Кто она? — спросила я шепотом.

— Врач. Она пишет диссертацию как раз о моем случае. Прости меня.

Услышав мой плач, прибежала мама.

— Девочка моя, что с тобой?

— Мама, где тот профессор? Я хочу использовать свой шанс.

— Только зачем так плакать?

...Мой шанс оказался одним из тысячи.

МИЛЛИОНЕР

Не бедность невыносима, презрение.
Я могу обходиться без всего, но я хочу,
чтобы об этом не знали.
Вольтер

Мне всегда казалось, что деньги не главное, что важно быть хорошим человеком, а остальное приложится. Но ничего не прикладывалось. Однажды наступило время, когда деньги вдруг вышли на первый план. Они стали самыми главными. И те, кто обладал деньгами, тоже стали самыми главными. И больше уже никого не интересовало, какой ты человек — хороший или плохой, главное — есть ли у тебя деньги. Бедный или богатый — вот в чем вопрос.

В то утро я проснулась с мыслью о деньгах. Когда вдруг оказывается, что ты несостоятельный, что не имеешь права владеть недвижимостью, средствами передвижения и драгоценностями и что денежные купюры предпочитают жить не в твоём кармане, то осознаешь, что с тобой что-то не так. Человек с ограниченными физическими возможностями — инвалид. Человек с ограниченными финансовыми возможностями — тоже инвалид. Социальный. Да что там люди, даже химические элементы и те меняют свои качества в зависимости от обогащения. Обычный уран — всего лишь элемент таблицы Менделеева. А обогащенный уран — уже убойная сила.

Новое время требовало новых подходов. Если деньги уходят к другим, значит, надо внимательнее присмотреться к этим другим и понять, чем они отличаются от меня.

...Телефонный звонок прервал мои размышления на самом интересном месте. Звонила подруга Настя.

— Привет, сегодня у нас в гостях будет миллионер, приходи. — Она как будто прочла мои мысли.

— Я смогу только после работы, — сказала я, мысленно составляя список дел на сегодня.

— Женщины от него просто без ума, но у него очень взыскательный вкус. Только юные худышки, — добавила она.

— Обезжиренные красотки, не отягощенные интеллектом? — съязвила я.

— Чем больше ума, тем меньше средств к существованию, — поставила она мне диагноз, но приглашение оставила в силе.

Кажется, сегодня богатых людей в моей жизни будет больше чем достаточно. Надо присмотреться и понять секрет их успеха. Я с гордым видом прошествовала в ванную, словно уже попала в ряды богатых и знаменитых. Внимательно рассмотрела себя в зеркало. Средний рост, средние данные, черты лица правильные, но не выдающиеся, фигура стройная, но не сногшибательная. Ничего, второй сорт не брак!

Первым делом позвонила своей рекламной заказчице.

— Господа еще спят, — ответил мне женский голос.

— А вы кто?

— Я — горничная.

— Скажите своей госпоже... — Я осеклась и не стала продолжать, а просто повесила трубку.

То же мне, господа! Вчера еще была челночницей, возила калоши через границу, торговала на базаре, грелась на морозе разбавленным спиртом, а сегодня она уже госпожа, прислугу наняла. Да что там прислугу, она и меня заказала. Случайно разбогатевшим людям очень важно, чтобы о них узнало как можно больше народа. Чтобы об их успехах писали и они бы чувствовали себя значительными. Спрос рождает предложение, а потому на потребу дня появилась и особая услуга: заказ статьи вместе с журналистом. И тот обязан брать интервью у выбившейся в люди мишуры, как у выдающейся личности, как у особы голубых кровей, соблюдать все правила игры, а потом еще и согласовать материал с заказчиком... Ладно, «госпожу» отложим на потом. Пусть поспит.

А я пока приведу себя в порядок. Вопрос первый и вечный: что надеть? У меня в шкафу, как в холодильнике после разморозки, пустота. Один деловой костюм и платье с претензией на оригинальность. Что же делать? Придется воспользоваться услугами безотказных джинсов и свитера. А если ногти намазать черным лаком, а глаза подвести черным карандашом — будет вызывающе и стильно. Хотя стоп: как я буду выглядеть перед миллионером с черными ногтями?.. Ладно, надену на себя скромность. Она, как и маленькое черное платье, всегда в моде.

В 11.00 зазвонил телефон — это проснулась «госпожа» и назначает встречу. Еду к ней.

«Госпожа» хороша собой. Это трудно не признать, даже будучи женщиной. Она собранная и властная. Владеет ситуацией и складом с товарами. С каждой коробочки и баночки ей идет копеечка. Эти копеечки стекаются в рублевую речку и переводятся в долларовый эквивалент. Этот самый эквивалент дает хрупкой женщине силу и власть. Но забирает легкость бытия, крепкий сон и подруг. Передо мной сидит шикарная женщина в эксклюзивном наряде, сияя бриллиантами и благоухая лучшими ароматами. Она рассказывает свою жизнь и называет истинную цену эксклюзиву, бриллиантам и парфюму. «Во имя благополучия я пожертвовала жизнью первого ребенка. Он просто не родился. Потому что только я решаю, когда рождаться моим детям. Потом я сделала рокировку мужьями. Могу себе позволить жить с тем, с кем я хочу. Но второй муж ни во что не ставил меня и в открытую изменял. Он мог перешагнуть через меня и отправиться в сауну с девочками. И тогда я поняла, что надо подняться на безопасную высоту, чтобы никто и никогда не мог не только переступить через меня, но даже перелезть. Эту высоту дают только деньги. Все, что было дальше, — просто. Я подчинила всю свою жизнь, все свои интересы, всю себя зарабатыванию денег. Сколотив капитал, я уверенно вошла в класс буржуазии, открыв дверь ногой. Сегодня мой муж рулит, сидя на заднем сиденье, и уже я переступаю через него. Я хочу, чтобы все знали, что я есть и что все лучшее в этой жизни для меня». Она улыбнулась сверкающей улыбкой.

— Любой каприз за ваши деньги. — Я плавно перешла к гонорару.

Послеобеденное время — пора на показы. Модельер устраивает шоу, кстати, и фуршет будет.

На показе скупающие жены преуспевающих мужей (как быстро мужья

успели разбогатеть и как быстро жены успели заскучать), жаждущие сенсаций и заработков журналисты (как быстро они научились зарабатывать на сенсациях), манерные модели и модельеры. Каждый презентует себя: свои новые тряпочки, новых бойфрендов и новые имиджи. Все играют в богему. Очень модная игра.

Болезненного вида девочки снуют по подиуму, демонстрируя свои косточки и шедевры отечественной моды. Журналисты обсуждают цены на свои услуги и лениво рассматривают публику. Скучно. Только посреди подиума интригующе стоит ванна, наполненная водой.

— А сейчас — сенсация! — торжественно объявил ведущий и выразительно посмотрел на ванну.

На подиум вышла немолодая уже модель. Облегающее дымчатое платье, белые крашенные волосы аккуратно уложены. Она подошла к ванне и, набрав в легкие побольше воздуха, влезла в нее. Зал затаил дыхание. На улице мороз, в зале довольно прохладно, многие сидят в дубленках и шубах. Натянута улыбаясь, в мокром, облипшем платье, женщина вылезла из ванны и стала перед публикой, давая рассмотреть себя. Защелкали фотоаппараты. Она выглядела растоптанной, униженной, оплеванной. Вода, словно слезы, ручьями стекала с этой женщины. Ее хотелось схватить, закутать в плед и увести подальше от этого подиума, от этой ванны и от оживившихся журналистов и фотографов. Когда она наконец ушла, подали шампанское и фрукты. Все возбужденно обсуждали «сенсацию», жали руки модельеру, фальшиво убеждая ее в таланте от Бога. «За рождение гламура!» — сказала тощая как скелет и бледная как смерть журналистка. «Лучшее для лучших», — подхватил инициативу ее муж, тоже журналист. Они были на всех фуршетах, показах и приемах, кажется, они там просто жили. Во всех журналах они вели рубрику: модно — не модно, стильно — не стильно. Вся жизнь — репортаж. «За вас — господа!» — сказала модельер, обращаясь к наемникам пера. «Господа» не торопясь пили шампанское и ждали, когда модельер раздаст конверты. Они знали цену своему времени и колонкам в своих журналах.

Есть не хотелось. Я вышла на улицу, засунула конверт поглубже в сумочку, вдохнула морозный воздух и решила зайти к Люсе на кофе. Благо она живет рядом, до встречи с Настиним миллионером еще было время. У меня всего две подруги — Настя и Люся. Настя — красивая и успешная (ей все положено по статусу жены преуспевающего человека), но она играет в игру «я сама», Люся — тоже красивая, желающая стать успешной и готовая преодолеть все препятствия на пути к этому успеху.

Люся сидела на диване по-турецки и повторяла как мантру: «Хочу денег! Денег хочу!»

— Что ты делаешь?

Вся квартира была завешена амулетами для привлечения денег. На столе, словно главные учебники жизни, красовались книги из серии «Как стать богатым». Судя по всему, моя подруга советы «учебных пособий» воспринимала как заповеди и беспрекословно им следовала.

— Все будет так, как мы хотим, лишь стоит захотеть безмерно, — улыбнулась Люся.

— Тебе на хлеб с маслом не хватает?

— А я хочу булочку с икрой. И жемчуга заморские, и шубы соболиные!

— Полный фэн-шуй. — Я устало опустилась на диван и попросила кофе.

— Деньги — это отчеканенная свобода. Будь они у тебя, и не пришлось бы бегать по всему городу за сенсацией и искать богачей для рекламы, — назидательно произнесла Люся, выставляя рядом с кофе шоколадные конфеты, орешки и цукаты.

— Знаешь, и правда, я чего-то в этой жизни не понимаю. Я как бы свободный журналист, но на самом деле такой зависимый. От гонораров, заказчиков, редакторов, рекламных агентств. От всех завишу. С утра настраиваюсь на лакейскую волну: чего изволите? Эдакий приказчик от литературы. Представляешь, вчерашняя торговка нанимает меня писать о ней очерк.

— Но послушай, деньги всех уравнили. Если раньше общество делилось на сословия и дворянство передавалось по наследству, то теперь можно купить и титул, и статус. И разделение идет по принципу, смог или не смог приспособиться к новым условиям. Это нормально. Выживает сильнейший и хитрейший.

— Поэтому ты и медитируешь, чтобы стать сильнейшей?

— Запомни, все в голове. Хочешь стать богатой — будь. Хочешь стать знаменитой — становись. Хочешь замуж за миллионера...

— Кстати, мне пора на встречу. — Я вскочила.

— Какая встреча? С кем встреча?

— С миллионером. — Я торопливо отхлебнула кофе.

— С этого момента подробнее, пожалуйста.

— Да Настя позвала, говорит, приходи — с миллионером познакомлю. Вдруг это окажется полезным...

— Есть такая примета: надо чокаться с богатыми и знаменитыми, тогда деньги и слава придут и к тебе, — напутствовала меня Люся.

— Ладно, буду чокаться за нас двоих. — Я чмокнула подругу в щеку и поспешила на встречу.

По дороге зашла в магазин. Нельзя же с пустыми руками в гости. Магазин оказался не просто магазином, а с претензией. Там, кроме покупателей, было полно зрителей, которые ничего не покупали, а просто смотрели. Я шла мимо стеллажей, заставленных импортными баночками в ярких упаковках, и мучительно выбирала. Что бы такое взять, чтобы недорого и со вкусом? Чтобы прийти не с пустыми руками, но и не остаться с пустым кошельком.

— Мама, купи мне куклу! — услышала я. Девочка лет пяти замерла возле корзины с куклами. Мама развела руками — она была из зрителей, а не из покупателей.

— Мамочка, ну пожалуйста! — Девочка говорила шепотом, с восторгом рассматривая тряпичную куклу.

— Потом, не сейчас. — Мама не знала как ей выйти из ситуации, не привлекая внимания. Она пыталась забрать у девочки игрушку, но та смотрела на нее умоляющими глазами, из которых уже текли слезы.

Проходивший мимо мужчина мельком взглянул на девочку, на маму, взял из корзины такую же куклу и пошел к кассе. Мама присела перед ребенком и стала что-то шептать ей на ухо, я отвернулась и пошла вдоль стеллажей. Почему-то вспомнила Люсю: «Все будет так, как мы хотим, лишь стоит захотеть»

безмерно». А вот и не будет! Одного желания маловато, нужны еще деньги. Желательно зеленого цвета. Ровно нарезанная бумага с физиономиями американских президентов.

В итоге я купила черный хлеб. Аппетитный, пахучий, с добавлением инжира и орехов. Такой хлеб покруче конфет будет. Возле кассы опять увидела маму с дочкой, они выходили с пустыми руками. И вдруг к ним подошел мужчина и неловко сунул в руку девочки куклу: «Она твоя». Девочка прижала куклу к груди. А мама смутилась, растерялась. Мужчина улыбнулся и торопливо пошел к выходу. «Спасибо», — крикнула вслед женщина. «Спасибо», — закричала девочка. Я была почти счастлива. Как будто это мне подарили куклу. На самом деле этот мужчина подарил мне надежду, что «все будет так, как мы хотим...».

Нажав кнопку звонка, я улыбнулась, глядя туда, где была встроенная камера. Я точно знала, что подружка, прежде чем открыть, внимательно рассмотрит меня в своем маленьком телевизоре.

— Привет, заходи. — Она заговорщически улыбнулась.

— Здравствуйте. — За столом сидел красавец мужчина и рассматривал меня, словно насекомое в микроскоп. Я почувствовала себя одноклеточной.

— Что ты будешь? — спросила Настя, кивая на стол с закусками.

— Черный хлеб.

Миллионер удивленно поднял брови.

— Самая здоровая пища, — сказал он. Голос был такой же красивый, как и он сам. В нем все было безукоризненно: костюм, белоснежная рубашка и запонки на манжетах. Черные, как маслины, глаза, белоснежные, как его рубашка, зубы. Все как будто нарисованное. Словно он только что сошел с рекламного плаката. Интересно, что бы он мог рекламировать?

Миллионера звали Вадимом. Впрочем, с такой внешностью и деньгами ему подошло бы любое имя.

— Я вчера встречалась с успехологом, представляете, появилась такая профессия, — начала я беседу.

— Да, сейчас появилось много новых профессий, — многозначительно сказал Вадим.

— Так вот он проповедует новый подход к жизни. Чтобы быть успешным, надо делать только то, что выгодно тебе. «Кто людям помогает, тот тратит время зря». Он за деньги освобождает людей от совести.

— Это как? — Вадим перестал жевать и опять посмотрел на меня с любопытством.

— Он считает, что совесть — это такой же рудимент, как аппендицит, и если она становится препятствием на пути к счастью и благополучию, то ее лучше удалить.

— Хирургическим путем? — ухмыльнулся Вадим.

— Нет, это происходит без боли и крови и даже без анестезии и реабилитационного периода. Просто по собственному желанию. Человек ставит себя во главу угла, свои интересы превыше всего, свою персону — над всеми. И все. Он не задает себе вопрос: плохо или хорошо, а только — выгодно или не выгодно.

— Интересно. — Вадим задумался и положил руки на стол. Руки были уди-

вительной красоты. Длинные ровные пальцы, кожа настолько гладкая, что казалось, на нем лайковые перчатки. Такие руки могли принадлежать художнику или музыканту. Все-таки интересно, чем он занимается. Этот вопрос не давал мне покоя, и я пыталась представить его то творцом, то дипломатом. Но он не монтировался ни с тем ни с другим.

— Девчонки, давайте выпьем, — сказал Настин муж. Он любил угощать своих гостей всем самым хорошим. Не спеша достал бутылку французского вина, небрежно сообщив, что это передал ему по случаю посол Франции, разлил нам с Настей в бокалы, а себе с Вадимом плеснул виски. — За любовь, — произнес он торжественно, — а кто не может — за дружбу!

Все рассмеялись. Смех у миллионера оказался неприятным. Каким-то визливо-лающим. Этот смех совершенно не вязался со всем его гламурным обликом. Виски он выпил одним глотком, профессионально. Попросил у Насти кофе. Тщательно перемешал и выпил без сахара тоже одним глотком. Если мужчина не любит сладкое, значит, он не добрый. Есть такая примета. Я взглянула на Вадима не как на миллионера, а как на мужика. Когда миллион был вынесен за скобки, передо мной предстал красивый, холеный манекен в стильном костюме. Он походил на модель из глянцевого журнала, где показаны костюм, рубашка и запонки и только лицо намечено пунктиром.

«Собственно, что я здесь делаю? Пытаюсь произвести впечатление? Зачем?..»

«Надо чокаться с богатыми и знаменитыми», — вспомнила я наставление Аллы и подняла свой бокал с недопитым вином:

— Когда можешь купить все, что хочешь, то хочешь того, что не продается. Еще раз за любовь, господа. За настоящую любовь!

Бокалы зазвенели богемским звоном.

— Разрешите откланяться. К сожалению, еще деловая встреча...

...Я брела по улице и думала о том, как стремительно меняется мир. Другая жизнь и другие ценности. Резко затормозила машина, из нее вышел мужчина и уверенно направился к одиноко стоящей у дороги девушке. Из тех, кто стоит там не случайно. Я узнала его, это был тот самый человек, который подарил куклу девочке в магазине. Кажется, сейчас он покупал куклу для себя...

...Бывают дни, когда все повторяется, словно под копирку. В это утро я снова проснулась с мыслью о деньгах. За последние годы они упрочили свои позиции, и теперь никто уже не сомневался в их главенствующей роли. Они заслонили собой досуг и подчинили себе творчество. Искусство уже не требовало жертв, только спонсоров. Теперь богатые называли себя элитой и богемой, причем не робко, а уверенно, а все остальные им усиленно подыгрывали. Для элиты открылись элитные рестораны и элитные магазины, салоны красоты и фитнес-залы, для них построилось новое жилье и печатались глянцевые журналы. Рыночные отношения победили человеческие. Люди тоже стали товаром, и каждый нес на себе свой ценник. Порядочность удешевляла товар, скромность — почти обесценивала. Черт возьми, зеленая бумага — всего лишь бумага, но нужно знать какой-то секрет, чтобы эта бумага оказалась именно в твоём кармане. Этот секрет по-прежнему оставался для меня за семью печатями.

Я лениво просматриваю список дел на сегодня. Заказное интервью с директором завода, вечером показ моделей. И желательнее найти время на встречу с подружками. Дружба — это единственное, что сегодня еще не продается.

Люся разбогатела, арендовала сверкающий офис, купила квартиру в пентхаусе и встретила мужчину, которого заказывала своему фэн-шюю. «Все будет так, как надо, даже если будет иначе», — говорила она теперь.

Автоматически иду в ванную, механически завтракаю. Как все надоело, каждый день одно и то же. Люди разные, а интервью одинаковые, как товары в супермаркетах. Одинаковые песни, разговоры, желания... Застой души.

— Привет, приходи сегодня в гости. — Это звонит Настя.

— Сразу после работы, — отвечаю я и понимаю, что все это уже было.

Открываю шкаф, там полно одежды, беру первый попавшийся костюм, надеваю не глядя. Директор завода, вернее, директорша, ждет меня в 11.00. Это та самая «госпожа». Она за это время сделала головокружительную карьеру, а я стала ее личным доверенным журналистом. Тоже повышение. Одно дело писать о директоре склада, и совсем другое — о директоре завода. Она постарела, молодость ведь не удержать ни статусом, ни количеством денег. Муж от нее тоже ушел. Тот, кто переступает через бедную женщину, рано или поздно переступит и через богатую. На столе у директрисы большой отрывной календарь, в котором вся неделя плотно расписана встречами с нужными людьми. Люди давно уже поделены на нужных и ненужных, и никого это не удивляет и не обижает.

— Как твои дела? — начинаю диалог.

— Ты спрашиваешь ради приличия или уже для статьи?

— То есть?

— Ладно, не обижайся, устала я что-то. Выйду иногда после работы, на дворе ночь, на небе звезды горят, я смотрю на них и думаю: вот так жизнь пройдет, а вспомнить нечего. Машины в гараже, деньги в бизнесе, дети при няне, а я вроде никому и не нужна...

— Давай я завтра к тебе приду. — Мне не хочется быть психотерапевтом. В конце концов, мне за это не платят. Она не глядя кивает.

С облегчением покидаю приемную и направляюсь на модные показы. Вот где ярмарка тщеславия! Какие-то безумные тетки с собачками, какие-то мальчишки с хохолками, тощие модельки, циничные меценаты. И вся эта масса шумит, целуется, общается, ревниво разглядывает друг друга. Вдруг всеобщее внимание привлекает появившаяся дама с «кошечкой». Белокурая мадам в изысканном туалете ведет на поводке девушку, раскрашенную под кошку. Девушка передвигается на четвереньках. Это настолько шокирует, что народ замирает. Но только на минуту. Журналисты, учуяв добычу, бросаются к ним. Мадам с удовольствием и со знанием дела дает интервью. Да, эта девушка — ее кошка, она донашивает вещи своей хозяйки, ведь у светской львицы много вещей. Эта «львица» напоминает мне гиену. Но деньги даже гиену могут поднять на недостижимую высоту.

Господи, где я ее видела? Вспомнила! Эта та самая модель, которая когда-то давно на показах ныряла в ванную с холодной водой. Теперь она мстит за свое унижение таким образом. Интересно, что будет делать эта девушка-кошечка со своими жертвами, когда встанет на ноги? Думать об этом не хотелось, и

смотреть показы тоже расхотелось. Ну что они могут показать нового? Швы наружу, душа наизнанку?

Выхожу на улицу и полной грудью вдыхаю воздух. Дышать нечем, пахнет бензином, на стоянке сотни автомашин.

* * *

К Люсе захожу почти по инерции. Она в домашнем платье и без косметики.

— Привет! Как дела?

— Тебе правда интересно как у меня дела? — усталым голосом ответила Люся.

— Что случилось?

— Представляешь, я вчера была у своего кума. Он показал мне бытовую видеокассету. Там молодые, красивые, счастливые люди. Все они потом разбогатели, кто-то отчаянно, кто-то нечаянно. Но никто не вынес испытания деньгами. Знаешь, так страшно было видеть на экране жизнерадостного человека и слышать историю его гибели. Один спился, другой погиб от передозировки. Кто-то разорился и покончил жизнь самоубийством. Каждый из них очень дорого заплатил за свое неожиданное богатства. Представляешь, а вдруг действительно самое главное — сохранить свою душу, а мы готовы ее продать, заложить, обменять, лишь бы разбогатеть?

Я обвела взглядом ее обитель. Все добротно, стильно, дорого. Достойный дом достойного человека. И среди этого великолепия растерянная хозяйка, которая решила искать смысл жизни.

— Испытание бедностью или богатством — это все равно испытание деньгами... — неуверенно начала я.

Нет, философствовать не хотелось, и я вскоре оставляю подругу в ее изолированном стометровом раю.

По дороге к Насте захожу в супермаркет, где долго брожу между полок. Нет, я не ищу деликатесы и не экономлю деньги, я пытаюсь найти что-то живое. Чтобы яблоко пахло яблоком и вкус у него был кисло-сладкий, а не пластилиновый. Чтобы хлеб был с хрустящей корочкой, а срок годности молока ограничивался сутками, а не месяцами. Увы, на полочках сплошь искусственная еда. Покупателей это не смущает, они забрасывают в свои корзинки крабовые палочки (если это крабы, то почему палочки, если палочки, то при чем тут крабы?), соевое мясо, полуфабрикаты (сейчас все с приставкой «полу»: полуеда, полумуж).

Звоню в дверь и привычно улыбаюсь в видеоканеру. Как ни странно, гостей у Насти нет. Да и сама она какая-то встревоженная.

— А где твой муж?

— Его в милицию вызвали.

— ???

— Представляешь, этот миллионер Вадик оказался киллером и всех, чьи имена были в его записной книжке, теперь таскают, — сказала Настя с раздражением.

— Кем оказался? — Я не поверила своим ушам.

— Киллером...

Вот это да! Так вот как этот глянцевого красавец с изящными руками заработал свой миллион...

Я живо вспомнила его циничный взгляд и противный смех. Я вспомнила

его холеные руки и стильные запонки. А вот лицо воспроизвести не смогла.

М-да, сидела, обедала с киллером, даже пыталась ему понравиться... Я почему-то отчетливо вспомнила, как мы с наемным убийцей пили за любовь.

— Настя, я поняла: пить надо не с богатыми и знаменитыми, а со счастливыми! Тащи свое вино, помянем Вадика и его миллион...

Мы выпили, и мне показалось, что деньги утратили свою магическую силу.

На следующее утро я проснулась с мыслью о счастье...

ИНОСТРАНКА

Она была подвижная, гибкая и изящная, с большими выразительными глазами, которые смотрели в самую душу. Она была иностранка. Саше подарили ее друзья.

— Бери, она скрасит твоё одиночество. Она из-за границы, у нас второй такой нет — чистый эксклюзив.

— А что я ней делать буду? За ней же особый уход нужен. — Саша готов был взять ее сразу, как только увидел, но он хотел, чтобы его убедили.

— Да ничего особенного. Уход как за обычной женщиной: внимание и ласка, — подмигнули друзья.

Саша посадил свой подарок в стеклянную банку и повез домой. Ящерка всю дорогу внимательно смотрела на своего нового хозяина. Изучала. Вероятно, хозяин ей понравился, потому что дома она быстро освоилась, с аппетитом поела и улеглась спать на полу у его ног.

— Вот ты какая! Где тепло, там и родина, — усмехнулся Саша и вспомнил о своей жене. О бывшей жене.

Она была маленькая и юркая, с большими карими глазами и смотрела прямо, как эта ящерка, в самую душу. Она была дорогая женщина, и хорошего человека рядом ей показалось мало, поэтому она ушла к богатому и уехала с ним за границу. Променила мужа и родину на деньги. С тех пор Саша смотрел на женщин как на банкоматы — машины, которые пропускают через себя чужие деньги. И не важно, где расположен этот банкомат: на дороге, в банке или в твоей квартире. Сущность от этого не меняется. Саша вздохнул и погладил ящерицу по холодной чешуйчатой коже. Ящерка выгнулась.

— Ладно, спи, иностранка.

Она прижилась у него. Иногда по вечерам они вместе ужинали. Она забиралась на стол, ела с рук хозяина и смотрела лупатыми преданными глазами.

— Почему паук коварный и плетет паутину интриг? Может, он утонченный ремесленник, который превращает пыль в тончайшее кружево? Всегда в тени, всегда в трудах. А если в эту паутину угодит муха, так ведь и соловей питается червяками...

Почему мы умиляемся хомячками и ненавидим их собратьев мышей? За то, что они приземленные, сидят в норах? Так ведь есть летучие мыши, те, кто, презрев законы тяготения, взлетели над суетой. Но для нас летучая мышь — это вообще тихий ужас.

Кто сказал, что изящные мудрые ящерицы — это плохо? — философствовал Саша со своей иностранкой, и ему казалось, что она все понимает.

Прошел месяц. В тот вечер он пришел взволнованным. Он узнал, что вернулась жена. То ли приехала в отпуск, то ли насовсем. Саша почему-то очень разволновался. Как будто этот приезд мог что-то изменить в его жизни. Ему казалось, что уже все отболело, зажило и ни один «банкомат» его больше не потревожит. Но мысли навязчиво возвращались к этой предательнице. По дороге он зашел в зоомагазин купить ящерке еды и неожиданно замер возле стеклянного аквариума. Там две рептилии сплелись в причудливом объятии. Две противные, ядовитые, скользкие твари замерли, тесно прижавшись друг к другу. Это было удивительное зрелище. Внешний мир для них не существовал. Им было все равно, что их выставили на всеобщее обозрение и скупаю-

щие зеваки глазели на них и обсуждали, какой славный мог бы получиться поясок... Они были вдвоем на всем белом свете, помещенные в этот стеклянный ящик. Они слились в единое целое. Они были совершенны. Гармоничны. Две ядовитые змеи любили друг друга...

Саше стало не по себе. Он понял, что все это время старательно обманывал себя. Ему отчаянно не хватало любви, внимания и понимания.

Он ходил по квартире потерянный и совершенно забыл про свою иностранку. Сначала он наступил на нее в ванной, потом забыл дать еды, короче, лишил внимания и ласки. Ящерка больно укусила его за палец. Саша оторопел. Сначала от неожиданности, потом от боли. Он даже не ударил ее, просто сбросил со стола и пошел прижигать рану.

— Ничего себе, иностранка, не успела вид на жительство получить, а уже кусается, характер показывает.

Ящерка как будто понимала свою вину, она ползала за ним следом и смотрела, смотрела долгим пронзительным взглядом. Когда он утром проснулся, вздрогнул, потому что она сидела на полке и глядела виновато-виновато. Казалось, она всю ночь не смыкала глаз.

— Да успокойся, дурочка, я на тебя не сержусь. — Он улыбнулся.

Укушенный палец посинел и распух. По дороге в ванную у него закружилась голова. На работу он не пошел. Ящерица не отходила от него ни на шаг. Всем своим видом она давала понять, что глубоко сожалеет о содеянном.

— Если бы люди так раскаивались в своих поступках. — Он погладил иностранку здоровой рукой. Ящерица прищурилась.

К вечеру у Саши поднялась температура и начался озноб. Саша лежал в полной тишине и сожалел, что нет рядом близкой женщины, которая могла бы поухаживать за ним. Только преданная ящерка не отползала ни на шаг. Внезапно его охватил страх, и захотелось увидеть рядом человека, он дрожащей рукой набрал «Скорую».

— Что случилось? — Дежурный вопрос дежурного врача.

— Да вот ящерица вчера укусила. — Он кивнул на свою иностранку, которая сидела тут же и виновато-преданно смотрела на хозяина. Медсестра инстинктивно отскочила в сторону, но ящерка на нее не реагировала вообще. Она видела только Сашу.

— Вы бы еще крокодила завели, — раздраженно сказал врач и стал внимательно осматривать укус. Опухоль переметнулась с пальца и осваивала новые территории, захватив в свои владения уже полруки. Рука горела огнем, его билась дрожь, сушила жажда, и сознание было готово в любой момент ускользнуть.

— Срочно госпитализировать. — Врач сказал это таким тоном, что серьезность положения ни у кого не вызвала сомнения.

Всю ночь Саша провел под капельницами, а его лечащий врач в Интернете. Сашино состояние стремительно ухудшалось.

— Скорее всего ящерица ядовитая, и надо срочно искать противоядие. — Врач был из той редкой породы врачей, для которых поставить правильный диагноз и победить болезнь — все равно что выиграть партию в шахматы. Доктор обратился за помощью на медицинские форумы и «врачи без границ» нашли-таки противоядие.

Саша открыл глаза и понял, что выспался. В палате было тепло и тихо. Он

вспомнил про иностранку и перевел взгляд на руку. Опухоль спала, и хотя слабость еще ощущалась, хотелось есть.

— Ну что, смертничек, очухался? — Врач был в отличном настроении.

— Что за черный юмор, — обиделся Саша.

— По сценарию ты должен спросить про свою подружку лягушку.

— Про какую лягушку?

— Про ту, что приютил в своем доме. Кормил, поил, хорошо, хоть не женился...

— Доктор, я в сумасшедшем доме?

— Пока нет, но от того, что я тебе расскажу, действительно можно умом тронуться. — И врач стал рассказывать. — Короче, подарили тебе редкую тварь, которая жалит смертельным ядом. Но прежде чем ужалить, она входит в доверие к своей жертве, а потом, впрыснув смертельную дозу, не спускает глаз со своей добычи, ждет, когда та окочурится, чтобы сожрать. Ты вовремя спохватился, смертничек.

Саша в изнеможении закрыл глаза и вспомнил, как эта гадина ползала за ним по квартире и не спускала с него глаз. А он ее еще успокаивал...

— Доктор, я за все заплачу.

— А то, — врач по-свойски улыбнулся. — Есть хочешь?

— А то, — подыграл ему Саша.

Вернувшись домой, Саша изловил ящерицу, посадил ее в банку и закрыл крышкой с дырочками. Что с ней делать, еще не решил. Он представлял, как она поедает его бездыханное тело, ему становилось не по себе, и он старался не встречаться с ней взглядом.

— Ух ты, гадина иностранная! — Он погрозил кулаком и набрал номер жены. После того что с ним случилось, ему было уже все равно. — Привет, — сказал он, как будто она не поменяла его на старого богатого немца, как будто он не пил полгода и не думал о том, как бы попроще уйти из жизни.

— Привет, — просто ответила она, — словно они не виделись всего два часа.

— Ты вернулась?

— Да.

— Почему?

— Потому что родина только одна, все остальное — место жительства...

— А муж?

— Муж тоже только один. Все остальные — сожители...

Он слушал этот родной до боли голос и не верил. Неужели, чтобы вернуться, надо уйти? Чтобы оценить — потерять? Неужели все еще можно исправить?

— Я сейчас приеду за тобой!

Он метнулся к двери и поймал пристальный взгляд иностранки. Хлопнув дверью, побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Как в юности.

Она смотрела на него своими большими выразительными глазами, и казалось, все про него знала. И про его отчаянное одиночество, и про запой, и даже про иностранку.

Когда он привез бывшую жену домой, первым делом бросил взгляд на банку с пленницей. Банка была пуста. Иностранка уползла в поисках другого по-

литического убежища...

МУЖЧИНА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

Мне было тогда двадцать с небольшим, и сорокалетние мужчины воспринимались мной как убеленные сединами старцы.

Я не помню, как он появился в нашем доме. Муж почему-то пригласил его в гости.

— Познакомься: это профессор, — сказал муж. Имя он назвал неразборчиво, и у меня в памяти отпечаталось только слово «профессор».

— Очень приятно.

Мне действительно приятно было видеть в своем доме гостя, и я захотела ему понравиться. Может, потому что он был красивый мужчина, с волосами, слегка тронутыми сединой, словно изморозью, с большими грустными глазами. А может, потому что он был профессором. Да мало ли почему молодая женщина хочет понравиться зрелому мужчине.

Я выставила на стол все, что было в доме. Муж достал коньяк. Но наш гость попросил стакан воды. Он мягко, но категорично отказался от угощения и весь вечер пил только воду маленькими глотками.

Он пил эту воду, как гурман пьет изысканные напитки.

Я заморожено наблюдала за ним. Наверное, он на диете. Есть такие специальные диеты для очищения, похудения и омоложения. Он из тех людей, что работают над собой, чтобы быть в форме, он укрощает плоть и не идет на поводу у желудка. А может, он постится? У него есть вера, и он следует ей, соблюдая все каноны. Какой интересный!

Когда он говорил, каждое слово было значительным, я впитывала его слова, а сама не сводила с него глаз.

— Жизнь такая быстротечная. Бежишь, торопишься, а в итоге все равно ничего не успеваешь, — сказал он, медленно цедя воду.

— Это вы-то ничего не успеваете? Такой молодой, а уже профессор. — Мне хотелось подчеркнуть его значительность.

— Ну что вы, при чем здесь звание? Это все такие мелочи.

— Давайте выпьем за счастье! — Муж поднял рюмку с коньяком.

— О счастье... Это когда ты в юности можешь бросаться словами, совершать глупости, строить воздушные замки и доставать звезды с неба. Это когда в зрелости ты должен отвечать за свои слова, работать над ошибками, строить реальные дома и искать истину и смысл жизни. А в конце жизни счастье — это просто жить. — Он говорил тихо, неторопливо и очень веско.

Он все делал тихо и неторопливо: то ли никуда не спешил, то ли очень экономил движения. Я беззастенчиво рассматривала нашего собеседника. Высокий, худощавый, с длинными, тонкими, слегка дрожащими пальцами. Благородная седина, аристократическая бледность и выразительные карие глаза под густой сенью ресниц. Все-таки он был очень загадочным. Неожиданно вставал и уходил в ванную. Потом возвращался и плавно включался в разговор. Когда он замолкал, мне казалось, что он не здесь и не с нами.

— Какой у вас стильный костюм! — Мне захотелось сделать ему комплимент. Но я где-то слышала, что мужчине в виде комплимента можно сказать лишь, что ему очень идут его брюки.

— Это хорошая классика, будет в моде вечно, — поддержал меня муж.

— Как много вещей, которые переживут нас, — сказал профессор, и глаза у

него стали грустные-грустные.

За столом повисла пауза, и чтобы заполнить ее, муж снова наполнил рюмки коньяком и произнес:

— Давайте за хорошую жизнь! Как говорил Сенека, «не сама жизнь есть благо, но хорошая жизнь!»

— Неправда. Сама жизнь, — произнес наш таинственный гость и выпил свою воду залпом.

— Каждый человек сам свою жизнь делает. Величие — оно в стремлении. Наполеон хотел покорить мир — и его имя осталось в истории как имя собственное. А те, кого интересовали лишь урожай на своем земельном участке, вошли в историю под общим названием народ, — возразил муж.

— Но та эпоха закончилась, а вместе с ней ушли и великие, и безымянные. Какая разница Наполеону, что вы сейчас пьете коньяк имени его? — сказал профессор.

— Если бы у меня был выбор остаться в памяти потомков или кануть в Лету малопримечательным Васей, я предпочел бы первое. И пусть пьют напитки имени меня, и едят торты имени меня, и называют рестораны... — Супруг не успел договорить.

— Для этого надо уничтожить тысячи людей, то есть стать титулованным убийцей. И смириться с тем, что в музеях будут рассматривать твои кости, твоя история болезни станет достоянием гласности, а твою историю любви будут обмусоливать бездарные сценаристы. — Профессор подлил себе воды, потому что у него пересохло во рту.

Мы снова переменили тему разговора. Зачем лезть в дебри истории и философии, когда мы просто хотели познакомиться поближе с интересным человеком и скоротать вечер? У моего мужа всегда были далеко идущие планы. Он умел заводить знакомства и поддерживать отношения с нужными людьми. Профессор был нужен для защиты диссертации, да и ребенок подрастает, не успеешь оглянуться — в институт устраивать. А для меня, дипломированной домохозяйки, новый человек — всегда праздник. А необычный, интересный, таинственный — суперпраздник. Сегодня так сложно встретить человека, с которым можно поговорить о чем-то значительном. Чтобы включались мозги и чувства. Это тест на привлекательность и интеллект-шоу, как говорится, два в одном.

— Знаете, человек обладает удивительным качеством. Он всегда видит то, что хочет видеть, и слышит то, что хочет слышать. Поэтому ему так сложно увидеть настоящую картину жизни. — Наш гость говорил загадками.

Это потому что он хочет мне понравиться, самонадеянно думала я. Если бы я тогда знала его тайну... Это сейчас я знаю, что мудрый человек всегда говорит о самом главном, надо только суметь его услышать.

Часы неумолимо отсчитывали время нашего общения, и вечер плавно переходил в ночь. Мужчина порывисто встал, галантно поклонился мне, пожал руку мужу и хрипло сказал:

— Я желаю вам счастья. Прощайте.

И ушел. Мы долго молчали. Было ощущение какой-то непонятости.

— Станный он какой-то, — осторожно высказала я свое мнение.

— У ученых свои причуды. Мне говорили о нем как об очень умном и порядочном человеке. Может, умные и порядочные именно такие?

Мы помыли посуду и легли спать. Меня очень долго не покидало странное чувство. Я все время думала об этом профессоре. Как будто между нами осталось что-то недосказанное. Я силилась понять — что, но не могла. Через две недели муж пришел домой потрясенный:

— Ты не представляешь, профессор умер.

— Как умер? Почему умер? Не может быть... — Я отказывалась верить.

— Ты знаешь, оказывается, у него был рак. Он уже ничего не ел и угасал буквально на глазах. Но лежать в квартире и ждать смерти не хотел, поэтому общался со всеми как в последний раз. А я как раз зацепил его, говорю: «Так хотел с вами познакомиться». А он ответил: «Раз хотели, не будем откладывать» — и подарил нам целый вечер своей жизни...

Я была потрясена. Вот она, разгадка. Вот она, таинственность. Человек видит только то, что хочет видеть. Муж видел нужного человека, я — красивого мужика. А перед нами сидел смертельно больной человек и ничем не выдал своего страха перед смертью. Я стала в подробностях вспоминать весь наш разговор и поняла, почему его слова казались такими значительными. Потому что перед смертью люди говорят самое главное.

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКЕ

«Я знаю о тебе все или почти все. Несколько лет я смотрела твою жизнь, как сериал. Каждый вечер и каждое утро. Мы незнакомы, и ты вряд ли догадываешься о моем существовании. Просто я очень люблю заглядывать в окна, за которыми течет своя жизнь. Та, настоящая, что скрыта от посторонних глаз.

Твои окна находятся на четвертом этаже прямо напротив моих. И однажды вечером я стояла и просто смотрела на горящие окна. Одни были наглухо занавешены, другие небрежно приоткрыты, а твои распахнуты, словно экран телевизора. В ярко освещенной комнате были ты и твой мужчина. Вы, видимо, ожидали гостей и накрывали на стол. Ты, пританцовывая, носилась с тарелками, а твой мужчина каждый раз, когда ты пробегала мимо, целовал или обнимал тебя. Я с интересом наблюдала. В моей комнате было темно, в кровати только что уснул ребенок. Муж служил на краю света, и мне было страшно одиноко и грустно. Я весь вечер простояла у окна, наблюдая, как пришли гости, как вы ужинали и как потом, когда все ушли, вы обнялись и медленно танцевали возле стола с неубранной посудой. Это было как немое кино, когда ничего не надо озвучивать и так все понятно. Вы медленно двигались в такт неслышной музыке, он прижимал тебя все настойчивее и требовательнее. Потом вы погасили свет...

«Когда мой муж вернется, мы тоже будем танцевать по вечерам», — думала я. Так или иначе, но с тех пор я стала подсматривать за вашей жизнью. А вы, словно специально для меня, не занавешивали окна. Вот ты возишься на кухне, неторопливо что-то готовишь, поливаешь цветы (кстати, у тебя потрясающие цветы на подоконнике!), вот читаешь книжки сыну. Вот ты садишься за рояль, и маленькая тесная хрущевка оживает, а твой мужчина смотрит на тебя с обожанием. Мне нравится твоя горделивая осанка и высокая прическа. Иногда я вижу, как ты перед зеркалом укладываешь свои длинные светлые волосы. Даже по квартире ты двигаешься особенно. Я узнала у соседей, что ты преподаешь музыку в музыкальной школе, а твой муж простой советский инженер. Я не знаю, о чем вы говорите и чем живете, но я вижу, как вы сидите обнявшись. Мне кажется, что даже свет в вашей квартирке горит ярче, чем у других.

Однажды я встретила вас на улице. Вы шли под руку, не торопясь и никого не замечая вокруг. Я уставилась на вас как на героев «Санта-Барбары», потому что не могла представить, что вы живете не только в моем окне. Тогда я внимательно рассмотрела вас. Счастливая женщина и красивый мужчина. Ты высокая блондинка с плавными движениями, а он большой бородатый брюнет. Спокойный, как гранит, и надежный, как счет в швейцарском банке.

Наверное, в этот момент я поняла, как страшно скучаю по своему бородатому брюнету. Когда он сел в автобус и в последний раз помахал мне рукой, мне показалось, что у меня забрали часть меня. Мне так одиноко и пусто без него, что даже ребенок не скрашивает мою жизнь. Я болею какой-то странной болезнью под названием одиночество. Когда я смотрю в ваши окна, то согреваюсь и представляю, как нам будет хорошо, когда муж вернется. Мы будем просто сидеть, как вы, обнявшись и молчать. Просто молчать.

Мой муж вернулся, когда Советский Союз разваливался, и этот развал ощу-

щался во всем: в тревожных сообщениях программы «Время», в бессонных ночах первых безработных, в лихорадочном метании челноков. Мне было все равно: мой мужчина вернулся! «Знаешь, кто мне помог продержаться без тебя? Они! — И я показала мужу окна твоей квартиры. — Когда они обнимались, я представляла себя в твоих объятиях, когда они принимали гостей, я планировала нашу с тобой дальнейшую жизнь». «У нас все будет лучше!» — сказал муж и закружил меня в вихре счастливой жизни.

В новом мире у нас все сложилось, и вскоре мы переехали в другую квартиру, а эту оставили на всякий случай. Рос наш сынишка, и своя жилплощадь лет эдак через пятнадцать ему не помешает.

На новом месте мне не хватало... вас. И я приезжала сюда, чтобы посмотреть на вашу жизнь. Наблюдать я могла лишь когда темнело и вы зажигали свет. Тогда передо мной оживали картинки, словно на экране телевизора.

Все постепенно менялось, и даже окна в доме стали другими. Пластиковыми. В некоторых вместо старых занавесок появились новомодные жалюзи, наглухо скрывающие жизнь хозяев, а ваши по-прежнему были распахнуты миру.

Но что-то у вас тоже незримо поменялось. Вместо высокой прически, которая тебе очень шла, ты сделала короткую стрижку и сразу потерялась и стала как все. Твой мужчина все чаще сидел, обхватив голову руками, а ты перестала играть на фортепьяно и принимать гостей. Однажды я увидела, как вы обнимались. В этом объятии было столько боли, как будто вы прощались навсегда.

Затем твоего мужчины не стало. Без него ты стала другая. Беспокойная и нервная, ты носилась по квартире, как будто боялась куда-то опоздать. Изредка появлялся сын, но книжек ты ему уже не читала, и он одиноко смотрел телевизор. Интересно, а где твой бородач?

Однажды я увидела, что ты накрывала на стол. Пританцовывая, ты раскладывала на столе тарелки, как пасьянс. А я словно замороженная стояла у окна своей старой квартиры и смотрела в твои окна. Вот стол накрыт, и ты в ожидании прихорашиваешься у зеркала. Затем в комнате появляется мужчина. Нет, нет, не твой бородач, а совсем другой. Он мне не нравится. Вы гасите общий свет и зажигаете свечи. Мне становится плохо видно, но все понятно.

В ту ночь я особенно нежно любила мужа.

— Я тебя никогда не предаю! Обещай, что мы всегда будем вместе, — шептала я, прижимаясь к нему.

— И умрем в один день. — Он заразительно хохотал.

А потом наша жизнь закружилась в каком-то сумасшедшем ритме. Муж занялся своим бизнесом, я ему помогала. Мы торопились делать деньги и больше ни на что не отвлекались. Наша новая квартира приобретала вид европейского жилья с встроенной бытовой техникой, мы купили новый автомобиль, съездили в круиз и вообще чувствовали себя очень уютно в новом, изменившемся мире.

Как-то утром я проснулась и поняла, что страшно устала. В погоне за деньгами я выпала из жизни почти на десятилетие. Я знала курсы валют и спрос на рынках сбыта, но была совершенно не в курсе, что люди читают, о чем мечтают и чем живут. Мой собственный ребенок рос под присмотром гувернантки. Я выпила кофе, отключила мобильный, взяла ключи и поехала на старую

квартиру. Первым делом я подошла к своему наблюдательному пункту.

Твои окна были пыльные и непривычно грязные. Цветы завяли. Вечером ваши окна не зажглись. Боже мой, что случилось? Я уже вытерла пыль в своей старой квартирке, перелистала альбомы с фотографиями, поперекладывала вещи с места на место, а ваши окна по-прежнему непривычно чернели. Я решила остаться ночевать. Позвонила мужу.

— Алле, ты не против, если я здесь переночую?

— Что, хочешь посмотреть реалити-шоу «За стеклом»? — Он рассмеялся и великодушно разрешил мне остаться.

Я уже засыпала, когда вспышка света осветила мою комнату. Это зажегся свет в квартире напротив. Я вскочила и подбежала к окну.

Вы вошли в квартиру вместе с бородачом. Это была та же квартира, за эти годы в ней ничего не изменилось, только все устарело и пришло в негодность. Обстановка, которая десять лет назад выглядела пристойной, сейчас смотрелась как едва прикрытая нищета. Да и вы были уже совсем не те люди, которых я видела раньше. Куда делась твоя былая гордая осанка. Жизнь сгорбила тебя, и ты стала даже меньше ростом. Твой бородач тоже поседел и постарел. Вы не раздеваясь вошли в комнату и сели за стол. Вы молчали, но молчание было тягостным. Я ощущала это даже на расстоянии. Затем он встал и, не прощаясь, ушел. Ты закрыла лицо руками. Наверное, ты плакала. Откуда мне знать? Мне страшно хотелось прийти к тебе и поговорить по душам, но я даже не знала, как тебя зовут.

На следующий день, когда я уезжала, я столкнулась с тобой на улице. Ты везла огромную тачку с картошкой. Я автоматически шла за тобой. Я всегда думала, что скрипач не может быть землекопом, но, видимо, я ошибалась. Ты, одаренная пианистка, не нашла своего места в изменившемся мире, не сумела или не захотела подстроиться и вот сейчас продаешь картошку на рынке.

И я решила тебе написать. На самом деле никогда не поздно все исправить, особенно если это касается любимого человека. Ваша любовь согревала меня на протяжении многих лет. И мне будет очень жаль, если ваши окна погаснут».

Я бросила это письмо в ее почтовый ящик. Вечером ее окна были наглухо закрыты шторами. Сеанс окончился.

БОМБА

Началась регистрация билетов. Пассажиры подошли к стойке. Смертники, виноватые лишь в том, что летят одним рейсом с приговоренными.

Палачом был Дубов, который стоял тут же и невозмутимо рассматривал пассажиров. Дети баловались и не слушались, влюбленные спешили нацеловаться на время разлуки, командированные читали прессу. Они не предполагали, что жить им осталось пару часов и время уже пошло.

Статный подполковник стоял рядом с некрасивой нескладной женщиной и угловатым подростком. Он посылал их на верную смерть. Сейчас они взлетят в небо и взорвутся там, а заодно с ними взорвутся и все эти несчастные пассажиры. Что делать, значит, у них такая судьба. А впрочем, им не будет страшно и больно, все произойдет в мгновение ока.

В руках у него была сумка, в которой лежала смерть более чем двух сотен людей. «Смерть» была тяжелая, но подполковник не выпускал свою ношу из рук. Объявили посадку.

«Гадкий утенок, которому так и не суждено стать лебедем», — подумал Дубов, глядя на дочь. Подумал без жалости, как бы машинально констатируя факт. Его нелюбовь к жене автоматически перешла и на дочь. Но он был вынужден не только жить с ними, но и содержать. Каждый день возвращаться в свою «крепость» и держать оборону.

Его все раздражало в этой женщине, которая называлась его женой: ее медлительность, неповоротливость, манера говорить и одеваться. Когда-то он не придавал этому большого значения. Тогда он окончил училище, получил распределение в Казахстан и был в ужасе от перспективы ехать туда одному. Нужна была боевая подруга. Время поджимало, и выбирать не приходилось. С Настей его познакомил друг, который не пропускал ни одной дискотеки и знал почти всех «невест». Настя была невеста со стажем, она уже не первый год посещала «военные склады», как в шутку называли училище ее подружки. По внешности и по характеру Настя была типичная «фефела». Неуклюжая, неряшливая и примитивная, хотя, в сущности, она была неплохая баба, безвредная и преданная. И относилась к той категории женщин, которым нужен хозяин. С детства ее учили, что мужа надо слушаться и прощать его шалости, что она исправно и делала уже более тринадцати лет. С годами Настя почти не изменилась, только появились мелкие морщинки и складочки жира, седые пряди и золотые коронки. Дубов же относился к тому типу мужчин, которые с годами только хорошеют. Он раздался в плечах, отрастил усы и превратился в бравого подполковника. Женщины вокруг него вились роем. И вдруг на него свалилось испытание любовью. В часть приехала работать врач — Тамара. Ее сразу окрестили Царица Тамара. Высокая, стройная брюнетка с холодным, надменным взглядом сразу вызвала интерес местного офицерства.

Приезд молодой, красивой, ничейной Царицы Тамары был равносильно объявлению военного положения в городке. Неразгаданная тайна будоражила умы местных сплетниц и расплывала воображение их мужей. Всеобщая лихорадка охватила и Дубова. А после того как покоритель дамских сердец майор Полетаев получил от ворот поворот, ставки были подняты. Дубов пошел в наступление. И... оказался побежденным. Царица Тамара уложила его на обе лопатки. Впервые в жизни он влюбился.

Дубов привык к суровой армейской жизни, где все просто и понятно. Женщина — друг человека! Это была аксиома для дружной мужской компании, в которой офицеры перемывали косточки прекрасному полу и хвастались своими победами. Но чтобы влюбиться?!

Тамара вошла в его жизнь как пуля — быстро и больно. Это было даже не ранение, а контузия, от которой он так и не оправился. Она была не такая, как все, а главное, не такая, как его жена. Это была настоящая женщина, и он хотел даже не обладать ею, а владеть. Безраздельно.

Мысли материализуются, и его сумасшедшая мечта стала явью. Теперь, имея доступ к Царице, Дубов больше всего боялся его потерять. Городок уже узнал, обсудил и забыл служебный роман между начальником гарнизона и военврачом. Только Настя Дубова была не в курсе. Она жила жизнью многочисленных сериалов, которыми телевидение щедро кормило зрителей. Плакала вместе с Марианнами и Мариями, Розами и Эдерами, а между тем сериал ее собственной жизни раскручивался куда круче.

Бурный роман между свободной женщиной и женатым мужчиной может развиваться по двум сценариям: либо бурное расставание с любовницей, либо развод с женой. В училище его учили искать самый простой выход из положения. Была необходимость убрать с жизненной территории жену и дочь. Иными словами, овдоветь. Можно было бы, конечно, просто развестись. Но тогда пришлось бы оставить семье имущество, и развод отразился бы не лучшим образом на карьере. А ему хотелось сделать Тамару генеральшей. Идея пришла сама. Жена с дочкой полетят проведать тещу, а самолет взорвется в воздухе. Когда-то в училище он особенно усердно изучал раздел «Взрывчатые вещества», как будто знал, что пригодится. Тамару в свой план не посвящал: зачем Царице такие подробности? Сказал только, что отправляет семью, а сам за это время подготовится к отступлению.

Семья оживленно собиралась в аэропорт. Юлька весело щебетала, ей надоело жить за казарменным забором, где все служебное, хотелось на Большую землю. Она полетит на большом самолете, с ней случится интересное приключение, которое изменит ее жизнь. Настя тоже что-то напевала. «Какой все же Сережа заботливый, купил билеты, сумку собрал в дорогу», — думала она.

— Сереж, ты не успеешь соскучиться, а мы уже вернемся, — успокоила Настя мужа, когда он с какой-то странной грустью смотрел на них.

— Мы, как приедем, сразу позвоним, — добавила Юлька.

— Жду вас в машине, — сказал Дубов и, подхватив сумку, направился к выходу.

— А присесть на дорожку, а то не повезет!

Дубов послушно опустил на тахту. Тахта жалобно скрипнула. Они вышли и дружно направились к машине, как вдруг на дорогу выскочила черная кошка и замерла как вкопанная. Дубовы тоже замерли.

— Мы опоздаем, — произнес глава семейства и сделал решительный шаг.

Кошка опрометью бросилась ему под ноги и перебежала дорогу.

Семья прибыла в аэропорт к началу регистрации билетов.

— Сереж, ты не жди, поезжай домой, — сказала Настя.

— Ну уж нет. Я вас посажу. Служба подождет. Я же не каждый день вас провожаю.

Он провожал их на тот свет. И совершенно искренне желал счастливого пу-

ти. Механизм запущен, время пошло и изменить ничего нельзя.

Прощание закончилось. Дубов передал сумку Насте и, махнув рукой, легко зашагал к машине. Не спеша закурил и отправился навстречу новой жизни.

Самолет легко набирал высоту. В иллюминаторе замелькали крошечные коробочки, именуемые домами, потом все исчезло, и перед глазами распростерся белоснежный океан облаков и сверкающее ослепительное солнце. Юлька замерла от всего этого великолепия. Перед ней была Вселенная, а она находилась внутри железной птицы и неслась в пространстве и времени навстречу будущему. Пассажиры не разделяли ее восторга. Кого-то впереди рвало, то ли от страха, то ли от непривычки. Рожденному ползать, как известно, лучше в самолет не садиться. Сосед справа не отрываясь смотрел на дисплей своего мини-компьютера. Даже в воздухе он продолжал играть в самую азартную игру — бизнес.

Молодая леди смотрелась в зеркальце. Нет, она не спрашивала, кто на свете всех милее, потому что знала — она.

И только дети искренне наслаждались полетом. Они смотрели в иллюминатор, и хотя там были только пушистые белые облака, это было их зеркало и их азартная игра.

Настя читала глянцевого журнала, книжку-раскраску о жизни богатых и знаменитых.

Секс-символ целой эпохи Мэрилин Монро, оказывается, была очень одинока и несчастна и предпочла уйти в мир иной. Дочери Аристотеля Онассиса тоже не хватило женского счастья, и она ушла в иллюзорный мир наркотиков. Да что там Монро и Онассис, даже Нефертити, эталон красоты, и та познала горечь измены. Фараон оставил ее ради соперницы. «Да, не зависит женское счастье ни от красоты, ни от богатства, ни от знатности», — сделала Настя глубокомысленный вывод. Она украдкой посмотрела на сидящую рядом дочь. Угловатая, нескладная Юлька была похожа на нее. У уточки не может вывестись лебедь — это генетика. Как-то у нее сложится жизнь? Самой ей сорок, а что она видела? Подъем — отбой. Равнение на Дубова. Ячейка общества цементировалась штампом, пропиской и привычкой.

— Граждане пассажиры, пристегните ремни, через несколько минут наш самолет приземлится, — прервала ее мысли стюардесса.

Багаж выдали без задержки. Как ни странно, их никто не встретил. Когда Настя нервничала, она ела. И теперь тоже инстинктивно потянулась за едой, но вместо пакета с колбасой обнаружила непонятный сверток. Она достала его, развернула и рассыпала какой-то белый порошок. Трех палок салями, швейцарского сыра и кетчупа не было.

«Это сотрудники аэропорта подменили кульки», — подумала Настя и решительно направилась в аэропорт, Юлька неохотно поплелась за ней.

Начальник службы перевозок уже заканчивал смену, когда его срочно вызвали по селекторной связи. В кабинете руководства уже была служба безопасности, начальник аэропорта и Настя с Юлей. На столе лежало взрывное устройство.

Когда до Насти дошел смысл всего происшедшего, она потеряла сознание. Это была защитная реакция организма — перестать думать, уйти в другое измерение. Сотрудники аэропорта смотрели на нее с сожалением.

Вернувшись домой, Дубов провалился в глубокий сон. Напряжение не может длиться так долго. Он отключился на три часа. Проснувшись, снова был в полной боевой готовности. Автоматически посмотрел на часы. Уже все свершилось — он вдовец. Дубов принял холодный душ, побрился. Он собирался к Тамаре. Пока не надо ей ничего говорить, надо дождаться сообщения.

Подполковник подошел к рубежу, который называется кризисом середины жизни. Жизнь не сложилась, не получилась. Хотелось ее переиграть, начать все сначала с новой женщиной.

Раздался телефонный звонок. Дубов вздрогнул. «Спокойно. Это звонят из Аэрофлота, сообщить о трагической гибели моей семьи».

— Дубов слушает.

— Папа, это я...

У него пересохло во рту. Звонок с того света.

— Ты откуда? — только и смог вымолвить. Трубка выпала из рук, а он сидел не в силах пошевелиться.

В дверь позвонили.

Дубов автоматически встал, открыл. Люди в штатском сомнений не вызывали — коллеги.

Так быстро? Что случилось или, вернее, чего не случилось? Он настолько был уверен в своем плане, что даже ничего не предусмотрел на случай провала.

— Дубов? Пройдемте с нами.

С ним не церемонились, значит, уже есть доказательства. Но как подозрение могло пасть на него? И почему позвонила Юля? Откуда она позвонила?

Юля звонила из аэропорта, девочка решила сообщить отцу, что они долетели. Но связь прервалась, и она бесцельно блуждала по зданию. Навстречу шли стюардесса и пилот с их рейса. Она узнала их сразу.

— Музу можно заменить на другую, если перестала вдохновлять. А боевую подругу просто пустить в расход. Вот какие вы, мужчины! — капризно говорила стюардесса своему спутнику.

«О чем это она?» — недоуменно подумала Юля и направилась к маме.

Придя в себя, Настя попросила отправить ее в часть. Ее отправили ближайшим рейсом.

Военный городок лихорадило. Весть об аресте разлетелась мгновенно. Офицерство интересовали новые назначения, перемещения и судьба опального шефа. Их боевых подруг волновала судьба отвергнутой жены и реакция любовницы. Все замерли в ожидании дальнейшего развития событий. Не каждый день судьба балует такими спектаклями.

«Нелюбимые жены ни в воде не тонут, ни в огне не горят, ни в самолетах не взрываются», — ехидничали мужчины.

«И все же какие мужики сволочи, а мы бабы — дуры», — вздыхала женская часть городка.

Хотя каждая в душе успокаивала себя, что она не настолько глупа, чтобы пропустить соперницу, а ее благоверный не настолько сволочь, чтобы отправить ее на смерть.

Сухое сообщение в прессе возвестило миру, что «была пресечена попытка взорвать пассажирский самолет с двумя сотнями пассажиров на борту. Террорист обезврежен. Им оказался подполковник, который покончил жизнь само-

убийством в камере предварительного следствия».

Уставшее общественное мнение не среагировало. Мало ли кто кого хотел взорвать. Когда человеку плохо, он готов взорвать весь мир.

Люди прочли и забыли. Они не перестали летать. И жениться тоже не перестали.

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ НА КОЛЫМУ

В какой-то момент я вдруг отчетливо поняла, что в моей жизни что-то не так. Вернее, все не так. Не сложилось с так называемым женским счастьем. И дело даже не в пустой постели, а в душевной пустоте. И хотя я достигла профессиональных высот и денежного благополучия, все это не радовало и не удовлетворяло.

— Получать удовольствие от работы — это извращение, — назидательно заявила мне подруга и подсунула адрес известной на весь город гадалки.

— Я собираюсь потратить свою заначку на поездку в Египет или покупку новой дубленки. И мне кажется, что это изменит мою жизнь, — робко поделилась я своими надеждами с подругой.

— Скажи, пожалуйста, как дубленка может изменить жизнь одинокой женщины? Ты в ней спать, что ли, будешь?

— Что ты цепляешься к словам?

— Я просто хочу тебе помочь. Может, тебе не в Египет ехать надо, а на экскурсию в Бровары, и моя ясновидящая тебе подскажет, — не унималась подруга.

Когда бороться с сомнениями и комплексами стало невозможно, я отправилась по указанному адресу. А кто осудит?

Прежде чем попасть в заветную комнату, пришлось потопиться в коридоре в многолюдной очереди таких же, как я, обделенных любовью теток. А кто еще потащится в конец города и будет часами ждать приема, чтобы узнать, почему «карта не ложится»? Да еще заплатит за удовольствие в твердой валюте.

Пока я сидела в очереди, узнала столько историй из жизни, что моя «трагедь» показалась маленьким недоразумением. На одной был «веночек безбрачия», на другой такая порча, что возле нее даже цветы вяли. А у третьей такая соперница-разлучница, рядом с которой Медуза горгона Василисой Прекрасной покажется. И только у меня ни соперницы, ни разлучницы, ни мужика...

Гадалка оказалась тетушкой постбальзаковского возраста с претензией на оригинальность. Коттоновая юбочка, гольфик, цветастый пиджачок «от кутюр», украшенный лисьим воротником, и красноречивая чалма на голове. Завершала всю эту помпезную композицию ярко нарисованная родинка на щеке. Тетушка представилась Изольдой. «Ах, удивите меня», — пронеслось у меня в голове, но это была последняя критическая мысль. Дальше Изольда взяла ситуацию под жесткий контроль, и все мои мысли улетучились сами собой.

— Как все запущено... — произнесла гадалка, глядя на разложенные карты.

— Что запущено?

— Все дело в покойнике, который ушел с обидой на тебя. И эта обида и стала преградой для твоей личной жизни.

— Какая обида, какой покойник? — Я не на шутку испугалась.

— Тебе лучше знать, милая.

В этот момент черный кот, сидящий на столе, зловеще зашипел.

— Сосредоточься, вспомни, кто любил тебя безответно? — Изольда пыталась мне помочь.

Я напряглась, но никто, кроме одноклассника Жорки, на ум не приходил. В

далеком десятом классе в меня влюбился лоботряс и хулиган Жорик. Он курил самокрутки, смачно сплевывал через зубы и вообще был «крутым парнем». Но не в моем вкусе. Однажды в январе он дождался меня по дороге домой и, смущаясь, вручил букет калл в целлофановой упаковке. Надо признаться, что тогда живые цветы в январе — это было все равно что фаршированный крокодил на новогоднем столе. Одноклассники смеялись над ним, а моя нелюбовь очень уязвляла его самолюбие. После окончания школы Жорка отслужил в армии и подался куда-то на Север. Неужели он умер?

— Хорошо, допустим, я вспомнила, и что теперь делать? — спросила я в полном замешательстве.

— Как — что делать? Ехать к нему на могилу и просить прощения. Как только он тебя отпустит, все наладится само собой.

Я честно заплатила гадалке десять долларов и в еще больших сомнениях поехала домой. Достала старую записную книжку и стала обзванивать бывших одноклассников. Прошло уже, слава Богу, шестнадцать лет, и найти координаты Жоры оказалось непростым делом. С ним никто не пересекался уже больше десяти лет.

— Он, кажется, где-то на Севере зацепился и остался, — поведал мне его бывший сосед.

Неужели так бывает: ты отказал кому-то во взаимности много лет назад и по этой банальной причине жизнь твоя не клеится? Я пыталась вспомнить подробности юношеской влюбленности моего одноклассника, но, кроме зимних цветов и самокрутки, память ничего не высвечивала. Она, наоборот, проявляла какие-то совсем другие жизненные эпизоды. Например, служебный роман, который стоил нам обоим работы. Костя был «женатиком», причем очень серьезно относился к своему семейному положению.

После работы — бегом домой, чтоб под присмотром жены валяться на диване и смотреть телевизор. А мне бежать было некуда — кроме волнистого попугайчика, меня никто не ждал, поэтому я искала поводы остаться сверхурочно. То оформляла заказы, то просматривала каталоги. Фирма, в которой я тогда работала, занималась разработкой рекламных макетов. Я непосредственно придумывала слоганы. Однажды пришлось задержаться, чтобы сделать срочный заказ. Во время работы над заказом мы жевали бутерброды и весело болтали, когда вдруг неожиданно погас свет. Очутившись в темноте, мы сначала рассмеялись, потом растерялись, а затем пошли искать охранника. По дороге я споткнулась и упала на Костю. Это получилось случайно. Женщина я не худенькая, и когда навалилась своими прелестями на Костика, да еще в темноте, его переключило. Он набросился на меня, как после долгого поста. А я, собственно, и не сопротивлялась. Свет зажегся так же неожиданно, как и погас. Прямо перед нами стоял ошарашенный охранник. Буквально на следующий день весь коллектив только и говорил о «светопреставлении».

Странно, но мои поиски Жоры увенчались успехом. Через десятые руки я все же нашла его адрес. Но это была... Колыма. Та самая Колыма, куда высылали всех неудобных. Чем же и кому Жорка-то не угодил?

И что вообще с ним случилось? Мне сейчас тридцать три, ему должно было бы быть столько же. Но он умер и забрал с собой в могилу обиду на меня. Теперь надо ехать выпрашивать прощение. Господи, билет на Колыму стоит дороже, чем в Египет! Хотя, с другой стороны, что такое Египет? Пустыня, где в

огромных пирамидах похоронены фараоны. Кто мне эти фараоны? Никто. А на Колыме покоится Жорик вместе со своей обидой на меня. Когда он меня простит, моя жизнь изменится к лучшему.

Короче, я поехала на Колыму. У меня был только адрес, где Жора проживал первое время. Телефона не было. Пока самолет преодолевал нешуточное расстояние между теплой Украиной и холодным Севером, у меня было время подумать. О своей личной жизни, которая не складывается, о работе, на которой я работаю только из-за денег, о квартире, в которой мне не нравится жить. Все не так, как хотелось, как мечталось и представлялось. Остальные пассажиры не заморачивались мыслями «за жизнь», а с аппетитом ели обеды и запивали их водкой. В салоне стоял жизнерадостный гул, смех, царило оживление и никому не было дела до тетки, которая едет на поиски могилы давно забытого одноклассника. Магадан встретил меня холодом. Если у нас уже было по-весеннему тепло, то здесь северный ветер пронизывал до костей. В аэропорту богатые золотоискатели сели в дорогие машины и умчались в свои полные приключений жизни, а я стала выяснять, как добраться до забытого Богом поселка, где покоился Жора.

Когда на второй день с горем пополам я наконец добралась до малюсенького населенного пункта, нацарапанного в моей записной книжке, у меня оставалось только одно желание: скорее узнать, где могила Жоры. Покаяться — и домой. Но не тут-то было. Поселок был нескончаемый. Меня посылали от дома к дому. Я промерзла до костей, да еще внутренняя дрожь давала о себе знать. Ноги устали так, что просто отказывались идти. От одной мысли о том, что еще предстоит поход к «пирамидам» на ночь глядя, становилось совсем плохо. Более того, я с трудом представляла, как сейчас прийти в дом и объяснить людям, зачем мне вдруг понадобилась Жорина могила.

— Вы не подскажете, где здесь двадцать четвертый дом? — спросила я у курящего возле машины парня.

— Это здесь рядом. Хотите, провожу?

— Хочу! — Я вцепилась в его предложение, как в спасательную соломинку.

В конце концов, гадалка не говорила, что я должна одна идти на кладбище. Мы уже подходили к дому, когда дверь отворилась и на порог вышел... Жорка. Тот самый Жорка, которого я уже похоронила и оплакала. И к могиле которого я так долго добиралась. Он закурил самокрутку и смачно сплюнул. Как в детстве. Перед моим взором медленно проплыла дубленка, затем египетские пирамиды и даже десять долларов, отданные гадалке. Вот она — цена человеческой глупости.

Я дико расхохоталась. Смотрела на Жорку и хрипло, до слез и колик, смеялась. Наверное, именно так проявляется истерика. Парень, который вызвался меня проводить, и Жорка смотрели на меня. Отсмеявшись, я попросилась войти в дом.

Жорка с недоумением пропустил меня и вошел следом. Он меня даже не узнал.

— Ну здравствуй, покойничек, — сказала я и, выдержав длинную паузу, достала из сумки укутанные от непогоды цветы. — Меня зовут Лиля Полякова. Помнишь меня? — Теперь уже Жорка не мог отойти от шока.

И я рассказала ему всю историю от начала до конца. Когда пришла Жоркина жена, мы с ним, катаясь со смеху, устанавливали цветы в банке.

— Познакомься Света, это Лиля. Она приехала ко мне на могилу, чтобы просить у меня прощения.

И опять хохот.

Я погостила у них три дня и вернулась домой вся какая-то обновленная. Как будто действительно сняла с себя огромный груз. К гадалке на разборки я не пошла.

А моя жизнь действительно существенно изменилась. Я вышла замуж за того самого парня, который меня провожал к Жориному дому.

ЧЕРНАЯ ТОЧКА

Все началось с того злосчастливого подарка. Участковый врач подарил ей направление на бесплатное УЗИ. Посмотреть на свои внутренности, да еще бесплатно, кто ж откажется?

Узист оказался экстравагантным мужичком с хвостиком. Он строго посмотрел на Светку, велел раздеваться и стал неторопливо заполнять бумажки. Светка сняла свой деловой костюмчик и улеглась на кушетку. Через минуту на экране телевизора замелькало ее «внутреннее содержимое». Врач давал характеристику. Все так буднично — лежит себе на кушетке «мешок с требухой» и внимательно слушает информацию о своей требухе.

Где-то там внутри спрятана и душа, но ультразвук не в состоянии ее высветить. Желчный пузырь — пожалуйста, а душу — извините. Когда аппаратик опустился ниже, врач посмотрел на пациентку заинтересованно и замолчал.

— Что там у меня?

— Поздравляю вас, вы беременны, — торжественно произнес врач.

— Это шутка? — Женщина не поняла.

— Мы с вами не в том месте, где шутки шутят.

Пауза. Светка попыталась прокрутить информацию в мозгу, но она не прокручивалась. Диагноз прозвучал как приговор. Не хочет она никакой беременности, тем более у нее нет мужа.

Слезы покатались сами собой, она их не вытирала и сквозь эти соленые капельки пыталась рассмотреть на экране телевизора то, что врач называл беременностью. Это была маленькая черная точка, которая находилась в ней.

Врач растерялся, он не ожидал такой бурной реакции. Обычно женщины берут направление в абортарий и решают проблему без упреков и слез. Он стал расспрашивать. Она не отвечала. Конечно, женщина знала, кто отец ребенка.

Их связь длилась несколько лет. Это не была романтическая влюбленность или жгучая страсть. Это была просто связь женатого мужчины и свободной женщины. Связь без прав и обязанностей, без обязательств и обещаний. Что их связывало? Трудно сказать. Им было хорошо вместе в те минуты, когда их прямые пересекались. А почему бы и нет? Сценарий устраивал всех до тех пор, пока на экране телевизора не обозначилась эта жирная точка, называемая плодом.

— Да не убивайтесь вы так! Срок еще маленький, еще все можно поправить! — Врач не мог спокойно смотреть на свою пациентку, которая так горько оплакивала свое положение.

— Как? — Она с надеждой посмотрела на доктора.

— Вам нужен хороший полноценный секс, и тогда плод может сорваться.

Света с недоверием смотрела на мужчину в белом халате.

«Господи, ну не могу же я вам сказать, что я классный мужик и к тому же холостой!»

Секс как медицинская процедура? Светка представила доктора в белом халате на голое тело: больная, раздевайтесь! Только не это. Быстро натянув костюмчик она вышла.

Еще полчаса назад она была довольная собой, молодая, независимая женщина. Сейчас от нее уже ничего не зависело. Она была в том возрасте, когда

женщина уютно чувствует себя в своем теле, знает себе цену и ощущает вкус жизни. Она не хотела прозябать в каком-нибудь коммерческом альянсе, тем более не хотела одиночества вдвоем. А потому жила в свое удовольствие и не тяготилась своей свободой. Однако перспектива иметь ребенка без отца не прельщала, а необходимость убить ни в чем не повинного человечка приводила в отчаяние.

Господи! Человечество научилось разводить детей в пробирках, скоро научится клонировать, а вот 100 процентов защиты от нежелательной беременности все никак не придумает. Сколько женщин не спали ночами, проливая слезы от того, что по чьей-то воле в них зародилась новая жизнь.

«Не придет же в голову курице переживать, что у нее будут цыплята, а петух не ее законный муж? Это надо принимать как данность». Света успокаивала себя. Но данность не вдохновляла.

Женщина уже вдоволь наплакалась и настал следующий этап — с кем-нибудь поделиться. Но с кем? Смаковать подробности личной жизни с подружками не хотелось. Позвонить мужчине? А чем он может помочь? Предложить деньги на аборт? Тогда это будет заказное убийство.

Когда плохо мужчине — он напивается, когда женщине — она едет к гадалке.

Ясновидящая сразу сказала как отрезала: «Оставлять ребенка не надо, он не желанный, не нужен ни отцу, ни матери и не найдет своего места в жизни. Он уже заранее обречен быть неудачником. Нельзя рожать нежеланных детей».

— За что мне это? — спросила Света.

Ясновидящая посмотрела куда-то вдаль и произнесла задумчиво:

— Ты должна расстаться с этим человеком. Это не твой мужчина. Он занимает чье-то место. Сама бы ты не решилась разорвать эту связь, а так через боль и страдание тебе будет легче. Сделай так и ни о чем не жалеешь. Скоро ты поймешь, что все к лучшему.

Света вышла от гадалки и почувствовала себя плохо. Ее начало тошнить. Она завидовала всем прохожим подряд — им никого не надо убивать.

Говорят, где-то в Японии есть кладбище нерожденных детей. Там стоят крестики, и матери приходят на эти могилки. А в Америке есть специальные клиники, где лежат женщины с постабортным синдромом. А у нас ничего нет, только максимум абортариев на душу женского населения. И ни участия, ни сочувствия. Все обыденно, узаконено. У нас абортница — кусок мяса на разделочной доске. Платишь — тебе улыбаются, обезболивают и чистят аккуратно, словно вырезку нарезают, а если нет денег — разделяют, как суповой набор.

Света не могла засыпать и не хотела просыпаться. Она пыталась представить, как будет выглядеть ее ребенок, на кого будет похож, когда должен родиться, — материнский инстинкт давал о себе знать.

Ей не давали покоя две мысли. Первая была «против». Если человек вскочил не в тот поезд, он должен дергать стоп-кран и выходить, а не пытаться уговорить себя, что ему нужно ехать именно в том направлении.

Вторая была «за». Если человек всего лишь молекула в этом огромном мире, то он должен подчиняться мировым законам и не сопротивляться. Вот уж поистине горе от ума.

Участковый гинеколог назначил дату процедуры. Перед решающим собы-

тием Света рассказала все отцу ребенка. Он имеет право знать. Тот предложил денег...

Света ехала в поликлинику, как на Голгофу. Сунула врачу полтинник и обреченно полезла на «эшафот», осознавая, что через несколько минут все будет решено. И ее зародыш уже никогда не станет маленьким родным существом, а навсегда останется лишь абортным плодом. Она будет истекать кровью и слезами, мучиться чувством вины. Света поймала на себе недоуменный взгляд санитарки: оказывается, она никак не могла попасть дрожащими ногами в стремяна.

— Успокойся, милая, не ты первая, не ты последняя. Такая наша бабья доля.

— За что? — задала риторический вопрос Света.

— А каждому за свое. Одни воспринимают секс как двигатель карьеры, другие как решение материальных проблем, а третьи попадают в зависимость от удовольствия. А ведь в этой жизни за все надо платить.

Женщина закрыла глаза, чтобы не видеть саму экзекуцию. Однако врач медлила, что-то у нее вызывало сомнения. Неожиданно она предложила встать и отправиться в кабинет УЗИ. Черной точки не было.

— Я не вижу беременности.

— Может, она рассосалась?! — Светка соскочила с кушетки, как юная гимнастка с бревна. — Значит, мне не надо никого рожать и никого убивать. О Боже, меня пожалели в высшей канцелярии!

Первым делом Светка купила бутылку коньяка и, придя домой, напилась «за здоровье». Она снова была молода и независима. Перед ней не было дилеммы срывать стоп-кран или подчиниться всемирному закону.

Когда эйфория прошла, она поняла, что аборт все-таки был. Под ненужной связью была подведена черта и поставлена черная точка.

ЭКСКУРСИЯ В ЧУЖОЙ РАЙ

Мой самый близкий друг пригласил меня в гости. Похвастаться своим счастьем. Мою неприкаемую душу позвали на экскурсию в мир благополучия. Мир расположился на тринадцатом этаже. Почему так высоко? Да ближе к небу, объяснили мне популярно...

...Много лет назад он забежал ко мне на минутку, а задержался на годы. Говорят, родственные души не выбирают, они сами притягиваются невидимыми магнитами. И разве так важно, что твоя родственная душа серьезно жената? Может, небесные чиновники просто ошиблись и скоро исправят ошибку?

Он появлялся в удобное для себя время, а я устраивала ему душевный стриптиз и не только. Но однажды случилась беременность. Для меня это был даже не несчастный случай, а трагедия, когда рожать не хочешь, а убить не можешь.

На мой немой вопрос он ответил молчанием. Теперь я знаю, что молчание не всегда знак согласия и не всегда золото. Когда я уже выплакала все слезы, оказалось, что беременность мнимая. Явление в медицине довольно редкое и неправдоподобное. Наши отношения тоже показались какими-то неправдоподобными и мнимыми. И я наконец-то решилась порвать эту связь. Все говорили: вырви, как больной зуб, и забудь. Но я пожалела зуб и удалила только нерв. Зуб остался, но болеть перестало. Теперь мы назывались друзьями и исправно поздравляли друг друга с официальными праздниками. Вскоре распался его брак, но на наши отношения это никак не повлияло. Я не знала о нем ничего, когда получила приглашение в гости...

И вот она, бронированная дверь в его мир. Зеркальная стена отражает последние достижения строительной техники и отделочных материалов. Разуваюсь и замечаю женские ботинки и тапочки. В столовой цвет стен совпадает с мебелью и даже вазончиками. Цветочки и полотенчики опять красноречиво говорят о наличии хозяйки в доме.

А хозяин между тем демонстрирует квартиру, в которой, кроме воздуха и света, еще и со вкусом подобранная мебель. Последней хозяин показывает детскую. По полу разбросаны игрушки.

— Откуда у тебя ребенок?

— Это ребенок той женщины, с которой я сейчас живу.

— Чудные обои.

— Обрати внимание на каемочку.

Возвращаемся на кухню. Хозяин варит кофе, а я вижу огромное небо, которое находится прямо за окном кухни. И вдруг понимаю прелесть тринадцатого этажа. Так близко к Богу!

Он начал новую жизнь с новой женщиной в новой квартире. И позвал меня на свой праздник. Он ждал вопроса: зачем? Но я не спросила. Когда-то мы начинали вместе, каждый в своем деле. И вот, спустя несколько лет, у него свой бизнес, новая евроквартира и евромашина и даже новая семья — короче, все атрибуты успешного человека. А я все вольный художник, иными словами, безработная, по-прежнему свободная, читай — одинокая, и совсем не помолодевшая за эти годы. Конечно, я могла бы сделать карьеру, но не хотелось прогибаться. Я могла бы выйти замуж, но не хотелось размениваться.

Небо за окном покрылось облаками и тучами. Интересно, чем они отлича-

ются? Облака пропускают солнечный свет, а тучи нет.

— Как ее зовут?

— Вера.

— Хорошее имя. Знаешь, второй брак — это триумф надежды над опытом. Пусть твоя надежда оправдается.

— Как тебе квартира?

— Главное не стены, а начинка.

— Все зависит от женщины, а она очень старается.

Я еще раз огляделась. Нигде ни соринки, ни единой вещички, которая бы выдавала характер обитателей или их отношения. Лишь букетик красивых, но уже увядших роз — и больше ничего.

— Я схожу в ваш «Версаль», и мы поедем.

В ванной больно резанули взгляд два банных халата. Моего среди них не было. Господи! Может, человек искренне хочет поделиться со мной своим счастьем, а я не в состоянии даже порадоваться за него. Вот уж поистине: зависть — скорбь о чужом благополучии.

«Родственная душа» подвезла меня к дому. Поднимаюсь в свою квартирку, выглядываю в окно и понимаю, что Любовь, как Вера и Надежда, у каждого своя, а небо одно на всех и оно есть в каждом окне.

И все же зачем он возил меня на экскурсию? Разве свое счастье демонстрируют посетителям? Мне всегда казалось, что его берегут и прячут от посторонних. Но много ли радости быть в раю, если оттуда нельзя послать хотя бы открытку с видами?

Прошло несколько лет. Я позвонила ему просто так. Захотелось услышать голос человека, который когда-то был очень дорог. Он предложил встретиться, я согласилась.

Он подъехал на новой серебристой машине. Я была в том же платье, что много лет назад. На улице было душно, в салоне автомобиля работал кондиционер. Там был свой микроклимат: приятная прохлада и ненавязчивая музыка. И за рулем сидел мужчина моей мечты. Правда, давней мечты.

Он почти не изменился. Те же интеллигентные манеры, та же аристократическая худоба. Отсутствие морщин и седины красноречиво говорило о благополучном бытии. Но что-то в нем было не так. Я не могла понять что. Туфли и борсетка подобраны в тон. Мобила последней модели. Та же прическа, те же глаза. Что не так?

— Ну как ты? — Я хочу знать, счастлив ли он.

— Нормально. Живу, работаю. Все как всегда. А ты? — Его, наверное, интересует, с кем я сейчас.

— У меня новое назначение. Я теперь начальница.

— Насколько я тебя знаю, — он осекается, — то есть знал, ты не умеешь командовать.

— А я и не командую, я руковожу.

Говорить не о чем. Мы исподтишка рассматриваем друг друга. Он все так же хорош. Мужчина, которому идут годы. Я не знаю, что он думает обо мне. И ловлю себя на том, что мне совершенно все равно, что он думает. Я вдруг отчетливо понимаю, что в нем не так. Он чужой. Совершенно чужой, посторонний мужчина, в котором я пытаюсь найти родные черты и не нахожу. Я его больше не люблю.

— Давай выпьем за то, что все у нас хорошо. — Я поднимаю бокал.

— Я за рулем, так что выпей за нас двоих. — Он улыбается.

Когда-то на заре нашего знакомства мне приснился сон: будто он надел мне на шею цепочку с крестиком. Это была даже не цепочка, а цепь. И не крестик, а крест. И все эти годы я носила этот крест. И вот сейчас его вдруг не стало, и я почувствовала облегчение.

Я залпом выпила мартини и поднялась. Мы сели в машину, и я, взглянув на себя в зеркальце, с удовольствием отметила, что мне годы тоже идут на пользу.

ДЕВКА НА ВЫДАНЬЕ

Нелегкая это работа — быть девкой на выданье. Чтобы на тебя был спрос, надо быть в меру глупенькой и недоступной и достаточно обеспеченной и молодой. Но где же взять эти «в меру» и «достаточно»? Ведь недоступности никогда не бывает в меру, а денег всегда недостаточно.

Всеми прелестями незамужней девицы Ирина наелась уже сполна и перешла тот рубеж, когда готова была выйти замуж за любого, лишь бы поменять статус. Уже позади остался период поиска и становления, романы с женатыми и разведенными, случайные связи и ненужные знакомства. Сейчас она знала, чего хотела. А хотела она замуж за иностранца и чтобы увез он ее отсюда куда-нибудь в обеспеченную Европу и устроил райскую жизнь в обмен на молодость и любовь.

Сказано — сделано. Фото готово, письмо написано и анкета заполнена. Итак, импортные женихи, на ваш суд выставляется еще одна славянская невеста, она отдаст руку и сердце, раскроет свою загадочную душу тому, кто... раньше откликнется и дороже заплатит. Желаящий познать загадочную славянскую душу и попробовать молодое тело нашелся быстро. Он был готов оплатить ее перелет, приютить у себя и даже жениться. Он слал любовные письма, по телефонным проводам растекался мед его признаний и обещаний. Ирина отвечала тем же. Они замерли в истоме ожидания.

Проводы назначены на воскресенье. Провожавшие — две ее подружки, тоже девки на выданье, только с «приданым», то есть с детьми. Завтра красивый самолет поднимет ее над землей и перенесет в другое государство. И начнется новая жизнь рядом с надежным, любящим мужем! Но это будет завтра, а сегодня они будут пить шампанское, есть шоколад, мечтать и сплетничать.

— Девчонки, а потом я найду и вам женихов и заберу к себе, — щебетала опьяневшая Ирочка.

— Меня и здесь неплохо кормят, — заметила Марина. Она была умна и зарабатывала на жизнь мозгами. Обналиченные, они стоили немало.

— А я столько не выпью, — сказала Алена, выразительно посмотрев на фото жениха.

Жених, конечно, оставлял желать лучшего. Его узкие раскосые глазки как бы говорили о том, что какая-то монголо-татарская орда, заплутав, прошлась и по Европе, оставив той в подарок подобные экземпляры. Ему уже минуло тридцать три, а он все еще в поисках невесты. То ли привередливый, то ли дефективный. Но Ирочку это не смущало. Жених, а тем более импортный — это святое!

— Девочки, я сегодня такой сон видела. Будто я в магазине покупаю бриллианты, их много, и они дешевые. К чему это? А впрочем, какая разница. Завтра я покину эту страну навсегда, забуду свое прошлое, как страшный сон, и буду счастлива всем назло!

В ее глазах блеснули слезы. Вечеринка закончилась, Ирочка обняла подружек и, чтобы не разрыдаться, поспешила уйти.

— А знаешь, — сказала Марина, когда дверь за Ирочкой закрылась, — бриллианты — это несбывшиеся мечты и неоправданные надежды. Дай Бог ей удачи, но ее сон говорит о другом.

— Поживем — увидим. Понимаешь, человек рождается там, где он сможет

лучше всего реализовать себя. И если ты не смог найти себя здесь, не найдешь и там. А впрочем, она рискованная женщина. Бросить все, чтобы поехать в тридцатое царство и породниться с человеком, которого никогда не видела, — это вызов, — подытожила Алена.

Самолет исправно в нужное время перенес Ирину в нужное место. Европа!

Она шла по другой земле и уже вычеркнула родину из своей жизни. Не было многодетной семьи, среднеспециального образования и незаконченного среднего воспитания. Вечно пьяного агрессивного отца и вечно уставшей, забитой матери, любовников-насильников-обидчиков, предательств, унижений, обид, нужды, отчаяния. Ничего не было! Вот сейчас идет по аэропорту молодая красивая женщина без прошлого. У нее есть настоящее и будущее, в котором ее ждет счастье.

Свадебное утро началось нестандартно. Будущий муж зашел в спальню, поприветствовал друга и лежащую рядом с ним невесту. Мужчины ушли решать организационные вопросы, а Ирина стала собираться к росписи. Одежда коротенькое платьице, уложила волосы, освежила черты лица неброским макияжем. Длинные стройные ноги, осиная талия, кокетливые кудряшки. Только блеска в глазах нет и чувств никаких: ни горечи, ни разочарования. Одна только глубокая тоска.

С тех пор как она впервые вступила на шведскую землю, прошло три месяца. Тогда она шла по аэропорту радостная, в ожидании предстоящего счастья и искала глазами суженого. Узнала сразу. Он глядел на нее оценивающе и улыбался. Ханс ей понравился, а кому бы не понравился человек, который хочет сделать тебя счастливой? Они обнялись, сели в машину и поехали домой. За окошком мелькали шведские пейзажи, но Ирина их не замечала. Она прильнула к мужчине и наслаждалась ощущением нужности и защищенности.

Дом был добротный и красивый и добавлял привлекательности его хозяину. Ханс распахнул дверь и сказал: «Мой дом — твой дом, моя мать — твоя мать, твои проблемы — мои проблемы». Сколько лет она ждала этих слов!

Началась новая жизнь. Они познали друг друга, а зрелому мужчине и взрослой женщине есть что сказать. В перерывах между сексом ездили в супермаркет и покупали всякую всячину. Когда любимый уезжал на работу, Ирина раскладывала по вазочкам виноград, клубнику, ананасы и еще какие-то неизвестные ей доселе фрукты, включала музыку и очень сожалела, что никто не видит ее благополучия. И она начинала писать письма на родину.

«Девочки, если вам скажут, что за границей жить плохо, не верьте, это рай еще при жизни!» Ей хотелось всячески ублажать любимого. На те деньги, которые он оставлял ей на мелкие расходы, Ирина купила ткань и сшила ему халат. Жених был удивлен и обрадован. А невеста спешила стать женой. Она вычищала квартиру, готовила обеды и ужины, каждый день вносила что-то новое в жизнь заядлого холостяка. В постели она тоже инициативу брала на себя и делала ему хорошо всяческими известными ей способами. Когда он возвращался уставший с работы, Ирина спешила утащить его куда-нибудь поразвлечься — в дискотеку, бар или бассейн. Ей хотелось всего сразу: любви, развлечений, замужества.

Но чем дальше, тем Ханс становился холоднее. Он уже не спешил домой, а

все чаще оставлял невесту в одиночестве. Сократил расходы и совершенно не заговаривал о свадьбе.

Срок окончания визы приближался неумолимо. Если он не женится, она не сможет остаться. Ирина изучала шведский, знакомилась с традициями и обычаями, наблюдала за женщинами, как бы примеряя на себя их жизнь. Женщины сплошь были некрасивые, так что Ирина была в центре внимания и чувствовала себя королевой. Однако Ханс передумал становиться ее королем и сказал об этом за неделю до отъезда. Ее истерика еще раз убедила его в правильности решения.

Но невеста была привлекательна, Хансу не хотелось отпускать ее просто так, и он решил сделать презент другу Хокану, который давно пускал слюни, глядя на лакомый кусочек. Хокан был классическим неудачником, которого бросали женщины, подставляли друзья, а работодатели регулярно увольняли.

Поэтому в свои сорок пять лет он был разведенным, безработным и дружил с Хансом. Когда Ханс предложил ему фиктивно жениться на Ирине, чтобы та смогла остаться, у Хокана от радости «в зобу дыханье сперло». Он не сомневался, что за подобную услугу славянская невеста расплатится натурой, и дал добро на брак.

Церемония бракосочетания была до банальности проста. «Готовы ли вы? Согласны ли вы? Распишитесь и будьте счастливы». И все. Ни одного родного лица, ни одного знакомого слова. После торжественной церемонии все спустились в бар отметить событие. Правда, после первой же рюмки забыли, по поводу чего собрались. Ханс не скрывал радости. Свобода! Хокан тоже не грустил: такую женщину заполучил! И только Ирина чувствовала себя лишней на собственной свадьбе. Ей почему-то вспомнилась другая свадьба, на которой она была «посаженой невестой». Это было в ее прошлой жизни, но память неумолимо воспроизводила эпизоды той свадьбы.

Это была большая любовь. Она любила своего разводного офицера, как может любить человек, не знавший в детстве тепла и заботы. Любила целых три года и целых три года ждала предложения. Предложение он сделал, но не ей и отправился на свадьбу из их еще не остывшей постели. Она узнала об этом последней. А затем ее экс-суженый решил отпраздновать столь важное событие на работе. А так как супруга была занята, а свадьба без невесты не свадьба, Ирина стала «посаженой невестой». Ее усадили рядом с бывшим любовником в центре стола и веселились до упаду. Ей казалось, что она сидит на раскаленных углях, а вокруг кровожадные зрители ждут, когда она сгорит заживо.

И вот теперь вторая свадьба. И она опять фиктивная: невеста без места, а рядом жених, купивший ее за пособие по безработице. Прелести семейной жизни не заставили себя долго ждать. Ирина переселилась в однокомнатную квартиру нового мужа, которую он делил со своей беременной дочкой. По утрам никто никуда не уходил. Сидеть стокилограммовой туше было тяжело, поэтому он все время двигался по комнате, харкал, чихал, а после еды отрыгивал. Общаться они не могли, у них не было общего языка. Не было и общих интересов. Вернее, общий интерес был: он хотел ее, а она хотела остаться в Швеции. Чтобы убить время, Ирина спала. А муж в это время ходил вокруг нее, присматривался, принюхивался. Иногда дотрагивался, а затем звонил Хансу и хвастался: дела идут на лад, я ее потрогал. Женщина слышала это сквозь сон и презирала его.

Когда становилось невмоготу, Ирина шла к Хансу. В его доме она чувствовала себя значительно лучше, они ели качественную еду, занимались любовью и смеялись над Хоканом. Для Ханса это была связь, которая ему ничего не стоила и ни к чему не обязывала. Он вернул даже те деньги, которые потратил на билет. По сути, он продал ее другу, но эта странная женщина продолжала ходить к нему и ублажать. Пожалуй, славянская душа оказалась даже слишком загадочной для шведов. А Ирина никак не могла понять настоящую мужскую дружбу, которую демонстрировали Ханс и Хокан. Хокан был бесконечно благодарен другу, он даже не мечтал, что может получить такую изумительную игрушку. Молоденькая (на двадцать лет моложе), хорошенькая, а главное, цены себе не знает. Он приглашал жену в бар и оповещал всех знакомых, что выводит ее в свет. Ирина наряжалась, красилась и шла на смотрины. Ей нравилось, когда на нее смотрят, тем более любой выход — это шанс на новую встречу. Но как только она с кем-то знакочилась, вмешивался Ханс и требовал деньги за ее билет. Он вел себя как ее хозяин и собственник.

Ирина продолжала жить у Хокана, терпеть его свинские привычки и отказывать в его законном праве. Когда в однокомнатной клетке становилось нечем дышать, шла к Хансу, но уже даже не заниматься любовью, а убирать его дом. Он платил за это деньги. Она настолько упала в его глазах, что он уже держал ее за прислугу. Ирина скатывалась все ниже и ниже. Ее использовали и выбросили, но жизнь продолжалась, и она не могла испариться сама по себе. Чтобы уехать, нужны были деньги, а их не было. Молодая женщина бесцельно бродила по улицам, ее уже не умиляла их красота и не возбуждали витрины магазинов. Она отчетливо поняла, что чужая здесь и никому не нужна. Однажды, устав от долгого бесцельного хождения по городу, Ирина прибрела к Хансу, то ли по привычке, то ли по глупости. Его не было дома. Она опустила на ступеньки и так и осталась сидеть, как приبلудная собака, которой некуда идти.

Около часу ночи Ханс вернулся из казино пьяный и уставший. Увидев бывшую невесту, он стал кричать и гнать ее. Ирина лишь устало сказала:

— Мне некуда идти.

— Хорошо, подожди здесь, — сказал он и исчез в проеме своей двери. Через несколько минут вышел с ключами и отвел ее в соседний дом, в котором шел ремонт, и любезно разрешил там переночевать. Кругом была стружка, обдранные обои, разбитые стекла, мусор. Ирина нашла кладовку, постелила туда какие-то грязные тряпки и улеглась на них. Уже засыпая, подумала: когда квартиру отремонтируют, сюда въедет какая-нибудь фрау и будет спать на мягких перинах и батистовом белье и даже не оценит, что имеет.

Проснувшись и отряхнувшись, Ирина отправилась к Хансу за своими вещами. Она решила наконец вернуться. Однако бывший возлюбленный отвел ее к мужу, которому рассказал, что Ирина только ему отказывает в близости. Оскорбленный муж стал требовать развод. Они стояли перед ней — любовник, так и не ставший мужем, и муж, так и не ставший любовником. Она стояла перед ними — фиктивная жена и брошенная любовница. Шведская семья не получилась. Она не имеет права быть здесь счастливой с другим. Пусть уезжает. И не на самолете. Это дорого. У них есть друг, он отвезет ее на машине.

Ирина почувствовала, что сходит с ума. Она кинулась к Хокану, но живая масса весом в сто килограммов оттолкнула ее. Ирина отлетела к столику и

опрокинула стоявшие там ножи. Она схватила эти ножи и с криком бросилась на обидчиков.

Западники придумали теорию «пеленочного детерминизма», из которой следует, что славяне с детства очень туго пеленают своих детей и ребенок до поры лежит, не сопротивляясь обстоятельствам, а когда с него снимают пеленки, он наверстывает упущенное. Этим объясняется воинственность славян.

Вероятно, Ирина слишком долго терпела. Лимит терпения был исчерпан. И сейчас эта хрупкая женщина крушила шведов со страшной силой. Когда полиция вбежала в квартиру, перед их взором предстала живая картина: на полу в истерике билась, как раненая птица, молодая женщина. А два здоровых мужика трясущимися руками убрали осколки стекла и посуды. Это были осколки разбитой жизни.

— Я не хочу жить! — кричала Ирина. Странно, но она кричала по-английски. А жить она действительно не хотела ни в России, ни в Швеции. Она не хотела жить в мире, который ее не принимал, в котором ей не было места и где для нее не осталось любви.

Полицию не интересовало количество любви на душу населения, и Ирину доставили в больницу. Проснувшись утром, она с удивлением рассматривала свое новое жилище. Белые палаты, кровати на колесах, двери не закрываются. Очень уж услужливый медперсонал и какие-то странные больные. Когда к ней подошел негр и сказал: «Сестра, мне так не хватает секса», — она с ужасом поняла — психушка.

В коридоре стоял телефон. Ирина набрала номер: «Ханс, заberi меня отсюда!»

— Конечно, любимая, я все для тебя сделаю.

«Ага, боится, значит, уважает», — злобно подумала женщина.

Наивная, она и не предполагала, что закон на ее стороне, а над «мальчиками» нависла опасность. Она приехала здоровая выходить замуж, о чем в письмах писал ей «жених» Ханс. А через несколько месяцев она уже в психушке. Криминал налицо. Тут пахло хорошей денежной компенсацией. Но у Ирины, видно, притупилось обоняние.

Последние две недели она провела в загородном доме для жертв семейного насилия. У нее была отдельная комната с телефоном, видом на природу и трехразовое питание. И никто не ходил из угла в угол, не кашлял и не требовал выполнения супружеских обязательств. Не нужны были деньги и работа, не нужен был даже муж. Интересно, а можно получить визу на вечное проживание в доме жертв насилия?

Самолету потребовалось столько же времени, чтобы доставить ее обратно на родину. Девка вернулась. Выданье продолжается.

ГРУППА КРОВИ

В телеграмме было всего несколько слов: «Отец умирает. Срочно нужна кровь». Мать прочла телеграмму и запричитала: «Я так и знала! Возник через столько лет, чтобы опять сосать из нас кровь! Не пущу. Ты и так еле ходишь!» Она продолжала что-то говорить, но я не слышал слов, только видел полные слез и боли глаза.

Он ушел от нас, когда мне было семь лет. Детство с его уходом закончилось. Я старался не подавать вида, но никак не мог понять: почему? за что?

В доме сразу стало тихо и пусто. У нас была «неправильная семья». Отец — татарин, мать — русская. Он — шумный, темпераментный, любвеобильный. Она — спокойная, преданная, любящая. Он — яркий красавец, она — простая и неброская. Мое сердце разрывалось на части, я любил их обоих, и потеря отца была для меня невосполнимой.

Мой друг Павлик мечтал о велосипеде и все время об этом говорил. Он ждал злосчастный велосипед на день рождения, на Новый год, на каждый красный день календаря — он ждал чуда, а я так же неистово мечтал об отце. Больше мне тогда ничего не было нужно. Но он не возвращался.

Дом как будто вымер. Перестали приходить гости, все реже приезжала бабушка. А потом мать обмолвилась, что он женился. Кстати, на татарке. И у него родился сын. Помню, как я в толпе часами выбирал нового мужа для матери. Мне хотелось, чтобы мы шли по улице всей семьей: он, мама и я — и встретили бы отца, и он, увидев нашу новую счастливую семью, горько пожалел. Но мама как-то сникла, замкнулась в себе, никого не замечала, а всю свою любовь направила на меня. «Почему ты ни на ком не женишься?» — задавал я ей один и тот же вопрос. Мать только грустно улыбалась в ответ. Она не хотела рассказывать, что последнее время отец пил и гулял и что его уход скорее избавление, чем потеря.

Рождение его сына я переживал как собственные похороны. Теперь отец обо мне уже не вспомнит. Я никогда не плакал, старался доказать матери, что настоящий мужик. Но когда до меня долетали обрывки подробностей его жизни (той, другой, недоступной мне жизни), я не мог сдерживать слез. Иногда, втихаря, я доставал чудом уцелевшую фотографию, где молодые мама с отцом сидели, взявшись за руки. И, глядя на эту фотографию, я мечтал о собственной семье. При этом мне очень хотелось быть похожим на отца хотя бы внешне, но я унаследовал только материнские черты.

Мужик в нашем доме так и не появился. Я вырос и стал единственным кормильцем. Странно, но работал я почему-то только с татарами. Меня завораживала их быстрая непонятная речь, и они казались мне очень надежными. «Господи, уже двадцать лет прошло, а Ваньку все как магнитом к ним тянет. Это ж надо постараться, чтобы в Москве столько татар найти. Вот что значит гены», — услышал я однажды, как мать жаловалась соседке.

С отцом я почти не виделся, только иногда, приезжая к бабушке, случайно сталкивался с ним то в дверях, то на улице. Он здоровался со мной за руку, по-мужски и почему-то всегда отводил глаза. А мне так хотелось рассказать ему сначала о школе, потом о том, что влюбился...

Я женился весной, а зимой моя красавица жена уже родила мне первенца. Как я радовался! Я нежно сжимал маленький родной комочек, боясь отпу-

стить его. Стирал и гладил пеленки, бегал в магазин, а по ночам затаив дыхание наблюдал, как мой сын, причмокивая, сосет молоко. Я просто шалел от этого простого счастья и не представлял, как можно бросить своего сына.

«Отец умирает. Срочно нужна кровь»... Я понимаю, что я поеду и отдам ему свою кровь, потому что он мой отец, потому что я могу спасти ему жизнь, потому что я люблю его, черт возьми!

— Кровь уже не нужна, — говорит врач и обреченно разводит руками.

Мне приносят его вещи. Вещи бомжа.

— Я хочу на него посмотреть.

— Он в коме.

— Я не видел его двадцать лет.

— Проходите.

Передо мной лежит старик жуткого вида. Запущенный, жалкий, убогий. И этот человек — мой отец. Я не знаю, как он жил и о чем мечтал. Но доживал он свой век на улице и сейчас умирает в казенном доме. Подхожу ближе. Он еще дышит, но уже не жилец. Мне жаль и его, потерявшего человеческий облик, и мать, которая так больше и не вышла замуж, и себя, всю жизнь прождавшего отца.

— Он умирает. Жена отказалась его хоронить. Берете ли вы на себя...

— Да. — Я не даю врачу закончить фразу.

Спустя два часа я уже звонил на работу.

— Серега, у меня отец умер, — сообщаю напарнику.

— Какой отец? У тебя ж не было отца.

— Дурак ты...

Следующий звонок матери.

— Мам, купи всего самого лучшего. Сегодня отца хоронить будем. — И, не давая ей возможности возразить, вешаю трубку.

Когда равнодушный могильщик забил последний гвоздь в гроб отца, я понял, что молодость закончилась. Глотнув наспех на кладбище водки за упокой души, я поехал домой. Внутри ничего не было, только гулкая пустота.

Дома за столом собралась родня. Я сидел, и сквозь усталость в меня проникали чужие воспоминания.

— Он ведь вас всегда любил, — повторяла соседка тетя Света. — Помню, когда Ванечка женился, он ведь у меня спрятался и через занавески наблюдал, как молодые вышли из машины, как их хлебом-солью встречали. Все вздыхал обреченно. Я ему говорю: «Что ты хоронишься, как преступник какой, выйди, поздравь». А он отвечает: «Не могу я сына позорить. Ты на меня посмотри. Куда мне в таком виде?» А вид-то у него был и впрямь не генеральский.

Я почему-то вспоминаю свою свадьбу: огромный стол и пустое место рядом с мамой... Как мне хотелось, чтобы он был здесь, чтобы обнял меня по-отцовски. А он, значит, не посмел подойти, боялся меня опозорить... Комок в горле пытаюсь залить очередной порцией водки.

— А ты, мать, не вздыхай, его младший-то уже сидит, а твоего Бог уберет. Неизвестно что бы было, останься он. Пропил бы вас вместе со всем барахлом, — вступает в разговор мамина сестра.

Мама опускает глаза и снова вздыхает, продолжая упорно молчать.

— А я почему-то вспоминаю, какой он был веселый и жил как в последний раз. Пить так пить, гулять так гулять, — смахнула слезу тетя Света.

— Он ведь со второй женой так и не ужился. Первая моя жена, говорил, от Бога, а ты от дьявола! И прав был: посмотрите, она ведь его даже хоронить не захотела. А это грех, — продолжала сетовать соседка.

— Давайте лучше помянем отца, — прерываю их я и первым осушаю рюмку. — Пусть земля ему будет пухом.

Кто-то робко звонит в дверь. Открываю и отступаю назад. Передо мной стоит вторая жена отца. Та самая женщина, которая когда-то увела его от нас. Пожилая, уставшая, несчастная. Она смотрит на меня, долго не решаясь ничего сказать.

— Проходите.

— Нет, нет, я на минуточку. Вот. — И она протягивает деньги. Полную пригоршню смятых купюр.

— Я не возьму. — Я одергиваю руку, словно боясь обжечься.

— Ваш отец вас очень любил, — торопливо говорит она, — он очень хотел поздравить вас с рождением сына, но без денег не смел прийти. Он копил деньги на встречу с вами. — Ее голос начинает дрожать. — Просто он не успел. Возьмите...

Деньги жгут руки, слезы жгут глаза. Ничего нельзя вернуть, ничего невозможно исправить.

— Кто это был? — беззвучно спрашивает мать.

— Отец. Просил внуку передать. — И я роняю смятые бумажки...

ОБИЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Один сигаретный магнат из туманного Альбиона решил развернуть свой бизнес в Украине. Изучил обстановку, создал совместное предприятие, набрал и обучил персонал, и дело пошло.

Только персонал был какой-то странный, «неликвидный»: лимитчики, безработные с заводов, студенты и неприкаянные молодые специалисты. Совет директоров состоял из водителя, который возил когда-то магната да чем-то ему приглянулся, какого-то мальчика, которого судьба облагодетельствовала, и двадцатилетней бизнес-леди.

Персонал был помещен в белоснежный сверкающий офис, оснащенный первоклассной техникой и новейшим оборудованием. Раз в день все получали бесплатный обед, раз в месяц зарплату в валюте, раз в квартал — ночь развлечений в ресторане. Казалось бы, живи и радуйся, но персонал не был счастлив.

Тогда магнат ввел новую штатную единицу — Счастье. Пусть наймут человека, который найдет и устранит причину всеобщего несчастья. И тогда персонал не будет ни на что отвлекаться, а посвятит себя главной цели — процветанию табачной империи.

Ответственность за подбор Счастья была возложена на директора по качеству — Веру. Вера была женой того самого мальчика, которого облагодетельствовали судьба и магнат, посадив в директорское кресло, дав персональный автомобиль и сотовый телефон. Трудно было поверить во все сразу, поэтому мальчик не расставался с сотовым телефоном и женой Верой, которые придавали ему важность и значимость.

Вера была хороша собой: высокая, стройная, длинноволосая фея с правильными чертами лица и светскими манерами. Природа явно не поскупилась. Однако общаться с ней было неинтересно, ибо не хватало в ней соли, сахара, перца и изюминки, а потому была она пресной и «невкусной». Но она была умной женщиной и потому окружила себя приживалками, которые не только проигрывали рядом с ней, но были обязаны, зависимы и благодарны. Она была королевой, у нее было королевство, подданные и король с сотовым телефоном.

Альке приснился сон, будто она удочерила девочку-сироту. Ребенок был очень красивым, она даже успела его полюбить, но в конце сна малышка пропала. Девочка — это диво. «Значит, случится что-то удивительное», — подумала Аля. Она верила в сны, и на тумбочке около кровати всегда лежал сонник. Сны ей снились цветные, музыкальные и многосерийные. Обычно они сбывались. «Интересно, что за диво меня ждет?»

Зазвонил телефон. Звонила подруга. Она звонила, как правило, вовремя, как обычно, с предложением и, как всегда, в масть. Она работала во всех местах одновременно, владела всей информацией сразу и всегда что-то предлагала. На этот раз подруга торжественно сообщила, что на какой-то суперфирме есть вакансия Счастья и она эту вакансию «забила» для Али. Собеседование сегодня, подробности — позже. «Это диво так диво».

Выбор подруги не был случаен. Пифагор сказал когда-то, что жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые

счастливые — смотреть. Аля относилась к последним. Она была зрителем и обожала наблюдать жгучие жизненные импровизации из первого ряда. И, как положено хорошему зрителю, смеялась, где было смешно, плакала, где было грустно. А люди, как актеры перед благодарной публикой, разыгрывали перед ней свои житейские комедии или трагедии. И если кому-то надо было состязаться и самоутвердиться, торговать и добывать, то ей все падало с потолка просто так, надо было лишь вовремя поймать.

«Бог — мужчина и он меня любит!» — повторяла Аля, и все ей верили. Хотя последнее время похвастаться ей было особенно нечем. Бог, видимо, от большой любви забрал у нее мужа, оставив с двумя детьми. Поэтому, несмотря на счастливый характер, она нуждалась в деньгах и, следовательно, в работе. «Интересно, кого надо осчастливить?»

Собеседование проводила Вера. Аля ей понравилась, она не составит конкуренции. «Если в течение двух недель она не «впишется в правила», мы просто не подпишем контракт, ведь счастье — такой продукт, которого не видно». Вера дала добро на работу, ознакомила с распорядком дня и правилами поведения.

— Мы начинаем в девять часов, с часу до двух обед, с шести до семи развозка. Каждый день каждый рядовой сотрудник пишет план сражения.

— А мы что, с кем-то воюем?

— С конкурентами.

— А я с кем буду воевать?

— А ты будешь сражаться за счастье сотрудников фирмы. Отделы у нас называются дивизионами. Сотрудники между собой не общаются, только через секретаря. Она наберет нужный текст на компьютере и положит в ящик к абоненту. Туда же поступают все указания от руководства. Каждый сотрудник должен изучать «Policy letters», так называемые политические письма, составленные нашим руководством. Там указаны все цели и задачи фирмы. Потом придется сдать экзамен, не сдавший на работу не принимается.

— А что это за политические письма, и почему их надо учить?

— Руководитель компании — англичанин, он основал эту фирму с нуля, превратив за несколько лет в империю с огромными доходами. Наша цель — стать самой крупной компанией в Украине, — торжественно закончила Вера.

— А ты чем занимаешься? — робко спросила Аля.

— Я — созидаю.

«Где-то я уже все это слышала», — подумала Аля, но не стала уточнять, где и когда. Завтра она придет в эту сверкающую фирму и будет там Счастьем. Не менеджером, не командиром дивизиона, а Счастьем! Интересно, сколько стоит Счастье?

На следующий день в восемь тридцать Аля уже сидела за своим столом в огромном помещении, где таких столов было штук тридцать. На каждом из них стояли компьютер, ящик для писем, канцелярские принадлежности, перед каждым был мягкий крутящийся стул. Белые обои, ковровые покрытия, золотистые выключатели, легкие жалюзи — все было новое, чистое, импортное. Кто же работает на всем этом оборудовании? Какие они, ее новые коллеги, которых предстоит осчастливить. А собственно, почему они несчастны, работать в таком месте уже счастье, а зарплата — просто мечта. Чего им не хватает?

А между тем сотрудники пятого дивизиона собирались. Они были совершенно обыкновенные, такие же, как сотни людей на улице. Они сдержанно здоровались, садились на свои места, включали компьютеры и начинали работать. Никто ни на кого не обращал внимания, каждый знал «план битвы» на сегодня и дерзал. Работали машины, звонили телефоны, шуршали бумаги, пятый дивизион был в действии.

Аля должна была для начала познакомиться с персоналом. Но как? Все так заняты! Начать решила с бумаг. Взяла в отделе кадров краткие сведения обо всех и начала свой обход по дивизиону. Самая крайняя у двери сидела бухгалтер, миловидная женщина средних лет. Аля уже знала, что она одинока и все свое время посвящает работе. Поэтому больше других успевает и соответственно получает.

— Здравствуйте, меня зовут Аля, я буду работать у вас Счастьем. Если у вас есть какие-либо проблемы, поделитесь со мной, может, я смогу вам помочь, — сказала одна женщина другой. Они смотрели друг на друга. Две соотечественницы, работающие на иностранного хозяина. Одна должна была помогать другой, потому что это входило в ее служебные обязанности. А вторая могла излить свою душу и поплакаться в жилетку прямо на рабочем месте, потому что иностранному хозяину нужны полноценные сотрудники, не обремененные проблемами. Но загадочная славянская душа не умеет исповедоваться по расписанию и за казенный счет. Они обе понимали абсурдность ситуации, поэтому диалог не состоялся.

— Все хорошо, только вот много курят в помещении, вечером хоть топор вешай, — с улыбкой сказала бухгалтер.

Аля пересела к ее соседке, которая сосредоточенно выписывала какие-то накладные. Девушке было лет двадцать пять, она была некрасива, очень плохо одета и настолько не вписывалась в этот сверкающий западный интерьер, что Аля даже засомневалась, действительно ли она работает здесь. После того как Аля представилась Счастьем и спросила о проблемах, девушка подняла на нее испуганные глаза. Без особой охоты она рассказала, что работала на заводе, долгое время не получала зарплату и очень нуждалась. Теперь у нее есть работа и единственная ее мечта — не потерять ее.

Разговор закончился, не успев начаться. Аля решила немного передохнуть и набраться сил для нового рывка, но тут в помещение вошел мужчина, увидел ее и стремительно пошел навстречу:

— Здравствуйте! Вы не хотите меня осчастливить?

Женщине нужно всего лишь тридцать секунд, чтобы решить, будет у нее с мужчиной что-нибудь или нет. Мужчина ей не понравился, но, отдавая дань этикету, она улыбнулась и сказала:

— Смотря что вы подразумеваете под этим «осчастливить»?

— Вы прекрасно знаете что. Я за ценой не постою.

«Я столько не выпью», — хотела сказать Аля, но не успела. Она поймала на себе взгляд Веры. Та смотрела на нее в упор, силясь что-то найти.

Алю можно было охарактеризовать двумя словами: в меру и достаточно. Она была одновременно раскрепощенной и сдержанной, в меру недоступной и достаточно соблазнительной. Люди относились к ней двояко: она либо очень нравилась, либо очень не нравилась. Одни видели в ней лишь достоинства и были в восторге от общения с ней, другие же замечали только недостат-

ки и не понимали, что в ней такого.

Вера относилась теперь ко второй категории. Единственное, что ей нравилось в Але, что она немолода и у нее нет мужа. Все остальное — не нравилось. Не нравилось, что Аля не заискивала, а вела себя с достоинством и даже высокомерно. Так ведут себя те, у кого за спиной стоит кто-то значительный. Вера не знала, кто у нее за спиной, и это ее раздражало. Сейчас возле Али стоял Сережа и вел с ней двусмысленный разговор. Сережа был свободный и богатый и не пропускал ни одной стоящей женщины. Вере не хотелось думать, что Аля стоящая. Всем своим видом она показывала, что рабочее время в фирме оплачивается валютой, а посему стоит дорого и тратить его на двусмысленные разговоры никому не положено, даже Счастью.

Сама Вера была молода, и мужей у нее было целых два: один настоящий, а другой вымышленный. Вымышленный был более подходящий, но он пока не встретился и жил с ней лишь в честолюбивых мечтах. Надо сказать, что Верини амбиции и мечты жили своей жизнью. Филолог по образованию, в мечтах она была известной писательницей, а также по совместительству роковой женщиной, покорительницей сердец и коварной обольстительницей. А в реальной жизни занималась бумаготворчеством, называя это «созиданием». Но от замены названия суть, как известно, не меняется и рутина не превращается в творчество, а скука — в полет фантазии.

Следующие дни были похожи один на другой. Аля уже освоилась, не боялась отвлекать людей от работы, и люди начинали говорить о себе, сначала скованно и сбиваясь, а затем откровенно и взахлеб. Алена, глотая слезы, поведала о своей бесперспективной связи с женатым мужчиной. Эта связь затягивает ее как в болото, забирая короткий досуг и ничего не давая взамен. «Обыкновенный любовный треугольник: аномалия отношений, патология чувств, издержки страсти», — думала Аля. Но она была Счастьем, а не Моралью и потому молчала. Хотя надо было сказать, что при такой связи мужчина живет как бы полторы жизни, а женщина лишь половину, причем не самую лучшую.

У Вики был муж, ребенок и любовник. Проблема была с любовником. «Понимаешь, он Водолей и потому ему легче полюбить все человечество, чем одного конкретного человека», — сетовала молодая женщина. «Зачем тебе все эти бяки — водолеи, рыбы, раки? Люби своего мужа и ребенка», — хотела сказать Аля. Но она работала Счастьем, а не Совестью и потому держала свои мысли при себе.

«Моя жена такая дура», — сокрушался Валера. Аля забыла, что она Счастье, и сказала: «А у генерала жена генеральша».

С утра выстраивалась очередь за Счастьем. Людям хотелось поговорить о себе, рассказать о проблемах, порассуждать о счастье и несчастье. Аля уже многими перезнакомилась и знала о проблемах, мешающих счастью. У Пети перегорели лампочки и ему нужны новые, Маша не успевает после работы покупать молоко и хлеб, Тане некуда деть ребенка, Валеру бросила девушка, а Максим собирается бросить жену. У Гали проблемы с мужем и любовником, а у Клары — ввиду их отсутствия. И так каждый день по восемь часов. Але даже сон приснился: огромный зал, в котором накрыт шведский стол. Но вместо еды там решенные проблемы: кому лампочки на блюдечке, кому муж под маринадом и любовник под нужным соусом.

К концу второй недели Аля почувствовала себя усталой. Она по пять раз в день спускалась в буфет пить кофе и есть шоколад. Но это не помогало. Усталость не отпускала, она жесткими пальцами сдавливала виски, она раскрашивала мир черно-белыми красками, причем черных и серых становилось все больше. Аля допивала пятую чашку кофе. В дивизион идти не хотелось, не хотелось никого видеть и слышать. Когда все это началось? «Когда я по утрам, не успев проснуться, стремглав бежала в офис, затем все время с людьми: выслушать, помочь, утешить. А собственно, почему я должна их утешать? У них есть работа и деньги, а у меня ни того ни другого. У них есть молодость и будущее, а у меня лишь дети, которых я должна кормить. И они несчастливые, а я счастливая?»

В буфет зашел Затюкин. Он был весь такой нелепый и затюканный, как и его фамилия. Костюм его так давно не чистился и не гладился, что красноречиво дополнял весь его облик. Затюкин являлся одним из руководителей фирмы. Он был всегда в плохом настроении, такой же сморщенный, как и его костюм. «Наверное, когда он смотрит на молоко, оно скисает», — подумала Аля.

Вообще вся эта фирма напоминала театр абсурда, где во главе стоят затюкины. «А может, это просто подставные лица, а бал правит кто-то другой? Хотела бы я посмотреть на этого «волшебника изумрудного города». Аля уже не удивлялась, когда взрослые тети и дяди час в день лепили из пластилина человечков и при этом читали политические письма. Не удивлялась, когда выстраивалась очередь к врачу, который раз в неделю привозил заказанные лекарства, в основном снотворное и от головной боли. Не удивлялась, поняв, что это не коллектив, а сборище конкурентов, где те же интриги и козни, только на западный манер. Аля же не переносила дисциплину, диктат, интриги и готова была есть сухарики с тмином вместо булочки с маслом, но легко засыпать и видеть хорошие сны.

Пора было уходить из буфета. Она поднялась и пошла в туалет. Туалет был гордостью фирмы, весь от пола до потолка выложен розовой плиткой, которая сверкала и переливалась. Он утопал в искусственных цветах и благоухал лучшими ароматизаторами. А главная достопримечательность — это огромное, во всю стену, зеркало, которое отражало любого в полный рост. Аля взглянула на себя и ужаснулась. Это была не она. Чего-то не хватало: блеска в глазах, радости в движениях, беззаботности, свободы. С ней не было Счастья! Оно приходит, когда его меньше всего ждешь, и уходит, когда к нему привыкаешь и не хочешь с ним расставаться. Счастье не бывает казенным. Оно не покупается и не продается, тем более не может являться штатной единицей. «Я изменила своему счастью, и оно меня покинуло».

Теперь она взглянула на все другими глазами. Огромное душное помещение с искусственным светом, табачным дымом, бездушными компьютерами и запрограммированными людьми. Эта фирма, как вампир, высасывает из людей энергию, эмоции, разум, превращая их в послушных рабов. Они лепят дурацких человечков из пластилина, учат политические письма и составляют на каждый день планы «битвы». Борются сами с собой и проигрывают самим себе. А чтобы заглушить горечь поражения, им выдают казенное Счастье.

Испытательный срок подошел к концу. Вера сидела на своем месте и ждала. Ждала Алю, чтобы сообщить ей, что она не прошла. Почему? Не прошла, и все тут. Веру раздражало, когда мужчины выстраивались в очередь, чтобы по-

говорить с Алей, когда они приглашали ее на кофе в рабочее время, когда ждали по вечерам, чтобы вместе ехать на развозке, или вели с ней двусмысленные разговоры. «Тоже мне, Счастье, — скептически думала она, — посмотрю, как ты запоешь, когда мы тебя не примем». Она знала, что Але нужны деньги, и предвкушала месть. Вера хотела именно отомстить за свое испорченное настроение, за пострадавшее самолюбие. Ее раздражал двухнедельный повышенный интерес к этой особе. Это было противостояние, где противостояли два мировоззрения: сильный и слабый, богатый и бедный, хозяйка жизни и Счастье, которое должно было подчиняться согласно штатному расписанию.

Аля ушла из фирмы не с горечью, а с облегчением. Ей не оплатили работу, следовательно, она не продавала, а раздавала свое счастье. А это две большие разницы. Жизнь продолжалась, она по-прежнему смотрела цветные сны и дружила со Счастьем. «А все-таки хорошо, что счастье нельзя купить, как, например, масло, — часто думала она. — А то бы этот мальчик скупил бы все счастье для Веры, а заодно успех, удачу, здоровье. И они бы, как масло, намазывали их по утрам на бутерброды».

Фирма постепенно пришла в упадок. Она не стала не только самой крупной, но даже средненькой. Видно, «магнат» в своих политических письмах не учел чего-то очень важного.

Вера сидела дома без работы, без королевства. Рожать она не хотела, а созидать не могла. Жизнь исключила ее из игры в самом начале партии. «Почему? За что?» — недоумевала Вера.

Просто она обидела Счастье и оно от нее отвернулось.

ОШИБКА ПРИРОДЫ

Жили-были старик и старуха. И не было у них детей.

На самом деле они не были еще стариками. Ну что такое в наше время сорок лет? Середина жизни. А детей у них не было. Почему? Одному Богу известно.

Мария заглядывала в чужие колясочки, плакала от бессилия и неустанно ходила по врачам. Иван заглядывал в стакан, строил подчиненных и ходил налево.

Их служба в Германии уже подходила к концу, и они решили наперекор судьбе родить-таки себе ребеночка из пробирки. Опытные доктора поколдовали и зародили новую жизнь. Пересадили зародыш в матку счастливой Марии и время пошло.

Иван получил полковничью звезду в день рождения сына. Вот это подарок! Но как говорится, дай Бог деток, да дай Бог счастья.

Прошло пятнадцать лет.

Стас сидел в своей комнате и тупо смотрел на себя в зеркало. Оттуда на него глядел полненький нескладный мальчик, и он никак не хотел отождествлять себя с этим отражением. Последнее время с ним творились какие-то непонятные вещи. То ли раздвоение личности, то ли мозгов. Он, Станислав Красневский, почувствовал себя... девочкой. Он не сразу понял что происходит. Когда в компании ребят появился Володька, у Стаса перехватило дыхание, он покраснел и не знал как себя вести. Страстно захотелось понравиться Володьке. Но понравиться как девочка.

— Мам, я хочу с тобой поговорить.

— Говори.

— Я хочу быть девочкой, — выпалил Стас и замер.

— Я тоже хочу быть девочкой! — Мария рассмеялась.

— Ты не понимаешь, я влюбился.

— Что тут непонятного, все влюбляются? — Мария хотела обнять сына. Но тот вырвался и перешел на крик.

— Я влюбился в Володьку! Понимаешь? Я хочу быть его девочкой!

Мария опрометью бросилась из комнаты в спальню. Муж, раскинувшись на кровати, запивал газетные новости пивом.

— Вань, представляешь, Стасик влюбился в мальчика.

— Это у них сейчас так переходный возраст проходит? — спросил муж, не отрываясь от газеты.

— Ты можешь оторваться от мировых новостей и послушать семейные? — сказала Мария дрожащим голосом. — Он хочет быть девочкой.

— Что? Какой еще девочкой?

На следующий день они сидели на приеме у психиатра. Молодой врач внимательно выслушал и отправил их к гинекологу-эндокринологу.

— Такое бывает. Ошибка природы, когда в мужском теле поселяется женская душа. Таких людей называют транссексуалами. — Врач с сочувствием посмотрел на Марию.

— Какой бред! Что они выдумывают? Какие еще транссексуалы? — Мария

едва сдерживала рыдания. — Мы пойдем к другому врачу!

Другой врач сказал то же самое, и начались хождения по мукам, когда ученые мужи, с интересом рассматривая ее чадо, говорили о лишней хромосоме, о возможностях медицины и праве выбора.

Стасу предложили два пути: либо при помощи гормонов и серьезной психологической терапии стать мужиком, либо при помощи скальпеля поспорить с природой за право стать женщиной. Он выбрал второе.

Мария рыдала горше, чем когда-то от бездетности. Иван грозно произнес: «Я его породил, я его и убью». Но Стас опередил отца и первым порезал себе вены. Когда «скорая» увозила в реанимацию ее кровиночку, Мария сдалась. Будь что будет.

Она старалась не думать о том, как будет судачить их маленький городок, где все они на виду. И как припомнятся мужу его попытки стать мэром. Что делать, у каждого свой крест в жизни.

В клинику они ехали вместе. Молчали. «Господи, неужели это мне наказание за искусственное оплодотворение? Наверное, не просто так не было у нас детей». Слезы тихими ручейками стекали по щекам. Она прощалась со своим Стасом, которого любила, растила, на которого надеялась и от которого ждала радости. Завтра у нее уже не будет сына. А что получится — неизвестно.

Стас ни о чем не думал и ничего не боялся. Он хотел исправить эту чудовищную ошибку, в результате которой приходилось мучиться и страдать. Если умру, так под наркозом, не страшно и не больно. Глядя на этого полненького подростка, никому бы и в голову не пришло, что там внутри сидит кокетка, которая хочет ходить на каблуках, в коротких юбках и кружить мужикам головы.

В местной больнице в рамках обмена опытом работал хирург из Киева. Он-то и согласился в виде эксперимента прооперировать Стаса.

Когда парень пришел в себя после наркоза, он увидел заплаканное лицо матери и постарался не встречаться с ней взглядом.

Страшно болел ампутированный член. Тот самый, который отличал его от женщины. И которым он так и не воспользовался. Его отрезали и выкинули. Как аппендицит. Как злокачественную опухоль.

Это место жгло как каленым железом, оно болело и кровоточило. Организм был против насилия.

По больнице прошел слух о транссексуале. К палате потянулись любопытные. На него ходили смотреть как на диковинку. И он чувствовал себя не человеком, а экспериментом. Хотелось уснуть и не проснуться. А во сне он всегда видел себя девочкой. Красивой, белокурой, стройной.

— Ну как наши дела? — Врач деловито рассматривал деяние своих рук. — Все идет по плану. Тебе придется пожизненно принимать гормоны. Голос будет женский, так как ты еще не прошел переходный возраст. Вернее, не прошла. Но тебе придется бриться. Самое сложное впереди, мужайся.

— А что самое сложное?

— Сейчас тебе шестнадцать, а паспорт ты сможешь поменять только в двадцать пять. Все это время тебе придется доказывать, что ты не верблюд. Вернее, что ты не мужик. Девять лет тебе придется прожить практически без документов, потому что ты уже не Стас, а Стася. Как ты будешь доказывать это обществу — твои проблемы. Мы свою работу выполнили.

— Спасибо, — произнесла Стася бескровными губами.

Они вернулись домой под вечер, когда уже стемнело и вездесущие соседки покинули лавочки у подъезда. Отец даже не вышел взглянуть на дочку. Все это время он беспробудно пил, пытаясь отключиться от действительности, которая напоминала страшный сон. Привыкший жить по уставу и приказу, он никак не хотел понимать, что иногда ситуация не поддается логике и контролю. Что же он сделал не так в этой жизни? Мысленно он уже оплакал и похоронил своего ребенка, а сейчас в коридоре топчется какое-то непонятное существо, которое носит его фамилию. За что?

— Сыночка, я тебя прошу, не спеши надевать юбки, не шокируй людей, — просила Мария, глядя как Стася примеряет обновки перед зеркалом.

— Я не сыночка, — отрезала Стася. — И я не для того оперировалась, чтобы скрываться и прятаться. Я девушка и хочу ходить в юбках и на каблуках! И буду ходить!

Внешность Стаси, конечно, оставляла желать лучшего. Мужские черты лица и мужские манеры. Грубый, ломающийся голос. Но, глядя на себя в зеркало, она радовалась тем изменениям, которые уже произошли. Во-первых, она сильно похудела. Во-вторых, теперь у нее был небольшой бюстик. Эти маленькие бугорки радовали глаз и придавали фигуре женственность, к которой она так стремилась.

Стася тщательно собиралась на встречу с Володькой. Она все продумала до мелочей.

— Привет, куда торопишься? — Ярko накрашенная девица перегородила Володьке дорогу.

— А что? — Тот с интересом уставился на незнакомку. Он ее раньше не встречал.

— Я Стася. — Она протянула свою мужскую ладонь.

— Очень приятно. Извини, я тороплюсь. — И он поспешил поскорее избавиться от этой странной девицы.

Начало есть! Никуда он от меня не денется. И она стала буквально охотиться за своей жертвой. Володька сначала смеялся и хвастался пацанам, потом привык к Стасиному присутствию в его жизненном пространстве и даже заинтересовался ею. Что делать, мужчины интересуются не теми женщинами, у которых длиннее ноги, а теми, которые интересуются ими. Бедняга и не догадывался, что ему отведена роль первого мужчины в жизни этого странного существа.

«Я женщина! Я полноценная полноправная женщина, потому что меня любит настоящий мужчина! — Стася не ходила, а летала. — Он ни о чем не догадался!»

Володька был в восторге от своей новой подружки. Как она его любила! Несмотря на то что у них было пять лет разницы в его пользу, он чувствовал себя пацаном рядом с ней. Бабушка оставила ему однокомнатную хрущевочку и они вили там свое гнездышко.

Стася была немного странная. Она вставала чуть свет и закрывалась в ванной на целый час. Что она там делала? Все время пила какие-то таблетки, якобы от беременности. Но Володька не вдавался в подробности, им классно, и это главное.

Говорят, если человек долго счастлив, значит, от него что-то скрывают. Од-

нажды они пошли в ночной клуб. Когда они беззаботно-счастливые появились под ручку, зал как по команде уставился на них. Стасины одноклассницы были в курсе. Они первые приходили к ней после операции и учили ее быть девушкой, делаясь своими секретами. Но одно дело — быть как они, совсем другое — конкурировать с ними. Если каждый станет переделываться в женщину, то где ж на всех мужиков набрать?

— Вовик, познакомь нас со своим другом. — Девчонки окружили «сладкую парочку».

— Это Стася, моя девушка, — произнес Володька. Ему не нравилось представление.

— А ты в этом уверен?

— В чем?

— Что она девушка?

— Я не девушка. Володя сделал меня женщиной, — с вызовом сказала Стася и буквально силой вытащила его из зала.

— Что они имели в виду? — Володя взглянул на нее подозрительно.

— Завидуют, какого я себе парня оторвала, — сказала Стася и страстно поцеловала его. Внутри ее била дрожь. Неужели ей теперь всю жизнь придется скрывать свое «позорное» прошлое и бояться разоблачения? Что будет, если он узнает?

Ночью Володе не спалось. Он ворочался с боку на бок. Потом включил ночник и принялся рассматривать мирно спящую Стасю.

Что-то в ней было не так. Что? Вдруг он в ужасе отпрянул. Щетина! У нее росла щетина. Не может быть...

Стася проснулась от страшного крика. Володя сидел на кровати, смотрел на нее полными ужаса глазами и орал.

— Ты, ты, изменила пол? — спросил он заикаясь.

— Да, — ответила она коротко и прикрыла щеки руками.

Он бросился бить ее. Удары сыпались со всех сторон. Стася не сопротивлялась. Она воспринимала их как удары судьбы. Сколько их еще будет сыпаться на нее...

Утром она тихонько собрала свои вещи, зашла попрощаться с матерью и поехала искать счастья в Киев.

Прошло пять лет.

Тяжелых пять лет, когда приходилось выживать в чужом огромном городе без документов, без друзей, без денег. «Не такая, как все» — с одной стороны это была визитка, с другой — проклятие. С одной стороны, все хотели посмотреть на диковинку среднего рода, чтобы потом за бутылкой водки рассказать невзначай «о неведомой зверушке». С другой, никто не хотел просто дружить и просто любить. Оставалось одно — продавать свою любовь.

Стася стала валютной проституткой. Ее услуги оценили в сто долларов в час и поместили фото в Интернет. Она никогда не думала, что будет пользоваться спросом. Ее покупателями были в основном народные депутаты и крутые бизнесмены. Им пришлась по вкусу вульгарная девица, которая та-а-кое вытворяла. Никому и в голову не могло прийти, что эта суперженщина всего пару часов назад сбрасывала с себя остатки мужественности. Стася презирала своих клиентов за фальшивые комплименты, за то, что не могли отличить на-

стоящее от искусственного, даже за то, что платили ей чужеземными деньгами за ее ласки.

О если бы они узнали, что она совсем не та, за кого себя выдает! А впрочем, эти люди подменяют все. Они изобрели искусственные овощи и фрукты, цветы и деревья, создали целый виртуальный мир в стране Интернет, который заменил им реальный. Они переделывают себе внешность по каким-то своим стандартам. Да что там внешность, они пересаживают органы и даже занялись изготовлением детей. Зачинают в пробирке, вынашивают в чужих матках. Что хотят, то и делают. Собственно, их никто не просил создавать ее. Не человеческое это дело — делать людей. Что-то нахимичили — перепутали пол. Уроды. А теперь, видите ли, она им не нравится. Сами сделали, сами пусть и расхлебывают! Она будет мстить на каждом шагу.

Первой жертвой стал Слава. Он тоже был не такой, как все. В пятнадцать лет окончил школу, в восемнадцать — институт, а в девятнадцать уже возглавлял крупную компанию. За учебой и карьерой некогда было заниматься любовью, и он до сих пор оставался девственником. Как часто бывает в таких случаях, молодой, богатый и неопытный угодил в объятия проститутки. Да не просто проститутки, а самой Стаси. Парень потерял голову от новых ощущений и не задумываясь переехал к ней.

Родители, всерьез обеспокоенные пропажей своего мальчика, стали требовать познакомить их с невестой. Он с радостью согласился. Ему казалось, что раз он сам ее любит, то и весь мир должен ее полюбить.

Семен Борисович очень нервничал. Он предчувствовал несчастье. Есть такое ощущение, когда все вроде бы хорошо, да что-то нехорошо. Так бывает перед грозой, когда небо темнеет и напрягается до тех пор, пока не разрядится наконец молнией и не расплачется дождем.

Он уже слышал предгрозовые раскаты. Правда, еще не знал, откуда движется непогода. Когда прозвучал звонок в дверь, вся семья уже с нетерпением ждала знакомства с избранницей сына. Стол был накрыт в лучших традициях. Огромный букет цветов ждал свою хозяйку.

Семен Борисович распахнул дверь и замер на пороге как вкопанный. Он узнал ее с первого взгляда, потому что заказывал ее не один раз. Не может быть!

— Здравствуйте! — Стася решительным шагом вошла в квартиру.

— Здравствуйте... — прошипел побледневший Семен Борисович.

— Здра... — мама Соня потеряла дар речи. Перед ней стояла вульгарная мужеподобная девица. От нее веяло пороком и бедой. Какое отношение она может иметь к ее мальчику?

Повисла напряженная тишина, которую каждый боялся нарушить. Слава обнял Стасю за плечи и гостеприимным жестом ввел в гостиную. Добро пожаловать!

Закуска испуганно вжалась в тарелки. Цветы, опустив головки, прижались к вазе. У Семена Борисовича дрожали руки, и он нервно сжимал их в кулаки. Первой не выдержала мама Соня.

— Что ты привел? Это же потасканная б...дь! — закричала она в истерике.

— Да? А вашему мужу так не кажется, — спокойно парировала Стася, уничтожающе глядя на маму Соню.

— Вон! — Семен Борисович распахнул входную дверь.

— Что происходит? — Слава испуганно смотрел то на родителей, то на Стасю.

Стася, схватив его за руку, решительно направилась к выходу.

— Он останется здесь! — Мама Соня вцепилась в рукав сына мертвой хваткой.

Семен Борисович вытолкнул Стасю на лестничную клетку и захлопнул за ней дверь.

Она спустилась тяжелой походкой. Впервые ей стало неуютно на каблуках. Она взяла такси, доехала до дома, с трудом доковыляла до своего четвертого этажа, стащила туфли и с ненавистью отшвырнула их подальше. Зашла в ванную и — как была в одежде — уселась под душ. Струйки теплой воды смывали тушь и тщательно наложенный грим, а ей хотелось, чтобы они смыли обиду и внутреннюю боль.

За что ее так ненавидят? Почему не принимают? За что презирают? Что плохого она им сделала? Вся мокрая, в прилипшей одежде, с потеками туши и размазанной помадой на мужском лице она сидела в ванной и просто выла.

Следующее утро началось с бесцеремонного звонка в дверь. Накинув халат, она подошла к двери: кто там?

— Открывай, милиция! — Они ввалились в квартиру, как к себе домой, и стали целенаправленно собирать Славини вещи.

Все понятно, их нанял Семен Борисович.

— У вас есть ордер на обыск? — Она попыталась защищаться.

— Не вые...ся! И предъяви документы! — был ответ.

Стася послушно пошла за паспортом.

— Так, Станислав Красневский... Что? Какой еще Станислав? — И менты с изумлением уставились на Стасю. Они впервые видели подобную метаморфозу.

— Собирайся, поехали!

Стася покорно переделалась и направилась вслед за ментами. Те недоуменно переглядывались. Заказчик просил только забрать вещи сына у шлюхи, а тут выяснилось, что это вовсе и не шлюха... Эта информация будет стоить дороже, они уже в уме калькулировали прибыль от удачно проведенной операции.

— Как к вам теперь обращаться? — любезно спросил оперативник.

— Просто Стася, — устало улыбнулась она.

— Расскажите вашу историю, пожалуйста. — Человек в форме был очень любезен. Когда пахло деньгами, он преображался.

— Я родился в Донецкой области...

Когда Семен Борисович услышал эти слова, он почувствовал страшную боль в груди. Как будто острыми щипцами кто-то схватил за сердце и разорвал его на части. «Я сделал операцию по изменению пола...» Эти слова словно набатом звучали в его уходящем сознании. Первым дало трещину сердце. В медицине это называется инфарктом.

Когда Стася вернулась домой, дома уже не было. Ее вещи сиротливо стояли у подъезда. Хозяйка квартиры с ненавистью выхватила у нее ключи и с чувством оскорбленного достоинства удалилась.

— Алле, Слава, это Стася. — Она все-таки набрала его номер.

— Оставь нас, сатана, — после паузы произнес Слава. Он говорил словно зомби.

— Давай сходим в церковь помолимся, — тихо предложила она.

Когда они встретились, Стася не сразу узнала его. Поникшие плечи, потухший взгляд. Он смотрел на нее с плохо скрываемым ужасом.

— Ты умеешь молиться? — спросила она его.

— Я первый раз в церкви, — признался Слава.

— Ты, проживший уже четверть жизни, еще ни разу не осенил себя крестом и еще смеешь меня осуждать?

— Ты кто? — спросил Слава, не в силах поверить, что перед ним транссексуал.

— Человек.

— А экстрасенс сказал, что ты сатана.

— Работа у него такая, разводить лохов вроде вас. Вы ему платите, он отработывает свои деньги. Не может же он сказать, что это плата за все ваши грехи.

— За какие грехи? — спросил Слава испуганно.

— Твой папашка эксплуатирует людей, наживается на их труде. А в свободное от эксплуатации время развлекается с такими, как я.

— Что?

— Ничего. Он мой постоянный клиент. А он тебе ничего не говорил?

— Он в больнице с инфарктом.

— Значит, Бог все-таки есть, — сказала Стася и направилась к выходу.

— Оставь нас, прошу тебя. — Слава стал похож на затравленного зверька.

— Ты же еще вчера говорил, что любишь меня, а сегодня я уже сатана?

— Ты выдавала себя за женщину, а на самом деле непонятно кто.

— Твой папашка тоже выдавал себя за хорошего семьянина и порядочного человека. А когда вдруг выяснилось, что он пользуется услугами неизвестно кого, он не покаялся, а нанял ментов и экстрасенсов. Вы все такие же двуличные, у вас у всех две жизни. Одна для людей, а другая для себя. И если кто-то не такой, как вы, вы готовы его изжить. Ваши избранники народные за ваши деньги спят со мной и называют меня суперженщиной! Они даже не могут отличить бабу от мужика. И эти уроды правят вами! А меня сделали изгоем только потому, что у меня перепутаны хромосомы. Опять же почему? Потому что люди решили стать Богами и делать себе подобных! А кто им дал право? Я не просила производить меня на свет!

Стася кричала, и ее крик эхом разносился по церкви. Верующие с интересом и ужасом внимали ее словам. Наконец она выдохлась и выбежала из храма, оставив там несчастного Славу.

Она бежала по городу и никого не замечала вокруг. Слезы текли по щекам и смывали тушь и грим. Слезы были настоящие, прозрачные и соленые, такие же, как у всех людей. И обида была настоящая.

— Алле, редакция? Меня зовут Стася, а раньше звали Стасом. Я человек из пробирки. Хочу все рассказать журналистам.

На следующий день центральные столичные газеты опубликовали исповедь транссексуала и его фотографию. Газету читали в маленьком донецком городке и вздыхали: вот уже и наш Стас прославился. Обсуждали в правитель-

стве: интересно, а кто из наших воспользовался? Читали в транспорте обыватели и смеялись: и что только журналисты не выдумают, чтобы поднять тираж газеты.

ТЕСТ НА ВЕРНОСТЬ

Путевка в санаторий свалилась как снег на голову. Я согласилась — ведь не каждый день жизнь балует неожиданностями. Муж расстроился, но виду не подал: «Позжай, отдохни». Он сказал это с таким обреченным видом, что у меня защемило сердце.

Мы были женаты уже три года, но все никак не могли налюбоваться и каждое расставание воспринимали как испытание.

Муж посадил меня в вагон, прошептал на прощание: «Береги себя» — и ушел не оглядываясь. Мне захотелось выскочить из вагона и остаться, но поезд уже набирал скорость, увозя меня все дальше и дальше.

«Жемчужина у моря» оказалась местом, где ничего не радовало глаз. Белые корпуса санатория сливались со светлым небом и создавали блеклую палитру. Отдыхающих было совсем немного. Поселившись в трехместном номере, я едва успела разложить вещи, как медсестра пригласила меня к врачу.

— Сейчас напишем историю болезни, а потом пойдете обедать, — сказал врач, заполняя бумаги.

— А давайте лучше напишем историю здоровья, — пошутила я.

Врач рассмеялся и стал пристально меня разглядывать. А я его.

Он был высоким, смуглым и темноглазым. Белоснежный, до хруста накрахмаленный халат выгодно подчеркивал его красоту. Я отвела взгляд.

— Меня зовут Юрий Петрович. Я буду вашим лечащим врачом, — представился он. — Устраивайтесь, обживайтесь, я к вам попозже обязательно зайду.

Я отправилась в столовую. Старички и старушки с аппетитом уплетали общепитовские харчи и азартно строили друг другу глазки.

— Говорят, если в санатории отдохнешь и ни с кем не заведешь роман, значит, твоя путевка сгорела, — тщательно разжевывая кашу, сказала дама пост-бальзаковского возраста своей соседке по столу.

— Не дадим сгореть путевкам! — произнесла с энтузиазмом сухонькая пожилая женщина.

И, совершенно не обращая на меня внимания, искательницы приключений принялись обсуждать предстоящие танцы. Понимая, что мне здесь ловить нечего, я отправилась в корпус. Не успела прилечь на кровать, как пришли соседки по номеру. Они оказались моими ровесницами — Маша и Наташа.

— Ты знаешь, что твоя путевка считается сгоревшей, если... — начала было Маша, как будто мы были знакомы по крайней мере сто лет.

— Знаю. Но я замужем.

— А тебе никто и не предлагает менять мужа, — успокоила Наташа.

— А верность — это такой архаизм! — добавила Маша.

— Если любишь человека, то не изменишь ему никогда, потому что настроен только на него. А если не любишь, то это не измена, — сказала я уверенно.

— Да не заморачивайся, цель забавы — всего лишь развлечься, — миролюбиво закончила Наташа.

Выбора у меня не было, и мы подружились. Ну в самом деле, не могла же я ходить на танцы со старушками.

По вечерам подружки клубились в баре, а днем отсыпались в номере. Иногда, между делом, начинали рассказывать мне о каком-нибудь очередном

«ковбое Мальборо».

— Представляешь, посидели вчера с одним, — откровенничала Маша. — Когда я уже стала «такая, как вам надо», он пригласил меня к себе. Зашли в номер. Сидим, ведем беседу. Когда паузы стали зависать, я ему говорю: «Я хочу тебя так же, как и ты меня — не очень!» Он рассмеялся и сказал: «Ты — лучшая!» Ну и случилось то, что случилось.

Вскоре я уже откровенно заскучала. То и дело звонила мужу, но его, как назло, все время не было на месте.

Санаторий жил своей жизнью. Пожилые тетечки и дядечки, как будто вспомнив, что жизнь стремительно проходит, спешили наверстать упущенное. Народ разбивался на пары и откровенно предавался разгулу. На танцах напомаженные и расфуфыренные пенсионеры дергались в конвульсиях. Все аллеи были заняты прохаживающимися туда-сюда мужчинами и женщинами. Никто не хотел стать обладателем сгоревшей путевки. Я ощущала себя здесь совсем лишней.

До сих пор мой лечащий врач не сделал мне никаких назначений. Неожиданно я почувствовала себя очень плохо. Головокружение, страшная слабость, паника... Вышла в коридор, дрожащими руками постучала в соседнюю дверь и попросила позвать мне доктора.

Юрий Петрович не заставил себя долго ждать. Он пришел с прибором для измерения давления, но без халата, в джинсах и свитере.

— Ну что у нас случилось? — спросил он участливо.

— Доктор, мне очень плохо.

— У вас гипотонический криз, — сказал он, измерив мне давление. — Лекарства, быстро поднимающего давление, к сожалению, нет. Хотя я знаю один немедикаментозный способ. — Он хитро улыбнулся.

Но мне было не до шуток. Паника прошла, но слабость не давала возможности подняться. Кроме того, начала нестерпимо болеть голова.

— Вам не помешает крепкий чай. Если не возражаете, я за вами поухаживаю, — сказал Юрий Петрович.

Я не возражала, и доктор принялся готовить чай. Большой, он занимал вокруг себя все пространство, но двигался плавно и почти без шума. Я с интересом наблюдала за ним. В нем чувствовалась сила, но не грубая мужицкая, а какая-то внутренняя, скрытая. И власть. Та самая власть, которой подчиняешься беспрекословно.

Когда чай был готов и покорно стоял на моей тумбочке, я вдруг почувствовала, что мне легче. Приподнялась на кровати, и мы стали вести беседу. Непринужденной назвать ее было сложно, потому что оба думали об одном и том же.

Я любила своего мужа, и другие мужчины для меня просто не существовали. Но что это? Неизвестное доселе чувство захлестнуло меня. Вождеделение безраздельно завладело мной и поглотило все остальные чувства: любовь, преданность и верность. И то, что было невозможным, теперь показалось неотвратимым. Чужой, малознакомый мужчина вдруг превратился в объект страстного желания.

Со мной стало происходить что-то совсем непонятное. Щеки запылали огнем, сердцебиение участилось, и мне опять стало нехорошо. Врач как ни в чем не бывало уложил меня на кровать и стал снова измерять давление. И ес-

ли полчаса назад столбик показывал 80 на 50, то сейчас — 120 на 70.

— Однако... — многозначительно покачал головой Юрий Петрович. — Пожалуй, мне лучше уйти. — Он стал укладывать прибор в чехол. — Или остаться?

Все зависело от меня. Кивни я в тот момент — все бы свершилось. Я его почему-то очень хотела, и это желание невозможно было ничем объяснить. Но я не кивнула, и он ушел. А я так и не уснула в ту ночь. А на следующий день после завтрака купила билет на поезд и уехала домой.

Всю дорогу я сожалела о том, чего не случилось. Что за глупые предрассудки? Тебе понравился мужчина, ты его захотела, зачем было сдерживать себя? Жизнь так быстротечна, она дарит так мало радостей. Кому бы стало плохо от того, что два человека провели приятную ночь?

Поезд как будто не хотел везти меня домой и все время подолгу стоял на каких-то Богом забытых полустанках. Опоздание превышало уже шесть часов. Когда состав наконец прибыл, встречающих уже не было. И только один человек дождался. Мой муж. Он стоял на пустынном перроне с огромной красной розой в руке.

Господи, как хорошо, что я не сделала этого! Какое счастье, что моя путевка сторела!..

ОТДАМ ЛЮБОВЬ В ХОРОШИЕ РУКИ

Самолет разогнался, затем при помощи какой-то неведомой силы оторвался от земли и устремился ввысь.

— Наш самолет оправляется в рейс Киев — Анталия. Время в полете — два часа тридцать минут. Желаем вам приятного полета, — проговорила стюардесса заученный текст.

Маша набрала в легкие побольше воздуха, закрыла глаза и отдалась на милость судьбе.

Перед мысленным взором прокручивалась пленка жизни. Она всегда была хорошей девочкой. Старшая дочь в многодетной семье просто обязана быть хорошей, послушной и расторопной. Единственная ее слабость — книги. Вот где жизнь, страсти, интриги, чувства. Вот где герои, грезы и слезы. Ей повезло понять, что есть другая жизнь. Именно из книг она узнала, что существуют другие отношения между мужчинами и женщинами, а не только как у родителей. Отец уходил на подработку, потом выпивал и возвращался поздней ночью. А мать все это время управлялась с четырьмя детьми, огородом, скотиной. Она во весь голос ругала отца и даже помахивала скалкой, но как только он приходил, менялась на глазах и превращалась в терпеливую покорную женщину. Она раздевала, разувала и укладывала спать своего мужа, чтобы поговорить с ним на трезвую голову. Но с утра наваливались дела, закручивалась очередная круговерть, и все повторялось сначала. Никаких красотостей и романтики. Одна суровая действительность, сплошные серые будни. Скучно и провинциально.

Маша запоем читала все, что могла найти в своем районном центре, а после восьмого класса поступила в библиотечный техникум, чтобы совместить приятное с полезным. Библиотекарь — самая интересная профессия: читаешь книжки, да еще деньги за это получаешь. Мама откровенно переживала за дочь. Вместо того чтобы ходить на дискотеки, знакомиться, встречаться, набираться опыта, она ищет героев в книгах. Наивность, помноженная на романтизм, не лучшее качество для девушки на выданье.

— Ты бы взял с собой Марийку на танцы, а то она совсем от своих книжек не отрывается, — то и дело просила мать двоюродного брата посодействовать выходу в свет старшей дочери.

И он не долго думая взял соседа Серегу Рамзюка, только пришедшего из армии, и повел знакомиться. Она же, напившись книжной романтикой, ждала своего героя. И на танцах в клубе краснела удушливой волной, соприкасаясь со своим новым знакомым. Пришло время любить.

Мать запаниковала, не такой участи она желала своей дочери. Семейство Рамзюков имело в районе печальную славу. Отец с завидным постоянством гонял жену и семерых детей вокруг дома, бил и бил всех, кто попадет под руку. Старший сын и внешне, и повадками очень походил на отца, и не надо было владеть даром ясновидения, чтобы понимать какое будущее ждет Машу.

— Дочка, ты же знаешь какая у них семья, — говорила мать. — Не связывайся с ним. Пойми, выбирая себе мужчину, ты выбираешь судьбу. Это больше, чем просто человек, с которым живешь. Это отец твоих детей. Это качество твоей жизни. Уж поверь мне, я хоть и простая женщина, но жизнь понимаю.

— Конечно, мама, не волнуйся, мы просто дружим, — успокаивала Маша то ли мать, то ли себя.

У нее в душе уже зарождалось чувство к этому грубоватому, простому парню. Но судьба решила все-таки дать ей выбор: ее как лучшую ученицу наградили поездкой в Грузию. Что это была за поездка! Славный город Гудаута, сказочное лесное озеро, скалы, хмельной воздух, страстные взгляды горячих парней. Так вот она какая жизнь за пределами районного центра! Среди отдыхающих курсантов из России был голубоглазый скромняга Рома. Он смотрел на Машу своими небесными глазами, робко брал за руку и читал стихи. Маша ликовала от предчувствия любви. Но свобода выбора — серьезная проблема. С одной стороны — интеллигентный добрый мальчик из другой страны, с другой — соседский парень, знакомый и понятный. Разум приводил аргументы в пользу мальчика. Сердце выбрало соседа. «Я, неопытная тихоня, и он, скромный добряк, как мы будем жить?» — задавала она себе глупые вопросы. Рома долго писал ей романтические письма, но она уже свой выбор сделала.

Окончив техникум и получив диплом библиотекаря, Маша твердо решила ехать в столицу. Сергей на правах друга поехал с ней. Она поступила в Институт культуры, он устроился работать на авиазавод. Большой город — полигон, на котором испытываются новые способы жизни. После родного села, где знаешь всех и про всех, здесь ты чужой. Один на один с собой. Большой город принадлежит всем, как морское побережье. И Маша ощущала себя рыбой, выброшенной на берег. Ей было нечем дышать. Но она знала, что в этом большом городе у нее есть свой человек. И не важно, что они живут в разных общежитиях и не существенно, что он может ей предложить покататься только на лифте...

Он хотел ее так, что страсть, клокодавшая в груди, могла запросто прожечь свитер.

А она боялась и всячески откладывала близость. Это был тип любовного поведения: растягивать период ухаживания.

Ее институтская группа состояла только из девочек и делилась на приезжих и киевлян. Одни жили в общежитии, экономили, подрабатывали и учились изо всех сил; другие жили дома, ни в чем себе не отказывали и брали от жизни все. Одни имели все по праву рождения, другим приходилось доказывать свое право на светлое будущее. Но и у тех и у других главным критерием успеха было наличие милого друга. Можно было плохо одеваться и плохо учиться, но не пользоваться успехом у сильного пола означало попасть в черный список неудачниц. Собственно, это негласное правило существовало не только в их группе. Во всем женском сообществе мужчина всегда был главным мерилем успешности женщины. И если нет «любви хорошей» у нее, то кольца и браслеты, серьги и жакеты значения не имеют. Отсюда и название — женское счастье.

После занятий она спешила к нему, к своему Сереженьке. Ей было все равно, что он далеко не красавец, что не умеет говорить красивые слова, что простоват и грубоват. Главное, что он ее друг, который к тому же терпеливо ждет, когда она сама назначит их день. И вот этот день настал. Она окончательно решила, что ее первым и единственным мужчиной будет он. Для нее это было больше, чем просто близость.

Он оказался молодцом. Терпеливым, тактичным и заботливым. Сделал все

как надо. У него уже был богатый опыт в его мужском общежитии. А потом он купил ей цветы и мороженое. Это были самые красивые цветы в ее жизни и самое вкусное мороженое. И она была самой счастливой. Господи, как же она его любила! Она готова была выполнить любое его желание, изрезать себя на кусочки ради него. Рабская, слепая любовь. Откуда она могла взяться у этой начитанной, умненькой девочки?

Его это устраивало, и когда тестостерон ослабил давление на мозг, он понял — женюсь. Для женской группы это было событие. Ну что в ней особенного? Однако, увидев избранника, группа успокоилась: неказистый и неотесанный, нам таких не надо. А Маша вся сияла радостным светом, она похорошела, расцвела, и даже мать, украдкой смахивая слезы, благословила ее на счастье. Небесный дворец бракосочетаний зарегистрировал еще одну пару.

* * *

Свой главный выбор Маша сделала. Теперь ее судьба была в руках этого человека. И он распорядился ею по-своему. Вначале семья сняла подвальчик. Там было сыро и холодно, окно выходило во двор, и было видно, как свиньи гуляют по двору, словно заключенные. Они то и дело тыкали своими пяточками в низкое окошко, и Маше казалось, что они подглядывают за ее жизнью. Она спешила закрыться от них ситцевыми занавесками. Но никакими занавесками невозможно было отгородиться от бедности. Беременность высасывала все соки, а даже яблоко купить было не на что. Денег не хватало ни на что, кроме как на спиртное мужу. Он не собирался себе ни в чем отказывать. Иногда он уходил в загулы, и тогда Маша тихонько плакала в своей землянке от голода, холода и обиды. Третий класс жизни, плацкартный вагон. Неужели сценарий жизни передается по наследству?

Но в институте об этом никто не знал, на виду она всегда была успешная, улыбающаяся и счастливая. А то, что глаза заплаканы, так это от беременности.

Их дочка родилась весной. Тогда же впервые приехала Машина мать посмотреть на внучку. Приехала и ужаснулась. Как можно было умудриться найти такое убогое жилище? Да и Машу было трудно узнать в этой уставшей похудевшей женщине. Но зять демонстративно не замечал, как мечется взглядом по внучке, по дочке, по подвалу так некстати приехавшая теща. К ребенку она допущена не была. «Это наш ребенок. Можете посмотреть, но купать и пеленать не надо», — холодно сказал молодой отец. Маша, потупившись, молчала. Как трудно быть хорошей дочерью и послушной женой одновременно. Всю ночь мать проплакала, а наутро, бросив на дочь сочувственный взгляд, уехала.

«Выбирай: или я, или мать», — жестко сказал Сергей, глядя, как жена украдкой вытирает слезы. Она изо всех сил старалась держать себя в руках; если пропадет молоко, на смеси денег нет.

А потом пришла зима. В их подвале завелись крысы, по ночам они шастали по комнате, и Маша панически боялась уснуть, чтобы они не покусали ребенка. Пришлось отвезти малышку к маме. Муж все чаще задерживался, приходил выпивши и все время придирался.

— Что за вид у тебя? В таком виде можно возбудить только патологоанатома, — говорил он, бросая уничтожающий взгляд на ее единственный халат и изношенные тапочки.

— Сережа, мы нуждаемся сейчас, но это временно. И дело тут не в халате и не в тапочках. Это детали.

— А обвисшая грудь — тоже детали?

— Женская грудь — это молочные железы, жировая и соединительная ткань в кожаном мешке. Только и всего, — спокойно резюмировала Маша. Недаром она считалась лучшей ученицей в группе.

— А что это за белье? — кричал он, сорвав с веревки теплые женские трико. — Чтобы я не видел этого жлобства. Моя жена должна носить сексуальное белье!

— Хорошо, хорошо, но зачем так кричать? — соглашалась она, отлично понимая, что дело вовсе не в белье.

Она вообще не могла понять, откуда у него такие запросы и требования. Иногда, сидя в сыром подвале и выпив для сугрева водки, он мечтал вслух о том, как однажды уедет из этой долбаной страны в славную Америку и заживет там по-человечески.

От духовного господства защититься очень трудно, почти невозможно.

Именно этой зимой в сексуальном белье она простыла и серьезно заболела. Страшная тяжесть внизу живота, внутри ее как будто поместили раскаленную лампу, которая жгла ее каленым огнем. Она потеряла сознание прямо в институте, вызвали «скорую», и даже выдавшая виды врач ужаснулась: «Как же ты терпела-то?»

Подружки поехали сообщить мужу и застали его с другой женщиной. Надо же, а Маша в полном неведении. Но решили ничего ей не говорить. У нее было идеализированное представление о том, как должно быть, но что делать, если идеалы рушились, она не знала. Если уж даже сексуальное белье не помогает...

Новость о второй беременности застала ее врасплох. Полная неустроенность и в быту, и в отношениях. Плюс бедность и институт, который надо окончить. Что делать? Кто подскажет, кто поможет? Картина будущего размыта.

— Рожай, с институтом решим, — сказала куратор и дала шанс человечку.

— Поступай как знаешь, — снял с себя ответственность муж.

И снова токсикоз и авитаминоз. Огромный живот и платье в черную клеточку.

— Вам плохо? — над ней склонилась стюардесса.

— Нет, спасибо, все хорошо. — Маша вымученно улыбнулась. Как будто эта стюардесса может ей помочь заново пережить свое прошлое.

— Что желаете? — Стюардесса кивнула на тележку с обедами и напитками.

— Спасибо, ничего. — И закрыла глаза.

И снова замелькала черно-белая пленка ее жизни. Вот она чуть свет, схватив дочек в охапку, несется в ясли по глубокому снегу. Малышки не успевают, проваливаются в снег, а она тащит их за капюшоны: быстрее, быстрее! А потом бегом на завод, в цех, к станку. Как она боялась этого станка... Но муж был неумолим: или я, или карьера. И она, привыкшая подчиняться, очередной раз сделала выбор в пользу мужа.

Они уже снимали другую квартиру, из окон которой были видны люди, а

не свиньи. Им уже хватало денег на еду. Уже прошло узнавание и привыкание, и каждый знал свою роль в ритуале. Жизнь катилась по наезженной колее. Маша понимала, что существует другая жизнь — более сытая, благополучная, счастливая. Но она не роптала, только иногда, подойдя к зеркалу, тихонько шептала: «Я самая сильная, я все смогу». Что она хотела этим сказать? Может, просто защищалась от безысходности.

Завод уже не представлялся страшным монстром. Там тоже были люди, и некоторые старались скрасить ее жизнь. В соседнем цехе работал мужчина, который каждое утро махал ей рукой. Кажется, он и на работу приходил специально, чтобы помахать ей и пожелать хорошего дня. У него была широкая белозубая улыбка, как раньше рисовали на пролетарских плакатах, и широкие плечи, как любили делать на памятниках рабочим. Однажды под своими окнами Маша увидела две вытоптаные в снегу огромные буквы М и Л. Что означали эти буквы? Может, Маша и Любовь, а может, что-то другое. Какая разница, если они написаны для тебя. Эти две буквы стали появляться каждое утро. А ее безымянный друг улыбался все шире и махал рукой все энергичнее. Она подсмотрела ночью, как он старательно вытаптывает эти буквы и, глядя в зеркало, произнесла более уверенно: «Я красивая и сильная!»

Между тем на заводе полюбили вечно улыбающуюся и энергичную женщину. Она умела не только детали вытачивать, но и документы составлять, писать заявления каллиграфическим почерком и организовывать праздники. А когда выяснилось, что у нее есть красный диплом гуманитарного вуза, то начальник профсоюза руками развел: как же ты согласилась в цех пойти? «Это не я, моя нужда дала согласие», — скромно ответила Маша. Ответ был правильный, и уже через месяц ее назначили секретарем табельщицы. Это как будто с урановых рудников перевели на лесоповал. Тяжело, но уже не смертельно.

А потом ей предложили общежитие. Муж был оскорблен. Почему ей, а не ему? Он привык, что в их партии он играет, а она подыгрывает. «Ты должна отказаться», — приказал командным тоном.

— Сережа, существует три вида удачи: кармическая, если ты родился с ложкой во рту, независимая, когда просто везет. И жизненная, которая зависит конкретно от поступков. Так вот с кармической и независимой у меня не сложилось, поэтому я сделаю все от меня зависящее, чтобы быть счастливой. У меня двое детей и нет крыши над головой. — Она пыталась говорить мягко.

— Если ты переедешь в общежитие, я от тебя уйду.

Маша заколебалась, но коллективный разум настоял: «Он от тебя все равно рано или поздно уйдет, а так у тебя хоть общага будет».

В новую комнату переехала одна с дочками, и началась новая жизнь. Каждый жил на своей территории, за свой счет, но грязное белье он регулярно приносил жене. И во время запоев тоже приходил туда, где его по-прежнему любили и заботились о нем. Дочки подносили рассольчик, жена готовила легкий супчик. Не семья, а бюро добрых услуг.

Она любила его, а он искал, кого полюбить. Но это была не беда, беда случилась, когда однажды он вдруг решил искать смысл жизни. И нашел его в секте. О сектах Маша читала только в учебниках. Она представить не могла, что человек может в одночасье переродиться. Имя и внешность те же, а внутренность другая. Если того, прошлого, она любила, несмотря на измены и пьянки,

то этого боялась. Глаза стали стеклянными, речи путанными, он то часами смотрел в одну точку, то начинал кричать, чтобы она не смотрела телевизор, не красилась и не смеялась. От него все стали шарахаться, все, кроме детей. Девочки вдруг потянулись к этому новому мужчине, словно только и ждали его перерождения. В церковь они стали ходить все вместе. Маша не могла себе объяснить, почему допустила, чтобы дети попали под зомбирование. У нее наконец-то появилось свободное время, и она ездила за город на свою дачу. Маленький клочок земли, который она любовно засадила малиной, смородиной, огурчиками и помидорчиками, приносил ей огромную радость. Она так и не смогла сродниться с железобетонным городом, ей отчаянно не хватало природы, и этот участок стал ее маленькой родиной. Поэтому она и соглашалась оставлять детей с отцом.

А дочери между тем отдалялись от нее все дальше и дальше. «Мама, почему ты накрасила ногти, разве ты не хочешь спасти свою душу?» — спрашивали они строго. «Почему ты не живешь с папой? Ты любила его, когда он пил и скандалил, а сейчас, хороший, он тебе не нужен?» Вначале она отшучивалась, потом срывалась на крик, а затем погружалась в затяжную депрессию. Сережа и ее пытался приобщить к своей религии: водил ее на мероприятия, которые напоминали скорее сеансы Кашпировского, чем церковное собрание. На нее не действовали проповеди духовных лидеров секты, только очень сильно болела голова.

— Сережа, я еще не готова, я хочу быть свободной в выборе религии, — говорила она извиняющимся тоном.

— Выбирай: или я, или свобода, — поставил он очередной ультиматум.

И она, пожертвовав когда-то ради него матерью и карьерой, выбрала свободу.

— Тогда придется пожертвовать детьми. — Он угрюмо усмехнулся.

Когда она поняла, что надо что-то делать, было уже поздно. Поход к психологу ничего не дал. Холеная женщина в красивом кабинете спросила: «Вашим девочкам хорошо с отцом? Вот пусть с ним и остаются. Из этой секты вы их никогда не вытянете. Вы еще молодая, устройте свою жизнь. С вас пятьдесят гривен за консультацию». И она улыбнулась равнодушной улыбкой.

Маша вышла от психолога, громко хлопнув дверью. Стучите и вам откроют? Но как достучаться до небес? Прямо от психолога она поехала на дачу, чтобы саженцы излечили душевную боль. Она разговаривала с ними, как с живыми, и казалось, что кусты смородины и малины понимают ее лучше, чем муж и дочери. Обратный автобус отменили, и пришлось ждать следующего. Рядом маялся такой же горе-дачник. Чтобы скоротать время, они разговорились. Маша с удивлением отметила, что можно рассказывать о своих проблемах не только кустам с ягодой. Мужчина слушал ее очень внимательно, не перебивал, и в его взгляде было столько сочувствия, что Маша не только все ему рассказала, но и впервые за долгое время разрыдалась.

Когда подъехал автобус, они вошли в него уже вместе. По дороге попутчик рассказал, что живет один в частном доме и что Маша может переехать к нему с дочками хоть сегодня. Она с недоверием смотрела на случайного собеседника: обычный мужчина средних лет, спокойный, интеллигентный и вроде надежный. Неужели так бывает?

В котле с кипящей водой нет холодного места, поэтому не долго думая она

побросала в сумки и целлофановые кульки необходимые вещи, закрыла комнату и, крепко взяв дочек за руки, поехала по указанному адресу. Она им ничего не объяснила, сказав, что едут на экскурсию. Надо выбирать между привычной жизнью и нормальной жизнью. «У мужа моральная шизофрения, а я хочу внятного бабьего счастья!» Перед тем как выйти из общежития, она пристально посмотрела на себя в зеркало и громко сказала: «Я сильная и красивая, и все у меня получится!» Дочки недоуменно переглянулись, но промолчали.

Когда Сережа узнал, что она не просто уехала с детьми, а переехала к мужику, он позвонил ей и сказал:

— С сегодняшнего дня ты для меня умерла.

Не успев «похоронить» жену, он неожиданно для всех женился второй раз. День его свадьбы стал для нее траурным днем. Ее гражданский муж Валентин готов был превратиться в человека-невидимку, чтобы лишней раз не встретиться с ней взглядом. Она вся почернела. Дочки были солидарны с отцом и как ни в чем не бывало отправились на свадьбу, оставив мать один на один со своим горем.

У каждой пары свои зарубки на память. Машины зарубки — это две дочки, свидетельство о разводе и хронические женские болезни. После развода у нее появилась острая любовная недостаточность. Валентин был порядочным человеком, но была в нем какая-то недопроявленность, что ли. Они с ним были как две половинки одной несложившейся жизни. Она всегда представляла себе настоящего мужчину властным, сильным и грубым. Этот был другой: мягкий, спокойный, все понимающий и всепрощающий.

Его дом был запущенным и неухоженным, как одинокий, заброшенный мужчина. Маша побелила потолки, переклеила обои, до блеска натерла старую мебель, повесила новые занавески. Она была хорошей хозяйкой, но полюбить по заказу не могла. Этот мужчина оставался чужим. Когда он хотел ее поцеловать, она подставляла щеку. Дочки его тихо ненавидели и всячески старались навредить: то воду на него прольют, то табуреткой заденут. По вечерам в их доме воцарялась тишина. Поразительно, как много можно услышать, когда никто ничего никому не говорит.

На работе ее повысили — перевели в протокольно-юридический отдел. И Маша засела за учебники — надо было освоить английский. Теперь на дачу она ездила с карточками и всю дорогу заучивала непонятные иностранные словечки. И с кустами своими говорила теперь на английском.

Однажды ее пригласили на встречу выпускников. Она стала лихорадочно считать: прошло уже 13 лет с тех пор, как они — и киевлянки, и приезжие — со своими дипломами отправились во взрослую жизнь. На встречу пришли всего три человека: Ленка, Ира и Света.

Сейчас они были еще в том возрасте, когда появился первый опыт и первая мудрость. Первые браки завершились разводами, поэтому после тостов за встречу стали говорить «за жизнь».

— Жизнь состоит из «надо» и «хочу». Причем доля «надо» доминирующая, — вздохнула Ира. Ей пришлось перейти работать из библиотеки в банк. Там платили в десять раз больше, но вместо книг приходилось читать финансовые отчеты. И иногда даже ночевать на работе на кожаном диванчике.

— Знаете, девчонки, есть внешний и внутренний долг. Внешний — людям,

внутренний — себе. Так вот я предпочитаю в первую очередь выплачивать внутренний долг, — серьезно заявила Ленка. Она умудрялась создавать себе комфортные условия для жизни, даже в одиночестве воспитывая двоих детей.

— Просто все моделируется в голове: и успех, и неудача, — поддержала ее Ира.

— Этот вывод ты сделала, читая финансовые отчеты? — Маша грустно рассмеялась.

— Маша, при чем здесь отчеты? Надо праздновать свое существование, а не выживать. — Ленка, сама того не подозревая, насыпала соль на открытую рану. — Нас вон научили разбирать героев по косточкам, определять жанры литературы, цитировать умные мысли, а как быть счастливыми, не научили. Главные герои романа — это мы сами!

— Да ладно, брось, когда нет героя, нет и романа. — Ира глубоко, по-мужски закурила.

— А я уверена: хочешь быть счастливой — будь! Мне когда плохо, я беру зеркало и, обращаясь к своему отражению, говорю: я сильная и красивая! — поделилась Маша.

— Не забывай добавлять любимая, потому что человек как любит, так и живет, — посоветовала Ленка.

— Ленка, ты не женщина, а ходячая цитата. — Ира принялась разливать вино по бокалам.

— Ничего, я еще скажу свое слово в литературе! Так сказать, внесу свою лепту в мировую сокровищницу.

Потом они напились и долго говорили о том, что мужики, конечно, сволочи, но есть исключение из правил и неплохо бы это исключение найти.

После этой встречи Маша ушла от Валентина. Решение пришло само собой. Просто она поняла, что обманывает себя и его. Просто ей надоело выплачивать внешние долги. Она снова вернулась в общежитие, подошла к зеркалу и сказала: «Я самая красивая, самая счастливая!»

— И самая сильная! — хором добавили дочери.

Самолет качнуло, и он рухнул в воздушную яму. Пассажиры мгновенно превратились в общую массу белковых тел. Раздались крики, и салон наполнился страхом. Маша почувствовала, что душа опустилась куда-то в желудок. Не хватало погибнуть именно сейчас, в самый неподходящий момент. Хотя для смерти любой момент неподходящий.

— Господи, как я боюсь летать, — произнесла соседка белыми от страха губами.

Маша промолчала, ей казалось, что она уже ничего не боится, кроме одиночества. Однако, когда машина еще раз провалилась в пустоту, ей стало не по себе. Стюардесса вышла к пассажирам и, надев профессиональную улыбочку, предложила напитки. Большинство пассажиров заказали спиртное. Маша залпом выпила коньяк и посмотрела в иллюминатор. Солнце уже садилось и расцветило розовым цветом нереально красивые облака. Они были далеко внизу, а вокруг бескрайнее небо.

— Вы в Турцию отдыхать летите? — поинтересовалась соседка. Странно все-таки устроены люди: трясется от страха, а лезет с расспросами.

Маша промолчала. У нее не было желания откровенничать. Разве этой хо-

ленной женщине, летящей на курорт развлечься, разве ей понять, что испытывала Маша, когда у бывшего мужа один за другим стали рождаться дети. Разве можно описать словами, как она страдала, когда дочери уходили к папе, а потом захлеб рассказывали, как он любит свою жену, ту, другую. Как заботится о ней, бережет, ухаживает. Говорят, что мужчина с каждой женщиной разный. «Почему же меня он обижал и унижал, а ее любит и голубит?» — задавала себе один и тот же вопрос.

На заводе она стала уважаемым человеком, возглавила отдел по международным связям. Ей предложили беспроцентный кредит для покупки квартиры и, отправившись в госучреждение за какой-то справкой, Маша натолкнулась на Сережу. Оказывается, он работал чиновником. Он скользнул по ней равнодушным взглядом, как по совершенно незнакомому человеку, и прошел мимо, даже не кивнув. Тогда она поняла, что действительно умерла для него. Как ей было тяжело: в душе неустроенность, в сердце — вечная мерзлота...

Возвращалась домой совершенно потерянная, ей хотелось залезть в горячую ванну и дать волю слезам, а потом сказать зеркалу, что она самая любимая... Выходя из трамвая, споткнулась, и, если бы не протянутая вовремя рука, она бы просто упала.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарила спасителя, но он не выпустил ее руку, а принялся рассматривать ее.

— Это рука женщины, которую я искал всю жизнь, — произнес мужчина полусшепотом.

Что она подумала тогда? То же, что и большинство женщин: что перед ней либо маньяк, либо ненормальный. Хотя мужчина был похож скорее на профессора с кафедры биологии: седовласый, с аккуратненькой бородкой, в интеллигентных очках и стильной дубленке. Когда она вырвала свою руку, он попросил разрешения проводить ее до дома. По дороге рассказал, что бизнесмен, что в разводе и что действительно искал женщину по руке. Маша согласилась встретиться с ним. В конце концов, необременительный любовник одинокой женщине не помеха. Тем более его звали Романом, как того мальчика с небесными глазами из ее юности. Он оказался идеальным любовником: нежным, любящим и богатым. Маша чувствовала себя желанной и любимой. Она принимала ласки и подарки, но ее сердце молчало. Вот она женская сущность, прав был поэт: чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей. Роман готов был отдать ей все, что у него было, и себя в придачу. «Машенька, ты моя последняя любовь», — повторял, словно мантру. Он предложил ей любую страну мира на выбор, но Маша отшучивалась: «Не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна».

Однако младшая дочка стала просить: «Мама, давай поедem в Турцию, отдохнем. Мы с тобой нигде не были». И она согласилась. Рома безропотно оплатил эту поездку. Это был его скромный вклад в любимую женщину.

Едва ступив на турецкую землю, она возликовала: ей показалось, что она много лет искала эту страну и вот сейчас просто вернулась домой. Ей нравился шум и толчея, быстрая разговорная речь и необычная архитектура. Турки были доброжелательны и гостеприимны. Понятно, что это входило в стоимость тура, но все равно приятно.

Первый человек, которого они с дочерью встретили, был немолодой сотрудник туристической компании. Худой, энергичный с седыми вьющимися

волосами. Маша хотела договориться об экскурсиях, но он совсем не слушал ее, а задавал свои вопросы: «Это ваша дочь? Вы замужем? Откуда вы приехали?» Сама не зная почему она стала отвечать, а Юсуф, так звали турка, выслушав ответы, сделал ей предложение. «Какие они интересные, первой попавшейся женщине предложение делают. Вероятно, у них предложение руки и сердца входит в пакет услуг», Маша дивилась загадочной стране и ее жителям. «Соглашайся, мама, так хочется здесь остаться и нарожать черненьких детишек», — пошутила дочка.

На следующее утро настырный турок был уже у них в отеле, он пришел пригласить их к себе домой. Маша наотрез отказалась, а дочь стала настаивать: «Мама, когда еще мы сможем попасть в настоящую турецкую семью и посмотреть, как они живут? Давай сходим, нас это ни к чему не обязывает». Пока они разглядывали турецкий быт, Юсуф представил их своей матери как жену и дочь. Пожилая турчанка косо посмотрела на славянских туристов и стала что-то быстро говорить на своем языке. Юсуф поспешил увести гостей.

— Что она сказала? — спросила Маша.

— Она сказала: или я, или она, — перевел Юсуф.

— Как странно, где-то я уже это слышала. — Она улыбнулась своим воспоминаниям.

Но каково же было ее удивление, когда на следующий день он явился в отель с сумкой, в которой была сложена сменная одежда, и сказал: «Я сделал выбор, я хочу на тебе жениться. Я все оставил матери, мы начнем все сначала». Ее сердце билось так сильно, что, казалось, выскочит из груди.

Неужели так бывает? Жизнь как будто сделала поворот вокруг своей оси и снова поставила ее перед выбором. С одной стороны — любящий Роман, с другой — этот малознакомый турок.

Дочка ликовала. То ли ей хотелось пристроить мать, то ли действительно переехать в Турцию. Маша вернулась домой и первым делом пошла к гадалке. У славянских женщин есть три советчика: разум, сердце и гадалки. Немолодая черноволосая гадалка, чем-то похожая на мать Юсуфа, разложила перед ней колоду, покачала головой и сказала: «Если останешься с тем человеком, который любит тебя здесь, то будешь жить, как королева, а если уедешь, то пожалеешь». Коротко и ясно.

Здравый смысл был на стороне Романа, а сердце выбрало турка. Как и тогда, много лет назад, она снова послушалась сердца. Она уволилась с завода, где у нее были имя, должность и репутация, оставила квартиру и все, что нажила за двадцать лет, дочкам и поехала начинать все сначала.

Самое страшное было сказать о принятом решении Роману. Как она боялась этого разговора... Но говорить ничего не пришлось, он сразу все понял, едва взглянув на нее. Только спросил хрипло:

— Что в нем есть такого, чего нет во мне?

Маша молчала. Не могла же она объяснить, что женщина часто ищет похожего на своего первого мужчину, даже если он был деспотом и тираном. Многие годы она страдала от неразделенной любви и прекрасно понимала, что сейчас чувствует отверженный Роман. Ей хотелось скорее уехать, чтобы не встречаться с ним взглядом, чтобы не оправдываться.

Рома лично проводил ее в аэропорт, порывисто обнял и сказал: «Я буду ждать тебя всегда, в любой момент ты можешь вернуться, и я приму тебя». И

подарил на память кольцо с большим коричневым камнем.

— Пусть это будет твой оберег.

Маша надела кольцо и отправилась навстречу новой жизни. По иронии судьбы в тот же день ее первый муж улетал с семьей в Америку. Как и мечтал. Дочки провожали отца...

В Турции действительно все было по-другому. Другой климат, другая еда и другие отношения. Они сняли скромную квартиру на берегу моря. Когда в первое утро она проснулась, услышала шум прибоя и шум посуды на кухне. Юсуф готовил ей завтрак. Маша потянулась и почувствовала себя счастливой. Впервые ей ничего не хотелось доказывать, хотелось просто жить.

Через неделю она нашла работу — помощницей продавщицы в ювелирной лавке. То, что она раньше работала на крупнейшем авиазаводе, никого не интересовало. Здесь надо было начинать все сначала. «Зато теперь буду разбираться в золоте и бриллиантах», — успокоила она себя. Странно, но ей здесь все нравилось. И тепло, которое никогда не кончалось, и удивительный кофе, от которого она просто пьянела. И Юсуф, который действительно женился на ней. Она сделала прическу в лучшем салоне, надела белый брючный костюм и во время брачной церемонии, только мельком подумала: «Жаль, что Сережа не видит...»

Она постепенно отогрелась и отоспалась, благо муж купил огромную двуспальную кровать. Единственное, по чему скучала, — так это по дачному участку, по своим кустикам с малиной и смородиной.

То утро началось с того, что из ее оберега бесследно исчез камень. Весь день она не находила себе места, позвонила домой, но дочери успокоили: все нормально. А ей почему-то страшно захотелось домой. Просто съездить на родину и самой удостовериться, что все нормально. В Юсуфе боролись два чувства. С одной стороны, хотелось стукнуть кулаком по столу и сказать: «Сидеть, женщина!» С другой стороны, он понимал, что таким образом все равно не удержишь. И он отпустил ее, сверкая глазами и всем своим видом давая понять, что недоволен.

Родина встретила ее холодно и равнодушно. Все были заняты своей жизнью и своими делами. Когда дочери примерили подарки и выпили за встречу, когда обменялись последними новостями, она спросила про Рому. В комнате воцарилась звенящая тишина.

— Что с ним? — спросила Маша, предчувствуя самое плохое.

— Он умер от сердечного приступа, мы не хотели тебя расстраивать, — сказала младшая дочь и достала из стола пачку писем. — Это он тебе писал.

Маша взяла дрожащими руками листки бумаги, исписанные мелким аккуратным почерком. Читать она их не смогла. Как странно, это случилось в тот день, когда исчез камень из ее перстня.

На следующий день она поехала на дачу. Зброшенные кусты плодоносили. Она собирала ягоды и плакала. Перед ее мысленным взором проходила череда мужчин: Сережа, неуклюже обнимающий ее на танцах в местном клубе, курсант с небесно-голубыми глазами, читающий стихи под небом Грузии, тот рабочий из цеха, старательно вытаптывающий в снегу заветные буквы, Валентин, предоставивший ей свой дом как политическое убежище, Роман, надевающий на палец кольцо с коричневым камнем... Жизнь такая непонятная и несправедливая. Хорошо, что в далекой Турции меня ждет человек, с кото-

рым мне хорошо.

Она взяла билет на самолет, чтобы уехать. Теперь уже навсегда.

* * *

— Уважаемые пассажиры, пристегните, пожалуйста, ремни, самолет заходит на посадку.

Самолет мягко приземлился и покатил к аэропорту. Маша отстегнула ремень. Впереди маячило заслуженное женское счастье...

ГОРЬКИЙ ВКУС АВОКАДО

Я видела эту женщину много раз. Каждый день, спускаясь обедать, я встречала ее у входа в столовую. Старуха обращалась к входящим с просьбой: «Подайте на хлебушек». Люди либо не глядя ссыпали ей мелочь, либо спешили отвернуться.

Однажды я встретилась с ней взглядом и вздрогнула. На меня властно смотрели черные сверкающие глаза, которые совсем не вязались с ее старостью, приниженной позой и статусом нищенки. Казалось, эти глаза жили своей, отдельной от хозяйки жизнью.

С тех пор я стала наблюдать за необычной старушкой. Она появлялась у дверей столовой всегда в одно и то же время и так же неожиданно исчезала. Ее не останавливала непогода, отпускной сезон и даже презрение некоторых окружающих. Как выяснилось, она обращалась с просьбой о подавании далеко не ко всем, а лишь к избранным.

Однажды моя сотрудница Нинка прибежала после обеденного перерыва вся в слезах.

— Представляете, эта побирושка меня оплевала, — всхлипывала она.

— Какая побирושка?

— Ну эта мерзкая старуха Шапокляк, которая просит милостыню у нашей столовой.

— Что ты говоришь?! — Весь отдел замер в нетерпении.

— Она ж стоит всегда у входа, как метрдотель, и не подвинется, чтобы пропустить человека. Я ей и говорю: нечего, мол, стоять на проходе побираться, работать надо, — продолжила Нинка в запале. — И что вы думаете? Она посмотрела на меня, как ведьма, а потом что-то прошипела вслед. А когда я поднималась по лестнице, мне сотрудники и говорят: «У вас вся спина оплеванная».

В тот день мы очень долго обсуждали воинствующую старуху. Вечером, возвращаясь с работы, я решила зайти на Бессарабский рынок. Он хоть и очень дорогой, но зато там в любое время все есть. Каково же было мое удивление, когда я увидела нашу нищенку в рядах, где продавались овощи и фрукты. Она покупала... авокадо. А ведь далеко не все гурманы знают, что это за овощ и как его едят.

Старушка со знанием дела выбрала товар, затем не торгуясь отсыпала мелочью нужную сумму и с чувством собственного достоинства удалилась. Интересно, кто она такая? Кем была раньше и как «докатилась до жизни такой»?

На работе я занимаюсь научными исследованиями. С приходом весны неожиданно навалились срочные заказы, и я даже не ходила обедать, а перекусывала прямо на рабочем месте принесенными из дома бутербродами, поэтому старушку нищенку долго не видела и почти забыла о ней.

Она всплыла совершенно неожиданно. Татьяна Ивановна, наша заведующая отделом, ходила на концерт Спивакова, и мы ждали подробностей светского мероприятия.

— Все было чинно-благородно. Зрителей обыскивали при входе на предмет оружия, поскольку на концерте был сам президент, — сказала она с гордостью.

Ей вообще очень нравилось быть причастной к великим. Даже на рабочем

столе у нее красовалась фотография, где она вручает цветы самому Кобзону. Мы беззлобно подсмеивались над ее провинциальным снобизмом, но искренне ей симпатизировали и с удовольствием слушали сплетни с культурных мероприятий.

— Знаете, что меня больше всего поразило на этом концерте? — сказала Татьяна Ивановна, понизив голос. — В одном ряду с президентом сидела... наша нищенка!

Всеобщая тишина была ей ответом. Затем заговорили все сразу.

— Я видела, как она покупала авокадо на рынке, — сказала я.

— Что-что покупала? — не понял наш ученый секретарь.

— Да это овощ такой экзотический. Вам он не по карману и не по ранжиру, — прокомментировала Татьяна Ивановна.

— А я за ней в очереди стояла в кондитерском магазине, она заказала самые дорогие конфеты, причем по килограмму, — вступила в разговор молодой специалист Светочка.

— А я видела, как она на развале книги выбирала. Канта и Ницше, между прочим, — добавила Нинка.

— Ты ей ничего не сказала? Типа, побирушкам не положено увлекаться философией? — спросила я.

— Нечего язвить, у меня на месте ее плевка образовалась дыра, — сказала Нина. — Я больше к ней ни за что никогда не подойду.

— Только в нашей стране нищие слушают Спивакова и читают Ницше, — торжественно произнес наш ученый секретарь Игорь Арсеньевич.

— Может, мне тоже спуститься в столовую и попросить: «Люди добрые, подайте на авокадо и “Рафаэлло”»? — съязвила Нинка.

Я молчала. Меня снова начало мучить любопытство. Кто же эта загадочная женщина? Кем она была раньше и почему сейчас, на старости лет, оказалась выброшенной на задворки жизни? Ответа не было. Приближалось время обеда, и я отправилась в столовую. Мне не терпелось посмотреть на загадочную старушку. Я обязательно познакомлюсь с ней и спрошу о ее жизни. Наверное, будет покруче самых модных сериалов.

Она стояла на своем месте и просила «на хлебушек». Наши глаза встретились, и я поняла, что не посмею задать вопрос. В ее взгляде было столько силы и власти, что я, будто замороженная, ссыпала ей на ладонь все деньги, которые у меня были в кармане, и вернулась в отдел, так и не пообедав.

На следующий день старушка возле столовой не появилась. И через день ее место пустовало. Это заметили все наши сотрудники и не замедлили поделиться своими соображениями.

— А где же наша светская нищая? — спросила молодой специалист Светочка.

— Наверняка где-нибудь на встрече в верхах, — поддержала разговор Нинка.

— Надо сказать, что абсолютно напрасно она прогуливает — свято место пусто не бывает. Вдруг займет кто-нибудь? Та же Нинка, например, — сказала Татьяна Ивановна.

— Что ей, мало дырок на одежде, что ли? — Все засмеялись.

Так или иначе, но старушка больше не появилась. Каждый раз, идя на обед, я искала ее взглядом — и не находила.

Настало время отпуска, мы с сыном решили поехать на море. На вокзале была страшная толчея, но она была вызвана не суматохой отъезжающих, а каким-то происшествием. Подойдя ближе, мы увидели, как пожилую женщину санитары положили на носилки и понесли. Я сразу узнала в ней нашу нищенку. Я была поражена.

— Принцессу забрали, — грустно произнес старик бомж, провожая взглядом носилки.

— Почему Принцессу? Вы ее знаете? — спросила я.

— Она ни с кем не общалась, ничего не рассказывала. Вела себя не так, как все вокзальные. Она — дама. — Он произнес это таким тоном, что сомнений быть не могло: это о нашей старушке.

— А вы можете о ней что-нибудь рассказать? — Я никак не могла унять свое любопытство.

— Принцесса здесь недавно. О ней никто ничего толком не знает. Даже имя свое она не назвала. Всегда чисто одета, никогда не спала на скамейке. Она знала много языков. Я сам видел, как она разговаривала с какой-то иностранкой, и они понимали друг друга. Говорят, она была известной и богатой, — добавил он с гордостью.

— Но что она делала на вокзале? — Кажется, я спрашивала саму себя.

— Она всегда провожала поезда. Наверное, в одном из них уехали ее родные. И встречала поезда, надеясь, что они к ней вернуться... — философски заметил бомж.

Я с изумлением посмотрела на этого бездомного человека. И тут объявили посадку на наш поезд.

— Что же с ней случилось? — спросила я, хватая свои вещи.

— Наверное, ее благородное сердце не выдержало, — тяжело вздохнул мой собеседник и, не прощаясь, побрел прочь.

Всю дорогу мне не давали покоя мысли о бездомной Принцессе. Приехав на курорт, я первым делом отправилась на рынок и купила себе авокадо. Разрезала его на кусочки и принялась есть. Странно, но этот экзотический овощ почему-то имел вкус одинокой старости.

ТАРЕЛКА

Я живу в «бабьем царстве», с мамой и сестрой, причем мама — медсестра в больнице, а сестра — эстетка-поэтесса. Одна питается духовной пищей, а другая — остатками с больничной кухни. А я хочу денег, славы, любви — и побольше!

Моя семья меня не понимает и осуждает. Мол, чтобы чего-то добиться, надо упорно трудиться. Наивные! Я-то знаю, что квартиры и машины покупаются с одной сделки, а не с зарплаты. Короче, когда мне в газете попало объявление, что ресторану нужны девушки на высокооплачиваемую работу (не интим!), я позвонила. Собеседование по телефону было недолгим. Я рассказала, что студентка пятого курса художественного института, что брюнетка с красивой фигурой, что работать могу только по вечерам, и меня попросили прийти для личной беседы.

Симпатичная стильная женщина средних лет весьма критично меня оглядела, потом улыбнулась и сказала:

— У нас довольно специфическая работа. Один из залов ресторана — японский. Мы хотим перенять все их традиции, и потому сейчас нам нужна «женщина-тарелка».

— ???

— На стол стелют скатерть, затем укладывают обнаженную девушку, ее тело закрывают зеленью, а сверху кладут суши, сашими, темаки. Иными словами, ее сервируют, как красивое блюдо. И гости угощаются прямо с тела. Но вы не волнуйтесь, у нас очень солидное заведение — никакого интима, никаких извращений.

— Вы знаете, пожалуй, я не готова, — сказала я растерянно.

— Не спешите отказываться, — мягко произнесла женщина. — Отказаться вы всегда успеете. Попробуйте один раз. Мы платим сто долларов за вечер плюс чаевые клиентов.

Сто долларов за пару часов! Была не была! Я согласилась.

— Вот и хорошо, — улыбнулась женщина. — Приходите завтра на дебют.

Своим домашним я ничего не сказала. Меньше знают — лучше спят. Я выросла в благополучной семье. Это в последние годы родители разбежались, а всегда, сколько себя помню, мой отец занимал пост на крупном предприятии, и я привыкла быть девочкой из приличной семьи. И вот теперь придется зарабатывать телом. «В конце концов, побуду пару часов как бы натурщицей», — решила я и поехала на работу.

Коллектив встретил меня доброжелательно. Меня помыли, причесали, загримировали под гейшу одели в кимоно и проводили в маленький уютный зал. Мягкий теплый свет, картины с иероглифами на стенах, посреди комнаты — низкий стол и вокруг подушечки.

— Раздевайтесь и ложитесь на стол, — велела работница кухни. — Я сейчас позову шеф-повара.

— А может, не надо?

— Надо, Федя, надо! — весело рассмеялась женщина.

Я скинула кимоно и в чем мать родила улеглась на белоснежную накрахмаленную скатерть. Мне почему-то стало очень холодно, и я — то ли от холода, то ли от страха — стала отбивать чечетку зубами.

Через несколько минут пришел молодой парень в белом халате. Я лежала распластанная на столе и чувствовала себя как курица перед разделкой.

Парень мило улыбнулся: «Так, девушка, не волнуйтесь, расслабьтесь и...»

— И получайте удовольствие. — Я не дала ему договорить.

— Не комплексуй, все будет хорошо, — успокоил меня молодой человек.

Это были те самые слова, которые я хотела услышать. Дрожь сразу прекратилась, и я стала с любопытством наблюдать, как вокруг суетятся люди в белых халатах, сервируя меня, словно блюдо. Сначала меня обложили зелеными листьями, а потом на эти листья стали аккуратно выкладывать японские деликатесы. Я лежала не шевелясь и боялась лишний раз вздохнуть, чтобы ничего не соскользнуло. Минут через двадцать я превратилась в настоящую поляну. Чего там только не было! И все это великолепие возлежало на мне в ожидании клиентов.

— Кушать подано! — сказал кому-то молодой парень, который только что «одел» меня закусью, и вошла приемная комиссия.

На меня никто не обращал внимания. Я была всего лишь фоном. Комиссия внимательно осмотрела сервировку и, довольная, покинула комнату. Я осталась одна. Про меня будто забыли. Тело начало затекать. Мне казалось, еще мгновение — и судорога сведет руки и ноги. У меня было навязчивое желание вскочить, скинуть с себя всю эту японскую жратву и убежать. Но перед глазами маячила бумажка в сто долларов, и я продолжала покорно лежать. Я замерзла и уже практически не чувствовала своего тела, оно задеревенело и стало чужим.

Когда я совсем отчаялась, за дверью послышались оживленные голоса и вошла группа людей. Это были иностранцы, скорее всего итальянцы. Они щебетали по-своему, то и дело бросая на меня любопытные взгляды. Я готова была провалиться сквозь стол.

А потом началось самое интересное: они начали есть! С меня. Сначала они ели блюда, расположенные на груди. Причем съедали их вместе с зеленью. По мере того как мое тело оголялось, разговоры становились тише, а sake наливалось чаще. Гости все время как бы ненароком касались тела. Ненавязчиво, как будто случайно. У меня было чувство, что когда они наконец доедят всю закуску, то «на горячее» примутся за меня.

Но до «горячего» не дошло. Одному из них позвонили на мобильник, и вся компания торопливо засобиралась и ушла. На прощание они поулыбались мне и оставили двадцать долларов на столе. Я лежала, не в силах поверить, что все закончилось. Через несколько минут пришла работница из кухни, сняла с меня остатки закуски, помогла подняться и проводила в душ.

— После душа зайдешь в бухгалтерию, — сказала она на прощание.

— С дебютом тебя, — протягивая конверт, произнесла та самая женщина, что проводила собеседование.

— Спасибо.

— У нас есть заказ на субботу. Ждем тебя к шести, — лаконично закончила она беседу.

Выйдя на улицу, я судорожно вдохнула ночной воздух. Итак, я это сделала. Продала себя.

Мне было не по себе, но конверт с хрустящей банкнотой сглаживал впечатление. Я решила помечтать, что смогу позволить себе за эти деньги, и вдруг

поняла, что ничего. Тряпка, купленная за такую дорогую цену, казалась мне золотой. Косметика тоже сразу меркла, как только я вспоминала свое унижение. И постепенно стодолларовая купюра превращалась в простую бумажку. Мне ничего за нее не хотелось.

Дома пахло жареной картошкой. От запаха еды меня стало мутить.

— Алена, ты ужинать будешь? — спросила сестра Оля.

— Нет, — коротко ответила я и ушла в свою комнату.

Когда наступила злосчастная суббота, передо мной с утра встала дилемма: быть или не быть? Идти или не идти в ресторан? Коммерческий рассудок говорил: иди, два часа позора — и стольник у тебя в кармане. Чувство собственного достоинства кричало: зачем тебе этот стольник, если ты себя там теряешь? В конце концов они пришли к компромиссу: это в последний раз.

В этот раз все прошло быстрее. И мойка, и макияж, и сервировка. Не успели меня накрыть, как подвалили заказчики. На этот раз попалась компания новых русских. И я поняла, в чем загадка и прелесть славянской души. Эти в первую очередь стали решать, как меня накормить и напоить. Им не елось, пока дама голодная. Короче, они придумали поить меня из трубочки, встать-то я не могла.

Удивительное чувство: когда ты лежишь, то стоящие вокруг тебя мужчины кажутся просто великанами. А ты, словно карлик, смотришь снизу вверх, как они пьют и едят.

После нескольких глотков водки жизнь стала веселее, и я уже вовсю хохотала вместе с гостями. А они, выпив, тоже осмелели и с аппетитом уплетали японские кушанья. Причем сначала они, как порядочные, пытались это делать палочками, а потом палочки побросали и стали помогать себе руками. Мне тоже кое-что перепало. Они были свои, и с ними было весело и совсем не страшно. Не представляю, что на меня нашло, но когда еда была съедена, я сбросила с себя остатки и станцевала им на столе танец живота. Наверное, сыграла свою роль водка из трубочки. Гости были очень довольны и оставили мне сто долларов. «Кажется, на меня посыпался долларовый дождь!» — подумала я. Коммерческий рассудок все же одержал победу, и чувству достоинства пришлось ретироваться.

— Сегодня будут очень важные клиенты, постарайся быть на высоте, — сказала начальница через неделю.

— Что значит на высоте? Столик повыше поставим? — Я засмеялась.

Работники кухни очень старались с сервировкой, но все почему-то не ладилось. То салат соскользнул и упал на пол, то я случайно дернула ногой и повредила рыбу. Почему-то было очень неудобно лежать. Я пыталась себя успокоить, но нехорошее предчувствие не покидало меня.

Я лежала «накрытая» уже полчаса, но никто не приходил. Я замерзла, меня стала бить дрожь. Закрыв глаза, я попыталась расслабиться и не заметила, когда в комнату вошел посетитель. Почувствовав на себе взгляд, я вздрогнула. Он стоял чуть поодаль и смотрел на меня. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

Я вдруг отчетливо поняла, насколько я незащищена. Голая, заставленная какой-то жратвой, лежу на этом столе одна-одинешенька. То ли женщина, то ли тарелка.

Клиент медленно подошел, взял палочки и не спеша стал оголять меня. Он

просто брал суши с груди и перекладывал мне на живот. Он ничего не ел, казалось, что еда даже вызывает у него брезгливость. Я тоже вызывала у него не самые приятные чувства. Но что я могла сделать? Только молча наблюдать, как он перекладывает еду «на тарелке».

Темные, узкие, как щелочки, глаза смотрели на меня с какой-то неприкрытой ненавистью. Тонкие губы скривились в усмешке. На вид ему было лет сорок. Хороший костюм, белоснежная рубашка, на шее золотая цепь, на толстом, как сосиска, пальце — золотая печатка. Странное несоответствие: узкое худое лицо и квадратный торс. Как художник знаю, что так не бывает. Как будто это чужая голова пришта к чужому туловищу.

Когда вся еда была сброшена на живот, он деревянными палочками, словно щипцами, больно ущипнул меня за грудь. Я вскрикнула. Тогда он взял суши рукой и засунул мне в рот как кляп. При этом его взгляд был такой устрашающий, что я онемела. Все это он делал молча. Негромко звучала мелодичная японская музыка. Мужчина ходил вокруг стола, и мне казалось, что он собирается меня убить. Было так страшно, что я не могла пошевелиться.

Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошла администратор.

— У вас все в порядке?

— Да, спасибо, можете идти, — как ни в чем не бывало произнес мужчина.

Это был мой единственный шанс на спасение, и я его не упустила. Быстро вскочив, я бросилась к двери. Еда, складированная на моем животе, разлетелась в разные стороны, испачкав и костюм заказчика, и одежду администратора. Не обращая внимания на посетителей ресторана, я бросилась на кухню, где висела моя одежда. Одевшись быстрее, чем солдат-свехсрочник, я бросилась к выходу, но столкнулась с администратором.

— Зайдите ко мне, пожалуйста. — Она мягко взяла меня за руку.

— Он маньяк, он чуть меня не убил! — Я вдруг начала рыдать.

— Не волнуйся, он бы тебе ничего не сделал. У нас есть камера наблюдения, и как только мы заподозрили неладное, сразу пришли тебе на помощь. — Она подала мне стакан воды и конверт. — Здесь двести долларов. За моральный ущерб. — Она улыбнулась.

У них, значит, камера наблюдения есть. Они, значит, кино смотрят. Я для них просто героиня реалити-шоу. Одноразовая тарелочка.

В ресторан я больше не вернулась. В институте началась преддипломная практика, и я засела за работу. Я рисовала людей в виде столов, а на столах женщин в виде тарелок, а мужчин в виде вилок и ножей.

Моя дипломная работа была признана лучшей.

А вскоре мою картину купили на Андреевском спуске за двести долларов. И это были совсем другие двести долларов.

ОДНА НОЧЬ ИЗ ЖИЗНИ МУЖЧИНЫ

Всезнающая статистика утверждает, что мужчина моего возраста думает про это в среднем сто раз в месяц. Неправда, я думал об этом сто раз в день. Навязчивая идея заиметь любовницу измотала меня, словно тяжелая болезнь. Хотелось обколоть новокаином сексуальный центр в мозгу, чтобы не беспокоил. А тут еще, как назло, со всех сторон «маячки»: то мужской журнал с витрины призывает оголенными силуэтами, то женщина в метро бесстыдно свои формы вываливает, то друг рассказывает в сауне, как он «отымел славную бабенку».

Черт возьми, почему одним все, а другим ничего? Почему я должен хранить верность чьим-то гениталиям? Жизнь проходит, а что нам дается взамен? Лысина, брюшко, морщины и комплексы. Я стал ловить себя на мысли, что на всех женщин смотрю с одной точки зрения: хотел бы я ее в роли любовницы или нет.

Дело в том, что еще с детского садика я делил всех девочек на подружек, с кем можно дружить, и на принцесс, о которых нужно мечтать. Одна такая девочка-подружка была в моей группе, и звали ее Мариной. Мы весело хохотали над воспитательницей и на пару строили домики. А вторая девочка была для меня мечтой. Белокурая куколка с розовыми бантиками. Я мечтал о ней, как о сказочной принцессе. Она снилась мне по ночам, я восторженно наблюдал за ней со стороны, но не смел подойти и поиграть вместе. Такое разделение осталось на всю жизнь: подружки и принцессы.

Надо сказать, что большую роль сыграла мама, которая делила всех женщин на порядочных и «шлендр». Женился я на подружке, с которой было легко и удобно. Не важно, что она не будила во мне диких страстей, но она была порядочной женщиной, и я не переживал, что стану рогоносцем после первой же командировки. Да и мама оценила мой выбор. Только вот тетка Шура была против. Ей решительно не нравилась моя супруга.

— Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы потом ни о чем не жалеть, — назидательно говорила тетка.

— Ты имела в виду, чтобы не было мучительно больно? — мягко поправлял я.

— Я имею в виду, что жить надо с любимой бабой, а не с удобной.

— Тебе не нравится моя жена?

— Не нравится! Ни рыба ни мясо. Просто моль какая-то. Ты специально выбирал себе женщину, чтобы на нее больше никто не позарился?

— При чем здесь внешность? Она человек хороший.

— А ей, дружок, больше ничего и не остается, как быть хорошим человеком. А мужики не понимают простой истины: коль женишься на Жучке, непременно станешь Шариком. — И тетка демонстративно поджимала губы.

Такие разговоры продолжались у нас много лет, но я не придавал им значения. Просто тетка была одинокой и детей у нее не было, поэтому она относилась ко мне как к сыну и хотела, чтобы я был счастлив. Ей казалось, что такой мужчина, как я, должен был жениться как минимум на Анне Курниковой. Потому что я спокойный, порядочный и душевный. Наивная тетя. Кому нужна душевность никому не известного Васи и порядочность простого обывателя? Вот если бы моя фамилия была Рокфеллер, тогда душевность не помешала бы.

А так — моя жена была для меня самой подходящей парой. Простая, скромная, верная. Звезд с неба не хватает, но и неба в алмазах не требует. Мы жили нормально, как живут миллионы семей. Нам вместе было тепло и уютно. Маша работала библиотекарем, я — инженером в строительной фирме, сын учился в школе. У каждого своя жизнь, но у всех общий кров и совместный быт.

Все было хорошо, пока я не посмотрел этот злосчастный видеофильм. За день до этого в курилке Серега, знатный бабник и любитель легких побед, делился впечатлениями о бурном уик-энде.

— Она с виду такая недотрожка. А когда винца выпили да кассету поставили, откуда все взялось. Такое вытворяла, мама дорогая. — Он мечтательно сузил глаза.

— Да какая женщина ни будь, а все равно ее... — Валера смачно сплюнул.

— Конечно, всех не переимеешь, но стремиться к этому надо. — Серегу просто распирало самодовольство.

— Ну а ты чего молчишь? — обратился он вдруг ко мне.

Я растерялся. Никогда не принимал участия в таких разговорах. Во-первых, мне нечего сказать. Во-вторых, я считаю, интимная тема потому и интимная, что не выносится на обсуждение.

— У меня есть идея. Давайте протестируем наших баб-с, — заявил Серега. — У меня тесты есть, будь здоров. Там все вопросы, какие нас интересуют. Когда, с кем, как. Есть ли табу, есть ли тайные желания. Короче, берешь потом эту бумажку — и план действий у тебя в руках.

— А где ты берешь эту бумажку? — спросил я.

— Где-где? В мусорном ведре! Они анкету заполняют, тест прочитают и куда бумажку денут? Правильно, выбросят. А мы ее из ведра достанем и прочитаем.

— Серый, дай мне это кино посмотреть, — как можно более равнодушно сказал я после перекура.

— Не вопрос, бери, познавай мир в красках. Но учти, это не семейное видео.

Целый день я думал о том, как ночью с женой приобщимся к жесткому порно. Вечером зашел в магазин, купил красного вина, конфет, орешков, ну чтоб не скучно смотреть было. Жену я застал на кухне. Она готовила котлеты. У нее приготовление котлет — целый ритуал. Она долго-долго вымешивает мясной фарш, потом тщательно лепит котлетки, словно яйца Фаберже создает. Я поставил на стол бутылку, выложил сладости и стал ждать, когда она спросит, по какому поводу. И тут я отвечаю, что сегодня у нас «Катрусин кинозал» будет.

— Мой руки, сейчас ужинать будем, — буднично сказала жена, как будто у меня каждый день горят глаза от страсти и я возвращаюсь домой с вином и конфетами.

— А потом у нас будет десерт, — говорю интригуяюще.

Но жена не реагирует на интригу, у нее котлеты подгорают. В кухню забегают сын с кассетой в руках:

— Предки! У меня потрясающий фильм. Один раз и только для вас! «Человек-невидимка». Кассету взял до утра, так что айда смотреть.

Я почувствовал, как внутри все закипает. Еще чуть-чуть — и разразится «кассетный скандал». Но не могу же я, в самом деле, сказать, что мне не терпится посмотреть мультики для взрослых.

Жена преспокойненько дожаривает свои котлеты и раскладывает их на тарелки. Рядом горкой насыпает жареную картошечку и консервированные ово-

щи. Мне не хочется есть. Я разворачиваюсь и ухожу в комнату. Ложусь на диван и тупо смотрю в потолок. Потолок давно не беленный, в желтых разводах. «Твою мать!» — зло думаю я. Невозможно в своей квартире со своей женой заняться сексом, когда хочешь. Почему-то одного моего желания недостаточно, надо, чтобы она тоже хотела. А собственно, когда она последний раз хотела? Я вспоминаю анекдот, как в зоопарке орангутанг схватил женщину, она кричит мужу: «Помоги!» А он ей спокойно так советует: «А ты ему расскажи, что ты устала и у тебя голова болит». Анекдот кажется мне смешным, и я грустно улыбаюсь.

— Ты не заболел? — спросила жена, с тревогой глядя на меня.

— А с какой стати это я должен заболеть?

— Ну я не знаю, ужинать не стал, лежишь здесь один, улыбаешься сам с собой.

— Я хотел с тобой тут фильм один посмотреть. Порнографический. Ты как, не против? — говорю сразу в лоб.

— Чего это вдруг?

— Вдруг только смерть бывает. А желание нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь, — добавил я философски.

— Это маразм совсем не ждешь, — сказала жена и вышла из комнаты.

Мне почему-то на ум пришла мужская мудрость о том, что настоящая женщина должна быть хозяйкой на кухне, звездой в обществе и проституткой в спальне. А некоторые женщины на кухне звезды, в обществе проститутки, а в спальне хозяйки. Моя же просто порядочная женщина. Везде. Стало грустно.

Сын до полуночи смотрел своего «Невидимку». А когда он наконец ушел спать, я пробрался в гостиную и поставил Серегину кассету. Сказать, что эта кассета открыла мне глаза, недостаточно. Она перевернула мое мировосприятие. Вот, оказывается, как бывает: живет себе человек и все-то его устраивает. И вдруг в один прекрасный момент выясняется, что ничего он в этой жизни не знал и не пробовал. Я не спал до утра. Я понял, что настоящая жизнь с ее пороками, интригами и страстями пронеслась где-то рядом. А я остался стоять на обочине. Рядом с порядочной женщиной. Это почти диагноз. На следующий день Серега притащил уже готовые и отпечатанные тесты.

— Ну что, пацаны, вперед! — подмигнул он и бодрым шагом направился в отдел. Мы с Валерой покорно пошли вслед за ним.

— Дамы, есть предложение познакомиться поближе! — торжественно произнес Серега.

Женщины повернулись в его сторону. Женщины вообще почему-то поворачиваются в сторону тех, кто хочет их использовать.

— Посоветуйтесь с внутренним голосом и врожденной скромностью и ответьте на поставленные вопросы, — продолжал сыпать остротами Серега.

— Интересно, кто это их поставил? — с сарказмом спросила бухгалтер Людочка.

— Философы, психологи, венерологи и специалисты по вопросам семьи, частной собственности и государства, — вступил в разговор Валера.

— Просто женщины делятся на два типа: «уже да» и «пока нет». Вот мы и хотим определить, кто есть кто. — Серега как ни в чем не бывало раскладывал перед каждой листки с вожделенными вопросами.

— Хотеть не вредно! — оборвала его Людочка, а потом добавила: — Мужики

тоже делятся на два типа: мужчины и самцы. Так вот, мужчины — это те, у кого есть деньги, а все остальные — самцы!

Женская часть коллектива (а это тощая Надя — помощник бухгалтера, толстая чертежница Алена, бухгалтер Людочка и страшная Слава — начальник отдела) поддержала ее дружным смехом. Ну ничего. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы с мужиками ушли в курилку, дабы не мешать отвечать на интимные вопросы.

— Как много девушек хороших, а тянет что-то на плохих. — Серега выдал шутку Фоменко за свою.

— Ты считаешь, что они вот так сразу сейчас и распишут тебе черным по белому да еще укажут свой адрес и «санитарные» дни? — съязвил я.

— Братан, женщины намного проще и примитивнее, чем о них принято думать, поверь старому солдату, который не знает слов любви.

Он, как всегда, оказался прав. Тетки действительно заполнили тесты и внимательно изучили внизу свои характеристики. Кто из них кошечка, а кто рабочая лошадь, кто стерва, а кто душечка. Одни попали в разряд «виагры», другие — в подгруппу «синих чулков». Когда мы зашли в отдел, все они громко обсуждали свои характеристики. Оказалось, что тощая Надя создана для любви, толстая Алена — для работы, а страшная Слава получила страшный диагноз — феминистка. Это не лечится. Но нас-то, как известно, совсем не интересовали их диагнозы, нам хотелось подробностей.

Самое смешное, что коллежанки все свои тесты забрали с собой, чтобы еще кого-нибудь протестировать или подумать вечером, «как докатились до жизни такой». Все, кроме Людочки. Она небрежно скомкала тест и бросила в корзину. Мы еле дождались обеденного перерыва, чтобы познакомиться с ее тайными желаниями. Едва женщины отправились по своим делам — кто в магазин, кто в кафе, кто в аптеку, — как мы, словно коршуны, кинулись к корзине. Когда мы прочитали ее ответы, в курилке стало нечем дышать.

— Да, честь девичью блюла, но не со всеми, — прокомментировал Серега.

— Почему бы тебе не покувыркаться с крошкой? — съязвил Валера.

— Да нет, спасибо. Представляешь, какая оторва: и групповуха для нее не новость, и с женщиной она была, и в шведской семье жила. Да, есть женщины в русских селеньях...

— А ты что скажешь, ботаник? — спросил Валера, обращаясь ко мне.

— Жизнь дается человеку один раз, а... — начал я.

— ...а женщина тоже человек, — закончил Серега. — Все верно. Бабье мое распоясалось.

— Тоже мне, полиция нравов. Ты хотел знать — получи! Радуйся, что мы еще не научились мысли читать: они тоже думают про это и совсем не так, как нам хотелось бы, — сказал я запальчиво.

— Ну как они думают, я знаю. Кое-какой жизненный опыт имею. Половина баб — счетчики валюты, а вторая половина — охотницы за мужьями. Чуть-чуть расслабился — уже муж, слегка зазевался — уже отец, — сказал Серега.

— Ну ты еще забыл про пепси-колок, нимфоманок и бизнесменок, — напомнил Валера.

— Так, мужики, пора работать, — прервал нашу беседу невесть откуда взявшийся шеф.

Мы понуро разбрелись по рабочим местам. Работать в тот день я не мог —

мешали разные посторонние мысли. Вечером решил сделать еще одну попытку. Купил цветы, духи, орешки, фрукты. Приехал домой, жены еще не было. Я отправил сына к теще, принял душ, побрился, принарядился и приготовился соблазнять собственную жену. Я хотел получить законное удовольствие.

Когда жена прибежала с работы и увидела столик, сервированный на двоих, цветы в вазе и подарочную коробочку, она перепуганно спросила:

— Вась, у нас гости будут к ужину? Ты кого-то ждешь?

— Гостей не будет, а жду я тебя.

— Что случилось? — В ее глазах был страх.

До чего я дожил — жена пугается обычных знаков внимания. Я внимательно посмотрел на супругу. Средний возраст, средняя внешность. Скромная, хозяйственная, надежная. Привычная, как картошка с огурцами на ужин. Неужели ей никогда не хотелось чего-то такого? Неужели на нее никто, кроме меня, не обращал внимания? О чем она мечтает, чем живет?

Жена поймала мой изучающий взгляд и как-то растерялась. Смутилась, стала зачем-то переставлять предметы на столе: сахарницу, подставку для салфеток...

— Ты чего это изучаешь меня, словно бактерию под микроскопом?

— Машенька, Машуня, сегодня я буду тебя соблазнять, — прошептал я и включил кассету.

На экране замелькали сплетенные тела и слышались характерные вздохи и стоны. Жена уставилась на экран, а я на жену. Она вся как-то неестественно напряглась, покраснела. Отводила глаза в сторону, а потом снова переводила на экран. Несколько раз она поворачивалась ко мне. В ее взгляде было удивление и непонимание. Но зрачки были огромные, на все глаза. Значит, зацепило. Я налил ей вина, пододвинул конфеты и сам пододвинулся ближе. Она тяжело дышала и была натянута вся как струна. Я очень аккуратно обнял ее и стал медленно расстегивать блузку. Руки не слушались. Похоть не давала дышать. Жена сидела, как китайский болванчик. Она не шевелилась, как будто окаменела. Может, у женщин все иначе? Мне казалось, что она должна чувствовать то же, что и я, то есть хотеть отдаться страсти и немедленно повторить все, что вытворяли на экране. Не в состоянии сдерживаться, я кинулся на нее, как на совсем незнакомую женщину. Жена не сопротивлялась, меня это распяляло.

— Я хочу так, — прошептал я, показывая на экран.

— Я не могу, — очень тихо, но решительно ответила жена.

— Почему же не можешь... Давай попробуем, тебе понравится, — продолжал мягко настаивать я, но желание вдруг отхлынуло, как волна.

— Прости, Вася, но я так не могу, — настойчиво повторила женщина, с которой я прожил почти двадцать лет.

Мне казалось, что мы родные, что мы понимаем друг друга. Сейчас рядом была чужая женщина, которая почему-то не могла довериться и отдаться мне. Ее шокировало то, что она увидела. Возможно, она и не прочь заняться любовью именно так, но ее воспитание и представление о морали не позволяли выпустить страсть наружу. Я ушел в ванную. Прохладная вода смыла желание, обиду, разочарование. Я был опустошен. Рухнул в кровать и забылся тяжелым сном.

На следующий день я увидел Людочку совсем в другом ракурсе. «Думай о

хорошем — я могу исполнить». Черт возьми, хочу показательное выступление в ее исполнении! Короче, с этого дня я уже не думал ни о ком, кроме Людочки. Я ее видел в главной роли в нашем фильме.

Пока я пускал слюнки, исподтишка поглядывая на сотрудницу, моя тетка собралась на курорт. Ключи от квартиры она оставила мне, чтобы я цветочки поливал... Это был шанс, который нельзя было упускать. Тетка перед отъездом давала мне наставления:

— Цветы поливай через день, почту забирай и оставляй включенным ночник.

— Это еще зачем?

— Для конспирации, чтобы была иллюзия, что здесь кто-то ночует. Хотя можешь и ты ночевать. — Она улыбнулась своим мыслям.

— В смысле? — не понял я.

— Без смысла! Привести себе бабу и получить немного неучтенного удовольствия. И не надо так на меня смотреть. Коли твоя жена внутри красивая, выверни ее наизнанку и любуйся! — Она протянула мне связку ключей.

Казалось, вся Вселенная помогала мне исполнить мое навязчивое желание. «Моя мечта, меня не подведи!» Теперь надо было как-то дать знать Людочке. Это было самое сложное, потому что у меня не было опыта в амурных делах. Спасение пришло неожиданно и с той стороны, откуда я не ждал. Через неделю Людочка сама (!) подошла ко мне и нежно пропела: «Мужик тутим узлом совется, но если пламя в нем клокочет, всегда от женщины добьется того, что женщина захочет...» Теперь китайским болванчиком был я. Просто молча смотрел на нее, не в силах ничего сказать.

— Ты такой таинственный и загадочный ходишь последние дни, — сказала она томным низким голосом.

— Я мечтаю о тебе, — выпалил я. И испугался своей вызывающей откровенности.

— Мечты сбываются. — Она улыбнулась многообещающей улыбкой. — Завтра вечером я свободна. — Людочка послала мне воздушный поцелуй и, цокая каблучками, удалилась.

Я не знаю, как дожил до конца рабочего дня. Я боялся поднять на нее глаза. По часу «зависал» в курилке. Мне казалось, что все уже догадались о нас. Я волновался: вдруг она передумает? После работы я отправился к тетке. Критически оглядел комнату, поменял белье на «ложе любви», вытер пыль, купил десерт, свечи, вино.

Про себя усмехался: моя попытка номер три. Посидел, помечтал, представил. Потом поехал домой. По дороге зашел в супермаркет — купил презервативы. Жена хлопотала на кухне. Мы усиленно делали вид, что ничего не произошло. Каждый продолжал жить своей жизнью.

— Я завтра переночую у тетки, она просила создавать иллюзию, что в доме люди, — сказал я как можно более равнодушно.

— О, и я с тобой! — обрадовался сын.

К такому сюрпризу я был явно не готов. Неожиданно на помощь пришла жена:

— Нечего тебе по чужим квартирам шляться. Не обсуждается — дома будешь спать.

От сердца отлегло. Мысленно я уже был там. Пытался представить, какая

она, эта Людочка, в постели, и блаженно улыбался как дурак. Жена ничего не замечала или делала вид, что не замечает. Ночь я не спал, ворочался с боку на бок, раза три вставал покурить, воды попить. А вдруг у меня не получится? Вот позор будет, и все на работе узнают. Да с какой стати не получится? Молодой, здоровый мужик. Да, молодой, да, здоровый, но до этого ты был со своей женой, у которой знаешь «все ее трещинки», а то будет чужая. Мысли роились и не давали шанса даже задремать.

Утром я встал, словно побитый. Помятое лицо долго полоскал холодной водой, потом тщательно сбрасывал щетину и долго пропитывал воспаленную кожу бальзамом. Станок бросил в сумку: настоящий мужчина бреется не только утром, но и на ночь! Критически оглядел свое нижнее белье. Слишком затрапезное, хотелось бы чего-то получше, но времени нет. Взял с собой одеколон, кассету, денег из заначки и отправился навстречу волнующему приключению.

Людочка была восхитительно хороша: черные локоны, тонкая талия, стройные ноги и волнующий запах духов. Она была раскованна и открыта для приключений. Женщина-принцесса. И сегодня эта принцесса будет принадлежать мне!

Я боялся поднимать на нее глаза, мне казалось, что все догадаются. Это было очень сложно, мы сидели в одной комнате, и от напряжения у меня разболелась голова. Я ничего не соображал, а только смотрел, как стрелка часов медленно, но верно приближается к часу «икс».

Вот дурак, чего я так переживаю? Да тысячи людей каждый день соблазняют друг друга и делают это играючи. Все равно что утолить жажду или голод. Это же нормальная человеческая потребность — удовлетворил и забыл, зачем возводить ее в культ или, наоборот, в порок? Вот если бы каждый мог быть с каждой и всех бы на всех хватило... Мечты, мечты, где ваша сладость...

Во время перекура мы договорились с Людочкой, что пораньше уйдем с работы (в целях конспирации поодиночке), я встречу ее на остановке и мы отправимся в «дом свиданий». Принято разумом и решено сердцем. Только я собрался выходить, в отдел влетел начальник. Он вообще не ходил, а летал, не говорил, а вещал. И очень всех напрягал.

— Василий, есть срочная работа, зайди ко мне.

У меня все упало внутри. Раз в жизни собрался согрешить — и вот на тебе. На негнущихся ногах я поплелся за шефом.

— Одна иностранная компания хочет заключить с нами договор. Это престижно, даже если не очень выгодно. Сегодня мы работаем на имидж, завтра имидж работает на нас. Так вот, надо подготовить отчет о наших ноу-хау. Лучше тебя этого никто не сделает, ты у нас самый дотошный. — Увидев мою кислую реакцию, он миролюбиво добавил: — Оплата по двойному тарифу.

— Шеф, я сегодня не могу при всем желании.

— У тебя что, критические дни?

— У меня критический возраст и критическая ситуация.

— Ладно, свободен. Попроси, чтобы Сергей зашел ко мне.

Я разыскал Серегу в курилке: «Старик, бросай травиться и галопом к шефу. Он там желающим халтурку денежную предлагает...»

— А самому что, деньги не нужны?

— Есть вещи позвонче монеты! — блеснул я цитатой сам не знаю кого и, пе-

репрыгивая через две ступеньки, понесся вниз. К выходу из офиса. К свободе и приключениям.

Я купил розу на длинной ножке и, как влюбленный подросток, стоял с этой розой на остановке. Неожиданно увидел стайку подростков на роликовых коньках, и среди них был мой сын. Вот так влип! Я так растерялся, что первым желанием стало выбросить розу в урну, а самому впрыгнуть в первый подошедший автобус и уехать. Но сын промчался мимо, даже не взглянув в мою сторону. Я чувствовал себя преступником, пытающимся маскироваться, стать незаметным, уничтожить улики, оставленные на месте преступления...

А почему, собственно, я должен бояться? Что такого криминального я делаю? Из автобуса выпорхнула Людочка. Вот уж кого совсем не терзали сомнения. Я торжественно вручил ей розу и слегка приобнял за талию. Мы отправились на квартиру тети Шуры.

Людочка шла легко, виртуозно виляя бедрами, и что-то там щебетала. Вот она — настоящая женщина, которую я хочу в настоящий момент. Вот она — принцесса, знающая себе цену. В честь таких женщин создают, умирают и пьют. Прохожие поглядывали на нас с любопытством.

Я гасил свое нетерпение сигаретами. Обычно я курю редко, в основном с друзьями за компанию, а тут смолил одну за другой. Людочка, казалось, не замечала моего волнения. Она быстро и профессионально накрыла столик, поставила розу в вазу и выскользнула в ванную. Я залпом осушил бокал вина, задвинул занавеси, зажег свечи и поставил кассету. Странно, но сейчас те же кадры вызывали у меня совсем другие чувства. Почему я должен это повторять? Я уже не хочу так! Я представил, как съемочная группа сгрудилась вокруг обнаженных артистов: режиссер дает команды, что делать, оператор бежит с камерой, стилисты гримируют вспотевшие лица, а артисты изо всех сил изображают «любовь». Додумать я не успел. Людочка, в черном атласном белье, вся такая влажная после душа и податливо расслабленная, вплыла в комнату и улеглась рядом. Я наполнил бокалы вином, один протянул ей.

— За здоровье!

— Пить за здоровье — все равно что воевать за мир, — сказала она. Потом не торопясь, со вкусом выпила и, растянувшись на кровати в предвкушении, грациозно выгнулась, давая понять, что дальше все дело за мной.

Но я не хотел торопить события — ведь не каждый день с тобой рядом желанная женщина. Податливая и доступная. Я так долго ждал этого, что умышленно оттягивал удовольствие. Лег рядом с Людочкой, вдыхал ее аромат, легко касался губами холодного шелка ее белья, поглаживал прохладную смуглую кожу и шептал разные глупости.

— Как жаль, что все, что приносит нам удовольствие, либо аморально, либо незаконно, либо ведет к ожирению! — вдруг громко заявила Людочка, и мое романтическое настроение мгновенно развеялось.

— Если мораль мешает счастью, она должна потесниться, — процитировал я вычитанную где-то мудрость.

— Я тоже считаю, что лучше быть счастливой, чем деликатной, и в погоне за удовольствием я готова на все! — Она допила вино и протянула мне бокал за добавкой.

— А я готов на все остальное! — самоуверенно заявил я.

— В таком случае приступим к делу! — Она повернулась к экрану и с любо-

пытством стала наблюдать за действиями героев. — О как я люблю большой мужской градус! — прокомментировала она увиденное без тени смущения.

— Знаешь, ты удивительная женщина. Такая раскованная, сексуальная, наверное, ты нравишься многим мужчинам, — сам не знаю зачем, сказал я.

— Я-то нравлюсь, да что толку? Мне вот мало кто нравится. Но жизнь такая, что, нравится не нравится, спи, моя красавица!

— А я тебе нравлюсь?

— Ты такой смешной. Застенчивый. Мне всегда хотелось попробовать порядочного мужика. — Она забросила в рот, как в дупло, целую горсть орешков.

Ага, значит, я для нее как экзотическое блюдо типа фаршированных креветок, которое она хочет попробовать. Стало неприятно. С другой стороны, уложил женщину в кровать — занимайся делом, а не демагогией.

— Хочу так, — произнесла она, дожевывая орехи, и указала наманикюренным пальчиком на пару, которая сплелась в экзотической позе.

Я поспешил исполнить желание принцессы и с ужасом понял, что мой друг отказывается мне служить. Я принялся неистово целовать ее в надежде, что вот-вот все встанет на свои места. Но ничего не встало. Я столько раз читал и слышал об этом, но мне казалось, что со мной такая оказия не произойдет. Я понимал, что самая эрогенная зона находится в мозгу и главное — дать правильную команду. Но команду я дать не успел.

— В чем дело, дорогой, у тебя какие-то проблемы? — капризно надув губы, спросила Людочка и протянула руку проверить мою «боевую готовность».

— Никаких проблем, — заявил я упавшим голосом.

— Да у тебя, как и на часах, — полшестого! — Она вульгарно захохотала. Потом, увидев мои глаза, небрежно сказала: — Может, тебе виагры выпить?

Это было неприкрытое оскорбление. Еще несколько минут назад я страстно желал эту женщину. А сейчас отпрянул от нее, как от гюрзы. Мне хотелось взять ее за шкирку и выкинуть на площадку. Шлюха! Вульгарная, дешевая потаскуха! Как я раньше этого не замечал.

А на экране бушевали нешуточные киношные страсти. В наступившей тишине стоны актеров звучали как насмешка, как издевательство. Мне хотелось выключить злосчастный фильм, вместо этого я нажал паузу, и артисты замерли в весьма неудобной позе. Мы тоже замерли. И время остановилось. Я лежал униженный и разбитый, не в силах пошевелиться, рядом лежала чужая женщина. У меня было одно желание — чтобы она немедленно исчезла. Но это желание было так же невыполнимо, как любовный акт. Неожиданно Людочка повернулась на живот, перегнулась через меня, словно через бревно, и стала как ни в чем ни бывало щелкать орешки, что лежали на столике возле кровати.

У меня появилась возможность улизнуть в душ. Стоя под упругими струями воды, я плакал. Мною завладели страх, стыд, паника. Что теперь делать? Как я буду жить? Как я появлюсь на работе? А дома? Что меня теперь ждет? Может, это мне наказание за измену? Но все мужики изменяют, при этом никто ведь не становится импотентом!

Я не помню, сколько простоял под душем, но, когда я вышел, Людочки уже не было. Только запах духов напоминал о ее недавнем присутствии. Этот запах казался мне тошнотворным. Я автоматически убрал со стола посуду, застелил постель, оделся и побрел домой.

Мне казалось, что все прохожие смотрят на меня с сочувствием. Сейчас приду домой, и жена сразу обо всем догадается, а завтра на работе все будут шушукаться и смеяться у меня за спиной.

— Какие люди — и без охраны! Вася! — Я вздрогнул всем телом и с опаской оглянулся. Прямо на меня двигался друг детства Саня Бугаев.

— Как дела? Ты откуда? Что за вселенская скорбь на лице? — Он сыпал вопросами, как жонглер булавами.

— По пути домой свернул налево, — сказал я небрежно.

— Кто такая, почему не знаю? — Саня с нежного возраста обожал разговоры на интимные темы: сам часто хвастался своими победами и остальных слушал с удовольствием. Похоже, с годами он ничуть не переменялся.

— Так что за цыпочка? — повторил он вопрос и даже покраснел от любопытства.

— Сотрудница, — ляпнул я не подумав, совершенно забыв о том, что года два назад Саня заходил по делу ко мне на работу и мог видеть всех наших сотрудниц.

— Уж не та ли вертихвостка, что в твоей комнате дебет с кредитом совокупляет? Что, обороты хвоста с годами не уменьшаются?

— Саня, прости, я очень тороплюсь, дома ужин остывает, — бестактно оборвал я его и, торопливо пожав руку, взял курс в свою гавань.

Жена жарила котлеты. Старательно лепила мясные шарики и укладывала их в кипящее масло, а затем переворачивала лопаточкой, чтобы они не подгорели. Она занималась этим с такой ответственностью и старательностью, как будто судьба человечества зависела от этих котлет.

— Мой руки, садись ужинать, — не отрываясь от своего занятия и не поворачивая головы, сказала она.

— Я не голоден, — ответил я и пошел в комнату.

Я был благодарен ей за то, что не лезет с расспросами, не заглядывает в глаза, потому что там — страх и отчаяние. Я включил телевизор и рухнул на диван лицом вниз.

— Вася, идем спать, — донесся до меня голос жены.

Я посмотрел на часы. Глубокая ночь. Я встал и послушно побрел в спальню. Лег на свою половину, повернулся лицом к стене и провалился в тяжелый сон.

На следующий день Маша сказала:

— Мне надо с тобой серьезно поговорить.

Вот оно, начинается. Она уже обо всем знает. Ладно, будь что будет. Мне почему-то стало очень жаль потерять в одночасье семью, которую не замечаешь, когда она есть, и которой остро не хватает, когда ее нет. Только вот откуда она могла узнать? Неужели женская интуиция?

— Надо, значит, говори, — сказал я, готовый ко всему.

— Наш сын встречается с девицей легкого поведения. Я хочу, чтобы ты поговорил с ним как мужчина с мужчиной.

— О чем поговорил?

— О дурновкусии. Понимаешь, она вертихвостка.

— А обороты хвоста с годами не уменьшаются, — закончил я фразу. — Хорошо, сегодня же поговорю.

— Ты пойми, что женщина, выбранная мужчиной, скажет о нем больше, чем характеристика из личного дела, — продолжала убеждать меня жена.

— Какая женщина, какой мужчина? Они же подростки! — говорил я, а сам не мог нарадоваться, что проблема касается сына, а не меня.

На работу я не пошел, взял отпуск. Во-первых, не хотел встречаться с Людочкой. Во-вторых, ни с кем не хотел встречаться. Я боялся, что ко всем неприятностям добавятся еще разборки с женой. Мне казалось, что измена будет написана у меня на лбу и она сразу прочтет.

Как только сын проснулся и вылез из своей прокуренной берлоги, я, не откладывая воспитательный момент, позвал его на кухню и сказал:

— Мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Да, папа, что ты хочешь узнать? — Он лениво развалился на диванчике и надул из жвачки большой пузырь.

Передо мной сидел взрослый парень, который совсем не нуждался в моих нравоучениях.

— Я хочу тебе дать добрый совет...

— А ты не раздавай добрые советы, побереги для себя. — Сын наглым образом перебил меня на полуслове.

— Да как ты с отцом разговариваешь?

— Кстати, папа, а куда делась та роскошная роза, которую ты так и не довез до дома? Или это аленький цветочек из другой сказки?

Я растерялся. Такого поворота событий я ожидал меньше всего. Значит, он меня видел! Засранец.

— Короче, давай заключим джентльменское соглашение: ты не лезешь в мою жизнь, а я в твою, о'кей? — И мой повзрослевший сын отправился в ванную.

Неделю я ходил как неприкаянный, не находил себе места и все с ужасом прислушивался к себе. Но симптомы импотенции проявляются, как правило, в самый ответственный момент, которого я тщательно избегал. Я блуждал по городу, всматривался в прохожих. Мне казалось, что я даже выглядеть стал иначе: стал меньше ростом и как-то весь поник. Да что же это за чертовщина такая? Если выходит из строя печень или желудок — это ничего. Посочувствуют, подлечат. А если не срабатывает детородный орган — уже инвалид, не мужчина. Изгой. А в чем, собственно, твоя вина?

Сколько скабрзных шуток, анекдотов на эту тему. Хорошо смеяться, если тебя это не касается. Всю неделю я до умопомрачения смотрел телевизор. Как назло, попадались исключительно боевики, в которых воинственные мачо одним взглядом укладывали красоток и делали с ними, что хотели. А хотели они не много: слегка отвлечься от настоящей мужской жизни, с риском, погонями, ставками. После боевиков шли развлекательные программы, в которых обнаженные дивы пели и зажигательно виляли бедрами. Даже в набившей оскомину рекламе все друг друга соблазняли: при помощи гелей, дезодорантов, колготок, мыла, сока, жвачки и мобильного телефона. Мир рехнулся на сексе!

Я вспомнил, как спокойно жил до той злосчастной кассеты. Все ясно и понятно, расписано и распланировано. Никаких накладок и форс-мажоров.

Никаких безумных желаний и фантазий. Никаких стрессов и разочарований. Захотел секса — получил секс. В строго отведенное время в строго отведенном месте в классической позе. Все как в театре: приходишь посмотреть «Лебединое озеро» — артисты танцуют для тебя «Лебединое озеро», а не канкан.

Сейчас я укладывался на брачное ложе после трех ночи, когда жена уже

спала мертвым сном, а утром прикидывался спящим и вставал, когда она уже покидала квартиру. Я боялся оставаться с ней наедине. Я боялся, что она узнает правду. Я всего боялся.

В субботу я устал и лег пораньше. Маша примостилась рядом. Сначала она просто лежала, не касаясь меня, но ее дыхание выдавало волнение. Ее напряжение передавалось мне. А потом вдруг она прижалась ко мне всем телом. Тепло было мягкое, теплое и родное.

— Вась, я тебя очень люблю... И если... Если для тебя это важно, давай сделаем так, как ты хочешь, — прошептала она взволнованно.

Сначала на меня накатила волна нежности и благодарности, а следом и волна желаний. Зачем кого-то искать, если рядом верная, преданная, любящая меня подруга — моя Машенька. Которая и в горе, и в радости разделяет мое пространство и время.

Я обнял жену, прижал ее к себе. Она пахла котлетами, детским мылом и еще чем-то очень знакомым. Это была очень длинная ночь, ночь, когда два человека, прожившие вместе двадцать лет, вдруг начинают познавать друг друга и делать открытия. Давно я не был таким страстным и сильным. Я понял, что мы любим лишь тех женщин, которых делаем счастливыми.

МЕЧТЫ, УВЫ, СБЫВАЮТСЯ

Эта девочка появилась у нас неожиданно. Скромная провинциалочка с Урала по имени Маша. Она ничем особенным не выделялась, если бы не ее мечта. Эта «просто Маша» хотела в Голливуд. Она не уставала сокрушаться, почему так получается, что одни рождаются в столицах, сверкающих огнями, а другие — в захолустных поселках, где фонари — такая же редкость, как бенгальские огни.

— И при этом философы смеют утверждать, что все равны? И что мечты сбываются, стоит только захотеть?

— Мечта определяет уровень человека, — замечает начальник закройного цеха.

— Те, которые мечтают о помаде или велосипеде, и получают лишь помаду и только велосипед! — убежденно повторяла Маша, но мы ей не верили.

Я, например, всю жизнь мечтаю о счастливой семейной жизни, но меня это счастье почему-то обходит стороной. Мужья не содержат, а любовники не любят. И ничего с этим не поделаешь. Швеея Люся отчаянно хочет ребенка, но не может его выносить.

Секретарша Светочка ищет пару в Интернете, но любовь там не живет, а от виртуального секса дети не рождаются. Наш начальник цеха хочет разбогатеть, но мало ли кто чего хочет.

Мне лично эта девушка была симпатична с самого начала. Яркая черноглазая хохотушка. Она так заразительно смеялась и так отчаянно мечтала о счастливой жизни, что весь наш коллектив тянулся к ней. Мы иногда пили чай и откровенничали. Когда ее родители развелись и отец уехал в Киев, она осталась с матерью, которая тщетно пыталась устроить свою личную жизнь. Очень сложно выбирать, когда выбирать не из кого. Машу утомляли постоянные разговоры «за жизнь» на тесной кухне, пьяные разборки соседей и всеобщая бедность, которая уравнивала всех. Закончив школу, она собрала свои нехитрые пожитки и поехала искать счастье. Для начала решила податься в Киев к отцу.

Отец прозябал в общежитии со своей сожительницей. Глупую, крашенную в ярко-рыжий цвет, с вечно взъерошенными волосами, истеричную тетку трудно было назвать женой или даже любовницей. Сожительница проживала с отцом на одной жилплощади и ела из одной посуды. Маша быстро поняла, что помощи здесь ждать неоткуда и надеяться надо только на свои силы. Отложив мечту и амбиции до лучших времен, девушка устроилась работать швеей-мотористкой в нашу мастерскую, чтобы заработать хоть на крышу над головой. Работала она очень старательно. А однажды, когда заболела закройщица, не задумываясь встала за закройный стол и так ловко справилась с ее работой, что начальник цеха ходатайствовал о ее повышении.

И вскоре Маша стала «на все руки мастер» — и закройщицей, и швеей.

— Представляешь, я влюбилась, — призналась она однажды.

— В кого?

— В сантехника. Он пришел ко мне починить кран... и остался.

— Вот тебе мечты и реальность, — подвела я итог. — Выйдешь за него замуж, нарожаешь детей, и твоя дурь насчет Голливуда испарится, как утренний туман.

Но жизнь повернула по-своему. Сантехник оказался не простым сантехником, а сантехником-евреем, и у него была виза в Америку, и он уехал, прихватив с собой Машу. Они поселились в Нью-Джерси, сантехник стал работать таксистом, а Маша заняла должность его жены.

Периодически она писала мне о странностях тамошней жизни. «Представляешь, здесь никто ни на кого не обращает внимания. Если ты на улице начнешь кого-то рассматривать, тебя могут привлечь за нарушение прав человека. Каждый живет в своей раковине, как улитка. Мужчины не пропускают женщин вперед и не делают комплиментов, иначе их могут обвинить в нарушении прав женщин или в сексуальном домогательстве. Тебе все улыбаются, но с тобой никто не дружит. Когда я вижу эти идиотские улыбочки всеобщего «о'кея», мне становится плохо».

На работе мы живо обсуждали Машины письма.

— А она хотела в чужой монастырь со своим уставом? — Начальник цеха нервно закурил.

— Улыбочки ей не нравятся, а сорок сортов колбасы в супермаркете нравятся?

— А при чем здесь колбаса?

— А при том, что не надо путать заграничную поездку с эмиграцией. На Урале ей не нравится, в Киеве ей тесно, а в Америке, видишь ли, улыбочки не те. — Наш главный закройщик разгорячился.

— А я все про мечты думаю, если бы они сбывались, — загадочно произнесла Светочка.

— Был такой фильм, где человек заходит в специальную комнату, а выходит оттуда с уже осуществившейся мечтой. Так вот, там показательный момент есть: парень заходит и говорит: «Хочу, чтобы мой брат выздоровел», а выходит... богатым человеком. Просто мы не всегда знаем, о чем мечтаем на самом деле.

— Да все мы мечтаем о богатстве, только где его столько взять-то, чтобы всем хватило? — вздохнула Светочка.

— Маша мечтала о Голливуде, — напомнила я.

— И так всегда, одним — все, другим — ничего, — подвела итог вечно молчаливая техничка Зина.

— Не одним все, а каждому — свое, — важно сказал начальник цеха.

Это точно. Модницы приходят у нас наряжаться, а что мы видим, кроме рулонов тканей да стрекота машин? Сегодня кардиганы, завтра сарафаны. Этой нужно декольте поглубже, а той вместо короткой юбки широкий пояс. Сидим весь день, создаем наряды для повзрослевших девочек, а Машка вырвалась — по авеню теперь разгуливает.

Неожиданно Маша позвонила.

— Томочка, милая, привет, как ты, что хорошего? — сыпала она вопросами.

— Господи, ты откуда?

— Откуда, откуда. Из Голливуда...

— Так что? Мечты сбываются?

— Да, увы, мечты сбываются...

— Да что с тобой? Можешь толком объяснить, что случилось? — Меня испугал ее трагический голос. — Что ты там делаешь? В кино снимаешься?

— Ага. В фильме ужасов. Мы тут играем русских. У нас в доме занавесочки

в горошек висят. На столе самовар стоит, а по стенам ложки деревянные развешаны. Да и я уже на матрешку смахиваю. Американцы к нам в гости приходят — умиляются: так вот они какие, русские. Томка, ты не представляешь, как здесь тяжело. У меня просто крыша едет. В нашем доме нет ни одного ребенка, потому что одни геи да лесбиянки живут. Они по утрам своих собак выгуливают. Поговорить по душам не с кем. Ты не поверишь, мне по ночам наша деревня снится. Я только сейчас поняла, что там все настоящее было. А тут как будто в плохом фильме снимаюсь и чужую роль играю. И ничего с этим поделать не могу. Невозможно ни сеанс остановить, ни из сюжета выпрыгнуть.

— Ой, Маш, подожди, у меня на кухне борщ варится, сейчас выключу. — И я побежала на кухню.

— Томка, как я хочу борща, — застонала Маша из Америки. — Здесь же вся еда быстрая. Берешь готовый гамбургер или пиццу, разогреваешь и глотаешь. Потом запиваешь все это колой и — будь здоров. То ли дело наши пельмени...

— Ты еще про валенки вспомни. — Я пыталась шутить.

— Да у них же даже снега нет. И бани тоже нет. И мечтать они не умеют, только планировать. Ни плакать, ни напиваться, ни бунтовать, ничего-то эти американцы не умеют толком. Чуть что, сразу бегут к своему психоаналитику: «Ой, Джон, я вчера фильм смотрел и заплакал, это нормально?» «Нормально, — отвечает Джон. — Это значит, ты умеешь чувствовать и переживать. С тебя пятьдесят баксов за консультацию».

— Да что ты все заладила про этих американцев? Расскажи, как ты? С кем ты?

— Томочка, у нас сейчас три часа ночи. А мне вдруг так захотелось услышать родную речь, что аж комок в горле. У меня организм уже отказывается воспринимать английский. Видно, какая-то плата в мозгу перегорела. Муж таксистом работает, целые сутки баранку крутит. А приходит — валится на диван, смотрит в потолок и молчит. В Союзе бы я к любой соседке за солью пошла да весь вечер с ней и проговорила бы. Всегда ведь тема найдется. А тут...

Она надолго замолчала.

— Слушай, Том, пришли мне письмо, — тихонько попросила она. — Я понимаю, что нет времени писать. Ну хотя бы вырезки из газет положи или просто пошли чистый лист бумаги. Хоть какая-то весточка с родины. — Она заплакала.

А я стояла и слушала, как по ту сторону океана всхлипывает просто Маша — девушка, у которой сбылась мечта.

РЕПОРТАЖ С ЛЕЗВИЕМ У ВЕНЫ

— В 12.30 конференция по суициду, кто пойдет? — спросила Мила, доставая выползающий из факса пресс-релиз.

Журналисты кисло переглянулись. Тратить полдня из-за пары строчек в информационную колонку никто не хотел.

— Будут международные эксперты. По окончании — фуршет, — добавила Мила и уставилась на нас в ожидании добровольца.

В редакции повисла минута молчания.

— Поедет Вероника, — сказала Мила, и я поняла, что протестовать бессмысленно. Бросила в сумку диктофон, ручку, злосчастный пресс-релиз и направилась к выходу.

— Береги себя, — бросила на прощание Валечка.

— Возвращайся, с тебя еще отчет по детскому дому, — добавила Мила и пошла на планерку.

Я ехала на задание и мысленно строила план статьи. Сначала о важности проблемы, потом немного статистики, мини-интервью с экспертами и вывод. Хотя какой может быть вывод: человек решил уйти из жизни, и это его личное дело. С другой стороны, если каждый будет умирать, когда захочет, то что это будет?

— Тебе что, жить надоело?! — в ужасе заорал водитель, который чуть не сбил меня.

— Простите, — пролепетала я.

«Прессуха» началась в строго назначенное время, потому что организаторами были американцы, а у них «время — деньги». За круглым столом расселись психологи, юристы, лидеры общественных организаций, представители городской власти и пресса.

— Леди и джентльмены, — с пафосом начала американка, словно она открывала церемонию «Оскара». — Приходила ли вам когда-нибудь мысль покончить жизнь самоубийством?

Дальше я не слушала. «Что они знают о суициде, о нас, о нашей жизни? Эти сытые, довольные собой люди», — с горечью подумала я. И отчетливо вспомнила, когда мне самой впервые пришла мысль уйти из жизни, и как я попыталась ее воплотить.

Я родилась в благополучной семье советских учителей. Они были молоды, заняты и поэтому меня отдали на воспитание бабушке. Я выросла в бабушкином саду и была настоящее дитя природы: росла под песни соловьев, под тенью деревьев, под неустанным вниманием любящих бабушки и дедушки. А потом мне исполнилось семь лет, и родители забрали меня в столицу учиться. Счастливое детство закончилось. Мы жили в панельном доме в пыльном, шумном районе. Ни соловьев, ни деревьев, ни друзей. Мать с отцом страшно ругались, и их скандалы происходили у меня на глазах. Никогда не забуду, как наливались кровью глаза отца и он кидался на мать. С каждым днем становилось все хуже. Однажды он отрубил ей палец, и я, восьмилетняя кроха, дрожащими руками забинтовывала ей кровоточащий обрубок. Мать смотрела на меня обезумевшими от ужаса и боли глазами и повторяла как мантру: все будет хорошо, все будет хорошо. Палец, к счастью, пришили.

Справедливости ради стоит сказать, что отец не только зарабатывал деньги, он вел хозяйство, готовил, занимался всеми бытовыми проблемами. Но меня он не любил. Я была для него пустым местом. Ни разу он не обнял меня, не взял на руки, не поговорил. «Какая глупость рожать детей в молодости», — говорил он, и я чувствовала себя виноватой в том, что родилась. С матерью у них были странные отношения. Они то мирно сосуществовали, то воевали не на жизнь, а на смерть. До сих пор, когда я слышу шум приближающегося лифта, я вся сжимаюсь и покрываюсь холодным потом. На этом лифте приезжал отец. Надо было успеть спрятаться, чтобы не попасться ему на глаза. А кто не спрятался, он не виноват. Когда он начинал истязать мать, я бежала к соседям и вызывала милицию. А мама, едва придя в себя, шла отменять вызов. «Ребенок что-то напутал», — говорила она. Она так боялась, что кто-то узнает, что у них не «все как у людей», что готова была умереть от побоев, но не вынести сор из избы.

Она напоминала маленькую девочку, которая так и не выросла. Она все ждала, что случится чудо и нам поможет Бог или добрые люди. Когда родители развелись, мы начали голодать. Оказалось, что мама совсем не приспособлена к жизни. Она пошла работать в музей, получала 50 рублей в месяц, на все деньги покупала конфеты и пирожные, а потом весь оставшийся месяц мы голодали. «Ну и что. Зато сегодня у нас праздник!» — говорила она, угощая меня конфетами в день зарплаты. А я с ужасом думала о том, что мы будем есть завтра. Но даже не это было самое страшное. Мать всего боялась: что я ошпарюсь кипятком, попаду под машину, меня изнасилуют. Поэтому мне строго-настрого было запрещено появляться на кухне, и вплоть до окончания школы мама меня провожала и встречала из школы. У меня, естественно, не было ни друзей, ни подруг. Я была изгоем в классе, мне подкладывали кнопки на стул, надо мной смеялись и потешались. Я была настолько забита и закомплексована, что учителя никогда не вызывали меня к доске, я отвечала только письменно. Я чувствовала себя инвалидом, и жить мне совсем не хотелось.

Маме было не легче. Она очень переживала развод с отцом. Сникла, постарела. Мне было очень ее жаль, и я, чтобы хоть как-то оживить ее, писала письма от несуществующих кавалеров. «Я смотрю на вас издали и не решаюсь подойти. Вы такая красивая женщина». А чтобы подтвердить признание, подбрасывала цветы под дверь. Цветы, купленные на те деньги, что бабушка совала мне, когда приезжала проведать. «Мужчины нам не нужны!» — говорила мама. Она изо всех сил пыталась меня убедить, что все мужчины — это зло. А мне так хотелось иметь отца! Хорошего, доброго, любящего. Кстати, отец еще долго жил с нами в одной квартире. Разменяться было очень сложно. Он приводил к себе женщин, а на нас с матерью смотрел, как на врагов. Правда, иногда вспоминал, что он мой отец, и начинал вести со мной разговоры про «это». Помню, как я вся сжималась от ужаса во время этих «занятий». «Запомни, женщины делятся на две категории: романтические дуры и умные проститутки. Мужчины предпочитают вторых». Я была затравленной и перепуганной, а после таких «уроков» начинала заикаться и мечтала просто исчезнуть из этой жизни.

— Ты опять пила из моей чашки! — кричал отец, критически разглядывая на кухне свою посуду.

— Не смей подходить к плите, ты можешь обжечься! — кричала мама.

А я все время хотела есть. Помню, как в школе потеряла сознание от голода. Врач не могла поверить, что «в наше время можно голодать». Когда я пришла в себя после обморока, мне было так спокойно, и я впервые подумала, что умирать не страшно. Заснула — и все.

Квартиру родители все же разменяли. Нам с мамой досталось страшное жилье, где окна были заколочены досками, а кухня была вся черная после пожара. Так странно: как будто весь внешний мир был отгорожен от нас этими досками. Или, наоборот, мы были, словно пленницы, наглухо заколочены в своем мире. Свои вещи мы забрать не успели и переехали в чем были. Ни посуды, ни одежды, ни постели. Мама так и не научилась приспособливаться к жизни, а я... Я была диким, затравленным зверьком, который просидел под домашним арестом десять лет.

Но вот школа с моей отверженностью осталась позади. А впереди полная неизвестность. И такое страшное одиночество! В мире нет никого, кто смог бы понять и принять меня. Я практически никогда не смотрелась в зеркало. Моя внешность была мне неприятна. Длинная, тоненькая, как насмешка, косичка, слегка раскосые глаза, невыразительная фигура. Взглянув на меня, человек тут же отводил глаза, будто было во мне что-то такое, на что нельзя или не хочется смотреть.

Я поступила в институт и устроилась на две работы. Я металась с работы на занятия, потом снова на работу. Я неслась по жизни, низко опустив голову и не замечая ничего вокруг. Я ни с кем не встречалась, ни с кем не дружила, никого не любила. Однажды я заболела и попала в больницу. Только там, лежа на казенной кровати, я отчетливо поняла, что в этой жизни мне некому подать стакан воды. Мама не в счет. Она так и не выросла, оставшись маленькой девочкой, которой не помогли ни Бог, ни хорошие люди.

Надо что-то делать. Так не может продолжаться. Я совсем одна на белом свете. «Мужчины нам не нужны!» — продолжала заявлять мама. «Это тебе не нужны, а мне нужны», — впервые в жизни подумала я наперекор матери. Робкие пробуждения смутных желаний давали о себе знать неизвестными доселе томлениями. Меня это пугало и раздражало. Я ведь ничего не знала. Общения со сверстниками я была лишена, телевизора не было, я даже не читала любовных романов.

На первую практику в институте нас послали в детский дом. Господи, когда я увидела этих затравленных детей, мое сердце дрогнуло. Они, точно так же как и я, сидели за закрытыми дверями, не имели никаких навыков в жизни, были так же трагически одиноки. Каждый из них был опален своей бедой. И этих несчастных собрали в одном месте и заставили вариться в одном котле. Я стала постоянным посетителем детского дома.

Я даже не заметила, как прикипела к трехлетнему мальчику по имени Боря. Он единственный, кто не бежал навстречу взрослым с криком «мама!». Он не хотел понравиться, произвести впечатление. Кажется, он уже ничего не хотел. Я почувствовала в нем родственную душу и стала его опекать, забирать на выходные, гулять и заниматься. Когда мы шли с ним по городу и его маленькая ладошка доверчиво покоилась в моей руке, мне было так хорошо. Какое счастье, я могу кого-то в этой жизни обогреть. Мама, почувствовав мое настроение, принялась за свое. «Давай возьмем девочку из детского дома и заживем себе дружной семьей», — повторяла она день за днем. И я написала

объявление в газету: «Хочу взять сироту из детдома. Ищу мужчину, который хочет стать ребенку отцом, а мне мужем».

На меня обрушился шквал писем. Полстраны хотели создать семью с закомплексованной несчастной девочкой. Респонденты тоже были «неликвидные»: старички, импотенты, извращенцы. Среди всех писем я выбрала одно: «Мне 45 лет, я сирота, вырос в детдоме. Мне очень нравится ваша идея взять ребенка. Если вы можете полюбить чужого ребенка — у вас очень доброе сердце. Я люблю вас уже сейчас». Письмо пришло 31 декабря — под самый Новый год. Это знак! Это Судьба! Я ликовала. Я уже знала, что с нового года у меня начнется новая жизнь.

Никогда не забуду, как я шла на свое первое свидание. Мне было 24 года, и я, неискушенная, летела навстречу своему счастью. Он ждал меня возле метро с огромным букетом роз. Когда я увидела его, я растерялась. Ухоженный, респектабельный блондин лет сорока пяти. Рядом с ним я была просто замухрышкой. Несмело подошла, с ужасом ожидая его реакции. Он улыбнулся и совсем не удивился, как будто представлял меня именно такой. Вручил розы. Я растерялась. Мне никто никогда не дарил цветов. А потом мы сели в его очень дорогую машину и поехали в ресторан.

— Расскажи о себе, — попросил он.

— Это все грустно и неинтересно.

— Мне интересно все знать о человеке, с которым я хочу связать свою жизнь.

О Господи, он собирается связать со мной жизнь! Я не могла поверить. И рассказала о своих целомудренных принципах: «умри, но не давай поцелуя без любви», «плотская любовь греховна», «близость только после венчания» и прочий бред.

Женя был в восторге. Он отвез меня домой, на прощание поцеловал руку и назначил следующее свидание. Надо ли говорить, что я не спала всю ночь. Я не могла понять своих чувств. Яркий, представительный, но чужой. Зачем такому мужчине связывать свою жизнь с такой, как я? Зачем ему брать ребенка из детдома, если у него уже есть дочь от первого брака? Вопросы роились в голове, как назойливые мухи.

Мы стали встречаться. Женя относился ко мне очень тепло. Казалось, его совсем не смущал мой затрапезный внешний вид, моя забитость. Мы очень часто говорили о том, как будем жить вместе.

— Только давай возьмем девочку, — почему-то всегда настаивал он.

— А мне очень нравится Боря, я так привязалась к нему. — Я робко пыталась настоять на своем.

— Никаких Борь! У меня будет две девочки: мама и дочка. И я буду вас очень любить и заботиться о вас. Буду вашим папой.

— Как мне всегда хотелось иметь отца...

— Будешь иметь. — Он смеялся.

Иногда мы играли в папу и дочь. Он расчесывал мои волосы и заплетал жиденькие косички. Гладил меня, укладывал спать рядом с собой, но никогда не трогал. Он берег мою невинность пуще меня.

Мама пропустила всю эту эпопею, потому что уехала к бабушке с дедушкой. Когда она вернулась и я рассказала ей о Жене, она разрыдалась:

— Как ты могла? Теперь ты бросишь меня, да? Я тебе больше не нужна? Как

я буду одна?

— Я буду тебя любить всегда, но я не могу всю жизнь прожить только с тобой. А с Женей мы будем венчаться. Он придет просить у тебя моей руки.

На истерики мамы Женя отреагировал спокойно.

— Давай тайно поженимся и уедем, — предложил он.

— Давай... — Я уже была готова на все.

Нет, я не любила его. Он был мне чужд. Но я понимала, что любовь — это грех, что жизнь — это страдание. И готова была нести свой крест. Я буду вживаться в него, постараюсь стать примерной женой. В конце концов, если я смогу осчастливить какого-то ребенка, то жизнь прожита не даром.

В ту ночь я осталась ночевать у Жени. Мы долго пили чай, баловались, дурачились. Я называла его папой, он меня дочечкой.

— А хочешь, я покажу тебе свою дочку? — вдруг спросил он.

— Хочу, — ответила я беспечно.

Он протянул мне стопку фотографий. На них была счастливая парочка: зрелый мужчина и молодая женщина. Они везде стояли в обнимку и смотрели друг на друга влюбленными глазами.

— Здесь вы скорее похожи на любовников, чем на папу с дочкой, — смеясь, прокомментировала я.

— Я давно хотел поговорить с тобой на эту тему, — сказал он серьезно. — Пора тебе узнать. Я всегда был помешан на девственницах. Когда она родилась, я уже знал, что сам научу ее всем прелестям любви. Я растил ее, как экзотический цветок. Для себя. Она познала близость в 14 лет, и ее первым мужчиной стал я. Нам так хорошо было вместе... а потом узнала жена. Был страшный скандал. Она сказала, что если я не исчезну навсегда, остаток жизни проведу в тюрьме. Я исчез. А тут ты с этой идеей удочерения. Я когда тебя увидел, сразу все понял: у меня будет сразу две девственницы — и мама, и дочка. Я буду вас любить и лелеять... — Он кинулся меня обнимать.

— Прочь! — Я схватила напольную вазу и бросила ее в стену.

Мне казалось, что я схожу с ума. Я так долго вживалась в него, я так верила в свое светлое будущее, так молилась... Почему же Бог посмеялся надо мной?

Я не помню, как добралась домой, как провалилась в долгий тяжелый сон. Как не хотела выходить из своего логова, разговаривать с матерью. Идиотка! Размечталась! Да кто на тебя позарится, кроме извращенцев?

Именно тогда я первый раз попыталась уйти из жизни. Я сама приговорила себя к смерти, а потом долго и упорно сооружала себе виселицу. Когда прибежала с табуреткой и увидела свой эшафот, то вздрогнула. Посреди черной закопченной кухни, где окна забиты грязными досками, висело оружие смерти. Я представила себя, висящей на этой веревке, и своих коллег, которые потом напишут заметку в разделе «Происшествия», и отменила казнь.

Вернее, не отменила, а перенесла. Через неделю, когда надежда на счастливое будущее рассеялась как туман, я порезала себе вены. Мне казалось, что смерть должна наступить, как только лезвие коснется вен. Но нет. Кровища лилась ручьями. От ее запаха и вида начала кружиться голова, и инстинкт самосохранения победил. Я дрожащей рукой наложила повязку. Раны очень долго кровоточили и болели, а когда зарубцевались, на их месте образовались шрамы.

Я до сих пор вижу эту картину, как будто со стороны: девочка дрожащими руками пытается вскрыть себе вены. Отчаяние, боль и страх. Руки не слушаются. Мыслей нет. Скорее, чтобы не передумать. Сейчас все кончится. Только миг, отделяющий жизнь от смерти...

Я сидела с широко открытыми глазами, и по щекам ручьем текли слезы. Внимание всех участников «круглого стола» было приковано ко мне, а оператор снимал мое зареванное лицо крупным планом. О Господи, я ничего не слышала и не видела. О чем говорили эти люди? Что я теперь напишу?

— Вам плохо? Что с вами? — участливо спросила организатор семинара. Кто-то подал мне воды.

— Извините. — Я поспешно встала и вышла. На улице гудела жизнь, было тепло и шумно.

Все спешили по своим делам. Я вздохнула полной грудью и вдруг поняла, что избавилась от огромной тяжести. Вместе со слезами из меня вытекла обида, неуверенность, разочарование. Я не побежала, как обычно, в редакцию, а зашла в кафе, выпила чашечку ароматного кофе и поняла, что сделаю репортаж от первого лица без всяких там экспертов и заморских психотерапевтов.

ПОГАДАЙ МНЕ НА ЛЮБОВЬ

В нашем женском коллективе каждое утро начинается стандартно. Сначала мы обсуждаем обновки, потом сериалы, а на десерт — мужиков. Танечка обычно хвастается ухажерами, которых она меняет чаще, чем наряды.

— Ой, девочки, оказывается, нельзя все время пользоваться одними и теми же кремами, ходить в одной и той же одежде и любить одного и того же мужчину! Знаете, есть новая теория? Называется «нитка жемчуга». Так вот, по этой теории каждая связь — это жемчужина, и чем длиннее у женщины ожерелье, тем дороже она стоит на брачном рынке!

— В таком случае ты уже бесценная, — язвит Светлана Ивановна. Сама она обычно рассказывает о своей холодной войне с зятем:

— Вот так, девочки: растишь-растишь дочку, а потом приходит какой-нибудь оболтус — и поминай как звали.

А Ксения каждый раз, тяжело вздыхая, жалуется на мужа. Я работаю в отделе «благодарным слушателем», поэтому их историй из жизни мне достается больше всех. Однажды я попросила Ксению принести фото семейного тирана, потому что она, красивая и ухоженная, никак не монтировалась у меня с жертвой семейного насилия.

Со снимка на меня смотрел очень симпатичный мужчина с добрым, открытым лицом и смеющимися глазами.

— Ты знаешь, а по фотографии и не скажешь, что он негодяй. Производит впечатление очень благородного мужчины, — сказала я.

— А он и есть благородный, — зардевшись, ответила Ксения.

— Но ты ведь доброго слова о нем ни разу не сказала! — удивилась я.

— Да, не сказала. И не скажу. И знаешь почему? Чтобы не сглазили.

Я подумала о том, что женская психология — вещь очень сложная и абсолютно непредсказуемая. И не только для мужчин, но порой и для нас самих.

— Все очень просто, — между тем продолжала Ксения развивать свою теорию. — Стоит только похвалить своего мужика, как на него сразу объявится масса желающих. А кому нужен негодяй? У каждой свой имеется в наличии.

— Слушай, идем выпьем кофе, а то я что-то не очень понимаю.

— А ты что, думаешь, у Танечки есть жемчужное ожерелье? Да у нее ожерелье из мыльных пузырей. Потому что она выдает желаемое за действительное. Менять кремы, менять мужиков... Тоже мне, обменный пункт! — Ксения аж поперхнулась горячим кофе.

— Да при чем здесь Танечка, ты лучше о себе расскажи.

— Мой Павлик — лучший. Знаешь, я сначала не очень его ценила. Не сильно образован, недостаточно богат. Не спешит делать карьеру, вполне доволен тем, что имеет. В общем — типичный середнячок. А мне всегда казалось, что я достойна лучшей участи и вполне могу составить партию совсем другому мужчине — удачливому, респектабельному, самостоятельному... Со временем муж стал меня раздражать, и я не спешила рожать детей. Потому что оставляла себе шанс «а вдруг?». Но однажды мама, рассказала мне об удивительной женщине, которая гадает по фотографии. Я пошла к ней на прием, и она мне кое-что открыла...

Ксения замолчала и потянулась за чашкой с остывшим кофе.

— Что же она тебе открыла? — спросила я, сгорая от нетерпения услышать

продолжение истории.

— Она сказала, что нам необычайно повезло, потому что мы и есть две половинки одного целого. Такое встречается очень редко, у одной пары на миллион. — Ксения просто светилась от счастья. — И вот тогда я поняла, что глупо предъявлять претензии своей половине. Ты же не объявляешь бойкот своей правой руке за то, что она не умеет играть на рояле? Или своим глазам за то, что они карие, а не голубые? У него нет высшего образования? Ну и что. Нам вполне хватит двух моих, — продолжала Ксюша вдохновенно.

— А как звали эту твою гадалку, не помнишь? — спросила я.

— Нет, не помню. Она, кстати, больше не принимает, я пыталась подружку пристроить, звонила ей несколько раз, но безрезультатно...

Весь день я находилась под впечатлением Ксюшиного откровения. Дело в том, что я однажды уже слышала эту историю. Несколько лет назад приезжала ко мне в гости тетка и рассказала о своем приключении:

— Представляешь, звонит мне моя хорошая приятельница и просит помочь ее дочери сохранить семью.

— Как же я могу сохранить чью-то семью, если не смогла сберечь свою? — удивилась я.

— У тебя типаж подходящий, — говорит она.

— Какой еще типаж?

— Понимаешь, моя дочка крутит носом. Все ей кажется, что муж не тот достался. Мол, не может обустроить ей жизнь, как она того заслуживает.

— А я здесь при чем?

— А ты развеешь все ее сомнения, — был ответ.

— Как?

— Профессионально. Поиграешь в гадалку. Сделаешь доброе дело. Ну что тебе стоит?

— То есть ты заказываешь обдурить собственную дочь? — спросила я.

— Да ты пойми, муж у нее замечательный человек, и знаешь, какое его главное достоинство? Он ее любит! Это ее мужчина. Чтобы понять это, ей придется набить себе много шишек. И в итоге может остаться ни с чем. Я-то знаю, что все эти павлины с золотым оперением — халифы на час. Да ты и сама это прекрасно знаешь. Мы же учились в одной школе жизни. Ну что, поможешь?

— А что я должна буду делать?

— Ты когда-нибудь была у гадалок?

— Была.

— Так вот, вспомни, как они «втирают» нам с умным видом, и попытайся воспроизвести то же самое максимально достоверно. Главное, скажи моей дочке, что ее муж — ее судьба. О'кей?

— А как же мне заманить ее к себе?

— Не переживай, это моя проблема.

Тетка сделала мхатовскую паузу и заказала себе чаю. Чем дольше она пила, тем больше нарастало мое нетерпение. Наконец она отставила чашку и продолжила:

— Знаешь, Леночка, я очень волновалась тогда. И сомнения меня одолевали страшно. Имею ли я право на эту безобидную на первый взгляд инсценировку? А вдруг это совсем не ее мужчина, а я своим «пророчеством» сломаю девушке жизнь?

Дочь подружки пришла на следующий день. Робко остановилась на пороге, затравленно озираясь по сторонам с таким видом, будто ожидала увидеть на стенах связки сушеных змей и мышинных хвостов. Повертев головой и не обнаружив ничего пугающего, улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте. Мама говорила, что вы умеете гадать на судьбу?

— Да, деточка, умею, — сказала я с многозначительным видом, изо всех сил подражая повадкам профессиональных гадалок. — А тебя что-то не устраивает в твоей судьбе?

— Мне кажется, я могла бы составить лучшую партию.

— Составить партию можно в преферанс. Или в бридж. А муж дается женщине свыше. Дай-ка я взгляну на его фотографию.

— Вот. — Девушка доверчиво протянула мне карточку своего благоверного. Добрая улыбка, сияющие глаза — мужчина мне очень понравился, и все вечерашние сомнения были забыты.

— Деточка, вам необычайно повезло. Это ваша половинка. Самая что ни на есть настоящая. Он дарован вам судьбой. Цените его и берегите. Особенно от соперниц, — сказала я, от всей души желая этой паре счастья. Странно, но в тот момент я сама себе верила.

— А как можно застраховаться от соперниц? — Она возомнила, что я знаю все.

— Да очень просто — никому не рассказывай, какой он у тебя хороший. Наоборот, почаще ругай его. Негодяи ведь никому не нужны, у всех свои собственные есть.

Теткин рассказ меня тогда очень позабавил. Но я никак не ожидала, что встречу с главными участниками спектакля. Кстати, тетке я рассказала о поразительных результатах ее работы, и мы выпили за нагаданное Ксюшино счастье.

ЗАКОН МАТРЕШКИ

«Заканчивается регистрация билетов на самолет, следующий рейсом Ялта — Киев», — объявил металлический голос и я, легко подхватив дочку, улыбнулась на прощание своему мучителю фальшивой улыбкой. Я прекрасно понимала, что никогда больше не вернусь сюда, но до тех пор, пока железная птица не взлетела, я не могла чувствовать себя в безопасности.

— Пока, любимый! — бросила я прощальный взгляд на человека, который пока еще доводился мне мужем, и легкой походкой поспешила к своему спасательному самолету.

Только поднявшись в небо и глядя в иллюминатор на невообразимо белые, светящиеся облака, я вздохнула наконец с облегчением. Побег удался. Если бы пару лет назад мне кто-нибудь сказал, что придется все бросить и обманом и хитростью выбираться из плена семейного ада, я бы только рассмеялась. Ведь поначалу Саша был для меня спасением. Высокий, накачанный, спортсмен, он казался надежным защитником, и за ним хотелось спрятаться. Могла ли я представить, что этот сильный мужчина обернет свою силу не на защиту, а на устрашение? А впрочем, обо всем по порядку.

Моего отца убили, когда мне исполнилось семь лет. Его зарезали... вилкой. Из десятков ран сочилась кровь и уходила жизнь. Я помню окаменевшее бабушкино лицо и мамины нервные истерики. Помню детский ужас, когда родного человека положили в гроб и закопали в землю. Кажется, именно в тот день закончилось детство. Мама не долго думая вновь выскочила замуж, и я стала падчерицей. Новый папа почему-то страшно невзлюбил меня и все время воспитывал. То заставлял до блеска натирать пол, то перемывать всю посуду в доме. Казалось, он готовил меня к будущему рабству. Я должна была беспрекословно выполнять все его приказы. Именно приказы, а не пожелания или просьбы. Быть тише воды ниже травы. Ничего не хотеть и не просить.

Однажды мама приготовила курицу. Я оторвала крылышко и бросила кошке. Отчим вскочил, поднял меня за шкурку, как котенка, и бросил на пол рядом с кошкой.

— Сейчас же доешь свой кусок, — приказал он.

— Но это уже не мой кусок, — пролепетала я.

— Это твой кусок и ты его сейчас доешь, — веско сказал отчим. И я поняла, что он не шутит.

Никогда не забуду, как, давясь слезами и обидой, я пыталась проглотить обглоданное кошкой крылышко. Как мы плакали вместе с бабушкой, когда я ей все это рассказывала. «Жизнь его накажет», — повторяла бабушка как заклинание. А потом у нас появилась младшая сестра. И отчим с мамой так баловали, любили и лелеяли это свое произведение, что я окончательно поняла, что лишняя в этой семье. Но бабушке меня не отдали. А кто будет убирать, бегать по магазинам, присматривать за сестрой? С молчаливого маминого согласия я стала бесплатной домработницей. И громоотводом для отчима. Маму он берег, сестру любил, а на мне срывал свое плохое настроение и воплощал свои несостоявшиеся мечты. Он всегда хотел командовать, но жизнь не дала ему такой возможности. Во всем мире была одна-единственная маленькая девочка, которую можно было строить, наказывать и муштровать. Этой девочкой была я.

Поэтому все мое детство прошло в мечтах о том времени, когда я вырасту и

уюду от них далеко-далеко. Я выросла. Встретила Сашу и влюбилась. Такое сильное имя — Александр. Такая классная профессия — спортсмен. Везде ездит, обо всем знает, борется, побеждает... За меня ему не пришлось бороться, я сдалась без боя. Когда он сделал мне предложение, я была вне себя от счастья: вот оно, свершилось! Теперь я навсегда покину этот ненавистный дом, где меня никто не любил, и уеду к морю. Ялта — мечта аристократов. Буду жить на побережье, и море будет плескаться у моих ног.

Бабушка моего избранника не одобрила: «Ты бы еще подумала, Мариша. Замуж выйти не напасть...» А что тут думать? Мне восемнадцать лет, у меня все впереди. Я наконец-то любима, и у меня есть шанс круто изменить свою жизнь.

Сашины родственники встретили меня нерадостно. Небольшую двухкомнатную квартирку, которую получили, простояв в очереди пятнадцать лет, теперь придется делить с невесткой и сыном. Я изо всех сил пыталась им понравиться, взяла на себя все заботы по дому: уборку, готовку, магазины. Короче, когда я поняла, что совершила ошибку, было уже поздно. Беременность проходила трудно: токсикоз, угроза выкидыша, депрессия. Но никто не собирался делать мне поблажки, и вся домашняя работа по-прежнему оставалась на мне. Море я видела только изредка и издали. Но не это самое страшное. Метаморфоза, которая произошла с Сашей, пугала меня больше всего. Он относился ко мне как к своей собственности, которая должна подчиняться, улыбаться, слушаться и угождать. Кроме того, я не должна нравиться кому-то еще, кроме своего благоверного.

Помню, я была на пятом месяце беременности. Организм уже адаптировался к новому состоянию, и процесс вынашивания стал проходить легче. Мы отправились на день рождения к его другу. Я очень тщательно собиралась, красилась, причесывалась. Это была первая наша вылазка за полгода моего пребывания здесь, и мне очень хотелось достойно выглядеть. Компания встретила меня сначала настороженно, а потом восторженно. А Сашин друг просто расцеловал меня, словно именинницей была я, а не он. Если бы он знал, чего мне будет стоить его невинный поцелуйчик...

Саша не подал вида, но когда мы вернулись домой, он спокойно завел меня в нашу комнату, а потом так же спокойно сломал мне руку. Она хрустнула в его огромных лапах, как спичка. Боль была такая, что я думала — умру на месте. Но самое страшное было в другом. Он, холодно глядя на меня, недрогнувшим голосом сказал: «Моя жена не шлюха и я не позволю ей целоваться с кем ни попадя у меня на глазах». Повернулся и вышел. Я не помню, как свекровь вызывала «скорую», не помню, как накладывали гипс. Помню только, что с этого дня начался крошечный ад. Саша, осознав свою полную безнаказанность, превратился в истязателя. Он устраивал мне часовые допросы, чем я занималась в течение дня, ругал за любую провинность, не позволял без разрешения выйти из дома. Я стала похожа на затравленного зверька. С загипсованной рукой стирала, убирала и готовила на всю семью, а когда выдавалась свободная минутка — бежала к морю.

Неужели надо было так далеко ехать, чтобы попасть в очередную клетку? Может, я сама виновата? Вокруг слышался смех, звучала музыка. Влюбленные парочки, обнявшись, дефилировали по набережной. Жизнь сверкала и искрилась, только не для меня. Огромный живот тяготил и мешал двигаться, воло-

сы отросли и свисали тяжелыми прядями прямо на глаза. Пойти сделать стрижку я просто боялась. «Для кого это ты прихорашиваешься?» — звучало в мозгу. Я шла мимо торговых рядов и взгляд упал на яркую деревянную матрешку. Продавец поймал мой взгляд и, взяв в руки расписное деревянное чудо, открыл его. Внутри сидела такая же, только поменьше. И так далее до самого конца.

Моя жизнь — такая же матрешка. Я убежала от отчима и попала к еще более страшному деспоту...

Вскоре я родила дочку. Маленькая девочка была похожа почему-то на мою бабушку. Я и назвала ее в честь бабушки — Ириной. Саша очень долго и пристально рассматривал малышку, искал сходства и различия. Потом принес свои детские фотографии, и процедура опознания благополучно завершилась признанием дочери. Я уже стала относиться к нему как к больному человеку, и в голове у меня один за другим возникали планы побега.

Я все так же горбатилась на всю семью, мне не сделали послабление даже в связи с рождением ребенка. Страшная усталость, изоляция от всего мира, кризис общения, постоянный страх сделать что-то не так — мне казалось, что я схожу с ума. Неожиданно принесли телеграмму: «Дочка, приезжай, папа умирает». Странно, почему она назвала отчима папой? И зачем мне ехать к нему перед смертью, ему есть с кем попрощаться. Стоп! Вот он, выход! Я уеду и больше никогда не вернусь!

Когда Саша пришел с работы, я уже собрала дочку, самые необходимые вещи, заказала билет и даже позвонила бабушке. Свекор любезно согласился отвезти нас в аэропорт. У Саши не было аргументов «против», и он согласился нас отпустить. На неделю.

Я летела в самолете, смотрела на такое близкое небо и плакала от счастья, что снова свободна. И освободил меня, как ни странно, ненавистный отчим. Что с ним такое? В аэропорту нас встретила бабушка Ира.

— Что с тобой, девочка моя? — спросила она, глядя мне в глаза. — А впрочем, не говори, я и сама все знаю.

— Познакомься со своей тезкой. — Я протянула ей правнучку.

По дороге из аэропорта бабушка рассказала, что у отчима рак и он очень боится умереть, не попросив у меня прощения. Последний раз мы виделись с ним полтора года назад, когда я сообщила, что выхожу замуж и уезжаю навсегда. Он страшно разозлился и спросил, почему Саша не просил у него моей руки.

— Потому что руку просят у отца, а ты мне не отец, — ответила я резко. Впервые в жизни я так говорила с ним.

Неожиданно он весь затрясся и упал, уронив палку, с которой ходил.

— Сейчас же попроси прощения, — закричала мать.

— Единственное, что я могу для него сделать, — это вызвать «скорую помощь», — сказала я и набрала номер.

В тот же день я уехала из дома, как я тогда думала, навсегда. И вот сейчас, спустя полтора года, хлебнув сполна разочарования и унижения, я снова стояла на пороге отчего дома.

Дверь мне открыла очень постаревшая мать. Спешно обняв меня, она пригласила войти в комнату. Там, на их двуспальной кровати, лежал отчим. Что с ним сделала болезнь... Это был уже совсем не тот человек, которого я знала,

боялась и ненавидела столько лет. Передо мной лежал худой, изможденный мужчина. На лице у него застыла гримаса боли. Увидев меня, он дернулся, протянул ко мне руки и вдруг заплакал. По щекам текли запоздалые слезы раскаяния.

— Прости меня, пожалуйста, прости... Я очень боялся, что умру и не успею...

Странно, но обида, которую я столько лет носила в себе, вдруг стала отпускать. Я подошла ближе и, глядя на этого умирающего человека, простила его.

Говорить я не могла. В горле застрял комок, поэтому просто протянула ему руку. Он поспешно схватил ее, словно боясь, что я передумаю и уйду, и коснулся губами. Этот предсмертный поцелуй я не забуду никогда. Я слегка сжала его руку и поспешно вышла. Он умер через два дня. А еще через два дня позвонил Саша:

— Алле! Когда вы приедете? — спросил он повелительно.

— Никогда, — ответила я тихо, но твердо.

— Не понял! — В его голосе слышалась угроза. Я повесила трубку.

Мы с бабушкой сидели на ее заросшей зеленью кухне, курили и откровенничали.

— Ба, я не знаю, что делать, где себя искать. Где жить, что делать.

— Жить здесь, растить дочку. Пока все. Остальное приложится. Знаешь, я всю жизнь прожила с любимым мужчиной, который пил-гулял-изменял, а я ждала-любила-прощала. И что? Жизнь прошла стороной. Мне сегодня и вспомнить-то нечего. Самое ценное, что у меня осталось — это ты. И я очень хочу тебе счастья. Учись на моих ошибках. Торопись жить, не отказывай себе в счастье.

Я прижалась к бабушке, и стало все понятно. Мы пили кофе и раскладывали пасьянс, и было тепло и уютно. Ближе к вечеру раздался звонок в дверь, и на кухню с огромным букетом роз влетел Саша, сразу заполнив собой все пространство. В комнате заплакала Иришка. Бабушка пошла ее успокаивать.

Я не сорвалась с места и не кинулась подавать чай-кофе, а продолжала сидеть и курить. Саша смотрел на меня с изумлением. Я уже успела сделать стильную стрижку, покрасить волосы и сделать маникюр. Да и страх понежному отпускал меня.

— Зачем ты приехал? — спросила я и сама удивилась своему спокойствию.

— За вами. — Его голос звучал уже куда менее уверенно.

— Саша, мы никуда не поедем. Я не собираюсь всю жизнь провести в страхе. На развод я подам сама.

— А как же твои вещи, а что мы скажем родителям, а как же Иришка... — Он не знал, что сказать. А я смотрела на него и видела уже не монстра, а маленького не уверенного в себе мальчика.

— Саша, ты поешь с дороги? — предложила бабушка.

— Нет, он очень торопится, у него скоро обратный самолет, — ответила я за него.

Он встал и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. У меня вдруг заныла сломанная рука, и я успокоила себя, что поступила правильно.

КАМАСУТРА ИЗ ТЮБИКА

Говорят, английская королева издала указ: если женщина вышла замуж обманным путем, то есть при помощи косметики выдавала себя за красавицу, то брак можно считать недействительным. Если бы это было правдой, то сейчас все браки можно было бы аннулировать, потому что женщины обманывали, обманывают и впредь будут обманывать. А для чего тогда создавалась индустрия красоты? Для кого вся эта тушь, удлиняющая ресницы, помада, увлажняющая губы, краска для волос, превращающая строгих брюнеток в глупеньких блондинок? А линзы, а парики, а шпильки — да что там говорить, в нашем арсенале столько оружия, что быть некрасивой просто неприлично.

Одна моя приятельница принесла мне крем.

— Этот крем — мечта всех женщин, — сказала она, заговорщически улыбаясь.

— В смысле?

— В смысле, не требуется прикладывать особых усилий. Слегка смазываешь руки кремом, и все близлежащие мужчины тебя страстно захотят.

— А как же близстоящие и близсидящие?

— Они все будут твои!

— Ну хорошо, — миролюбиво отозвалась я, — допустим. И что мне с ними со всеми потом прикажешь делать?

— Ну это ты по ходу дела решишь. — Она улыбнулась и вручила мне небольшой, довольно невзрачный тюбик. На синем фоне были нарисованы две черные кошки.

Я автоматически открыла крышечку, понюхала и слегка мазнула руку. Крем пах не особенно приятно, но и не совсем противно — скорее необычно. Терпкий запах, совершенно непохожий на те, что мне раньше приходилось обонять. Впитался крем на удивление быстро, так что пока я собиралась домой и отвечала на звонки, начисто забыла о том, что отныне моя рука представляет собой для мужиков убойную силу невиданной доселе мощи.

Вспомнила я о нем, лишь когда оказалась в троллейбусе, битком набитом пассажирами. Вот тут-то и начались настоящие чудеса. Все особи мужского пола в возрастном диапазоне от пятнадцати до восьмидесяти лет как будто с ума посходили.

Всем им непременно надо было протиснуться ко мне, попросить пробить талончик или спросить, который час. Или же сказать какую-нибудь откровенную глупость типа: «Девушка, а вы тоже в этом троллейбусе едете?» Вначале я просто ошалела от такого паломничества, а когда вспомнила, в чем дело, стала приглядываться.

Несмотря на то что я оказалась в самом эпицентре возбужденно гудящего разновозрастного мужского роя, откровенно приставали ко мне отчего-то только молодые и крепкие мужики. Те, о ком говорят «в самом соку». Все понятно. Я вспомнила, как совсем недавно спорила с подружками на тему либидо. Они убеждали меня, что любовь — это всего лишь химия. Разгул гормонов. А я сопротивлялась и с пеной у рта доказывала, что люди тем и отличаются от животных, что их выбор в основном зависит от чувства. И вот теперь выясняется, что я жестоко ошибалась! Сейчас в троллейбусе целая стая отборных самцов приставала ко мне только по причине призывного запаха. Вы только по-

думайте! Все они хотят меня вовсе не потому, что я умная, красивая и талантливая, а потому, что я пахну кремом для путан!

С другой стороны, если все так просто, зачем напрягаться? Краситься, наряжаться, следить за фигурой, книжки умные читать, чтобы поразить интеллектуалов своей эрудицией. Зачем прилагать все эти усилия? Ведь все проще пареной репы: намазался кремчиком — и вперед!

Я с трудом выбралась из троллейбуса и поспешила в сторону своего дома. За мной тут же увязались молодой паренек со скрипичным футляром и здоровенный полосатый котяра с наполовину оборванным ухом.

«Еще не хватало, чтобы юноша из-за меня занятия в консерватории прогулял», — подумала я и сунула руку в карман.

Парень по инерции сделал еще несколько шагов, потом остановился, постоял в нерешительности и пошел обратно к остановке. Кот оказался более стойким «поклонником» и проводил меня до самого подъезда, а затем, по всей видимости, отправился на поиски кошки, которая пахнет не хуже, чем я.

Дома я достала из сумки тубик и покрутила его в руках. Без сомнения, это было оружие, причем очень эффективное. А первая заповедь бойца какая? Правильно... Любое оружие требует умелого обращения. Я же из автомата Калашникова не буду палить по кому попало? И здесь тот же случай. Сначала надо найти «врага», взять его на прицел, а потом уже жать на курок...

Начать я решила со своего коллеги — Вовы Миленича. Он будто бы правильный мужичок, но не во всем и не со всеми. По отношению к семье — правильный. Жену любит, о детях заботится. А вот что касается коллег... Деньги он получает за то, что регулярно «стучит» шефу о настроениях в коллективе и о том, кто что во время работы делает и о чем говорит. Вот такая у него «творческая» работа. Шеф, разумеется, совсем не любопытен, но должен быть в курсе событий. Теперь вы понимаете, почему первой жертвой я выбрала именно Миленича. И более того, я и коллективчику о своем эксперименте поведала. По большому секрету, конечно.

Меня вызвали к какому-то «жирному» заказчику, и я перед уходом, обильно смазав руки чудо-кремом, подплыла к Вовчику и елеиным голосочком пропела:

— Володечка, пожелай мне удачи. Еду кровь сдавать (на нашем рекламном жаргоне это означает «раскручивать на рекламу»). — И протянула ему руку для поцелуя.

Вовчик решил поиграть в галантного кавалера и подыграть мне. Он доверчиво взял мою руку, наклонился и поцеловал ее, вдохнув полной грудью коварный аромат. Как-то странно посмотрел на меня и подмигнул. Я подмигнула в ответ и упорхнула.

Народ, переглядываясь, усмехался.

Закрыв за собой дверь, я напрочь забыла о своем эксперименте. Но заказчик, который не глядя подмахнул все бумаги и усталился на мои коленки, напомнил мне о действии эротического крема.

На следующий день офис меня встретил тревожным молчанием.

— А где наш герой-любовник? — спросила я.

— В больнице, — был ответ.

— То есть?

— Подробности пока неизвестны, но, похоже, такие нагрузки не для слабо-

нервных.

На следующий день Вовчик вышел на работу бледный как смерть.

— Что с тобой? — спросила я.

— Сам не знаю. Ты когда позавчера ушла, мне не по себе как-то стало. Я отпросился и поехал домой. По дороге чувствую, что не совсем адекватно на все реагирую. Приехал, лег, в ушах звенит, руки дрожат. Короче, вызвал «скорую», а у меня давление аж зашкаливает. Сделали укол. Еле отлежался. А почему ты спрашиваешь? — И он как-то подозрительно посмотрел на меня.

— Просто так.

Коллеги заговорщически улыбались. Они меня не выдали, но я сама решила, что пора заканчивать с этими опасными для здоровья экспериментами. Тем более мужчины нашей фирмы стали относиться ко мне с большой осторожностью, а женщины — с опаской. И те и другие почему-то все время прихихивались. И запах моей косметики воспринимали как посягательство на свою «девственность». И я решила избавиться от злосчастного крема раз и навсегда. На следующий же день подарила его своей соседке Миле.

Мила — толстуха-хохотушка — приняла подарок благосклонно, а следующим утром пришла вся сияюще-сверкающе-радостная.

— Ты не представляешь, какая ночь у меня сегодня была! Этот крем — действительно волшебный. Виагра отдыхает. Мой муж устроил такой любовный марафон... Я задремала только к утру. Спасибо тебе большое.

— А мне-то за что?

На следующий день я столкнулась в подъезде с Милиным мужем. Его лицо излучало довольство и желание сделать счастливым весь мир.

— Ника, здравствуй, — сказал он. — Прекрасно выглядишь... Как дела? Неужели до сих пор одна?

— Да вот, как-то так... — замямлила я в ответ.

— Слушай, а хочешь, я тебе помогу? — вдруг спросил он.

— Миша, что ты имеешь в виду? — испугалась я и машинально понюхала свою руку. От нее пахло только туалетным мылом.

— Просто могу подсказать, как приворожить любого мужика. Моя Мила где-то такой волшебный крем раздобыла! Я забыл, что мы уже двадцать лет женаты. Я хочу ее все время. У нас сейчас не ночи, а сказки Шехерезады... В общем, приходи с какой-нибудь пустой баночкой... Так и быть, поделимся по-соседски.

«Эх, знала бы английская королева...» — подумала я.

ВМЕСТО НЕЕ

Для меня всегда было загадкой, как получается, что люди знакомятся, потом влюбляются и становятся родственниками. И все у них становится общее: дети, дом, быт. У меня не получилось родственности. Хотя мы прожили с Толиком десять лет и привыкли друг к другу, как привыкают к квартире, машине или рабочему коллективу, но не сроднились. Мы не дрались, даже почти не ругались, но не было главного — общих интересов. И детей у нас тоже не было.

Когда подружки на работе пили валерьянку после скандала или замазывали синяки тональным кремом, я им не только сочувствовала, но даже в душе немного завидовала — у них хоть какие-то отношения с мужьями. У меня же жизнь — стоячее болото, и даже всплески эмоций не разбавляют рутину совместного существования.

Иришка, моя «рабочая» подруга, все время учила меня жить.

— Ты пойми, надо самой что-то делать, чтобы изменить свою жизнь. Муж не обращает на тебя внимания. А ты сама бы обратила внимание на женщину, у которой годами ничего не меняется? Ни характер, ни настроение, ни даже цвет волос и одежда. Это же ужас! Сейчас целая индустрия работает на нас. Мы можем выбирать себе оттенок волос и цвет глаз под настроение. Менять свой имидж и стиль в любую сторону. Даже фигуру поменять можем. А ты все время одинаковая. Совершенно пресная и неинтересная!

Я не обижалась — она говорила правду. Я действительно давно махнула на себя рукой. И даже свалившееся на меня наследство не изменило ситуации.

Удивительное чувство испытываешь, когда вдруг становишься обладательницей целого состояния. Мой дядя слыл скупердям и старательно копил деньги на черный день. Но до этого дня он просто не дожил, скончавшись от инсульта. А так как за всю свою жизнь не нажил он ни детей, ни друзей, то все его богатство упало на меня, словно манна небесная, и в одночасье сделало меня обеспеченной женщиной. Не могу сказать, что я потеряла голову от счастья, но наличие наличности грело душу.

Супруг, обычно равнодушный как к моим делам, так и к моим мечтам, вдруг заинтересовался планами на деньги. Какие у меня могут быть планы? Естественно, тратить! Ведь деньги даются для того, чтобы их тратить.

Муж зачем-то устроился на вторую работу и совсем не появлялся дома. А когда появлялся, скользил по мне равнодушным взглядом. Меня это не огорчало, просто у меня не было опыта других отношений с мужем. Жизнь проходила скучно, грустно и однообразно. Мы привыкли не замечать друг друга, как не замечают старую мебель в доме; жгучую любовь, нежность и страсть я видела лишь в сериалах. А когда в метро кто-то обнимался, я грустно отводила взгляд. Не понимаю, почему я смирилась с таким положением вещей и привыкла жить так, как жить нельзя.

Иришка предложила мне обновить гардеробчик, а мою старую одежду мы решили отдать ее соседке. Бедным надо помогать.

Я безоговорочно согласилась, сняла со счета деньги и впервые за много лет отправилась покупать себе обновки. Никогда не думала, что это такое захватывающее занятие. Не просто смотреть или примерять, а именно покупать! Удивительное чувство, когда ты можешь себе позволить то, что хочешь. Когда

мне принесли белоснежную, почти невесомую шубку, я удивилась, что могла обходиться без нее. К шубке мы подобрали новые сапоги, шапочку и даже сумку.

Я ощущала себя настоящей леди и была просто счастлива. Мы принесли наряды домой и сразу позвонили Ириной соседке, чтобы отдать ей мой секонд-хэнд. Скромная худощавая женщина была очень рада неожиданной гуманитарной помощи. Когда она завернулась в мою шубу, я даже удивилась нашему сходству.

— Так, сегодня аттракцион небывалой щедрости! — торжественно объявила я и отдала женщине вместе с шубой еще сапоги, сумку и шапку. Долой старые вещи!

Затем мы решили обмыть обновки, чтобы хорошо носились, и устроили настоящее застолье. Мы пили за перемены к лучшему в нашей жизни. И так засиделись, что я совсем забыла про свою любимую тренировку.

Уже несколько лет я исправно хожу заниматься шейпингом. Сегодня придется пропустить занятие.

Иришкина соседка вдруг забеспокоилась и засобиралась домой. Мы с подругой не возражали, потому что хотели посеCRETничать. Женщина нарядилась в мои вещи, а свои сложила в сумку. Мы с Ирккой устали на нее в изумлении — очень уж она напоминала меня.

Когда она ушла, мы заварили еще кофе и уселись поуютнее. Впереди был хороший вечер. Я проведу его не в одиночестве, а Ириша отдохнет от своего шумно-суетливого семейства.

— Интересно, как оценит твои наряды Толик? — спросила Ира.

— Да никак. Он неделями не ночует дома, делает какую-то халтуру. А когда появляется, ему не до меня, — ответила я честно. Вообще-то я не часто обсуждаю свою семейную жизнь, но тогда захотелось пооткровенничать.

— А мой змей так все замечает. То зачем я подстриглась, то зачем короткую юбку купила, — затянула Ирка свою обычную песню.

— Наверное, он просто неравнодушен к тебе, поэтому и хочет, чтобы ты не выглядела смешно, — предположила я. — А Толику все равно, как я выгляжу. По-моему, если вдруг меня не станет, он даже не заметит моего отсутствия, — добавила я грустно, и мне стало так жаль себя!

— Ну что ты такое говоришь! — Ирка не на шутку испугалась. — Знаешь, я, наверное, тоже пойду.

Мне ужасно не хотелось оставаться одной, и я пошла ее провожать. Возле нашего дома толпились люди. Машина «скорой помощи» и милицейский «уазик» наводили на мысль о криминале. Мы хотели пройти мимо, но какая-то неведомая сила подтолкнула нас к толпе. Картина, представшая перед глазами, повергла в ужас. На краю тротуара распласталась худенькая фигурка Ириной соседки. Моя шуба прикрывала ее мертвое тело, а рядом валялась моя же сумочка.

Внутри у меня все похолодело. Мне показалось на мгновение, что это я.

Мы были последними, не считая убийцы, с кем перед смертью общалась несчастная, поэтому пришлось ехать в милицию давать показания. Странно, но следователь задавал вопросы не об убитой, а обо мне. Я честно рассказала, что мы с мужем чужие люди под одной крышей, что я по вечерам занимаюсь шейпингом, а Толик получил халтуру на работе. Что недавно мне досталось

наследство, и поэтому я обновила гардероб. А с жертвой нападения познакомилась только сегодня, когда отдавала ей свои старые вещи.

Следователь смотрел на меня очень внимательно, и мне показалось, с жалостью. Страшно разболелась голова, и когда меня наконец отпустили, я, не раздеваясь, уснула в кресле. Сон был неглубокий, тревожный и беспокойный, когда пробуждаешься от каждого шороха. Около четырех утра в замке воровато повернулся ключ, я вскочила как ужаленная и спряталась за дверью.

А потом я услышала голоса. Мужской принадлежал моему мужу, а женский — какой-то незнакомой женщине. Они тихонько переговаривались, но кое-что я слышала.

— По-моему, все обошлось, — прошептал муж.

— Еще ничего не известно, — так же тихо ответила его спутница.

— Знаешь, просто не ожидал, что все получится, — это опять муж.

Господи, о чем это они? От страшной догадки я боялась не то что пошевелиться, но даже дышать.

— Неужели тебе ее совсем не жаль?

Ответа я не расслышала. А может, просто не хотела слышать. Сейчас я вообще ничего не хотела ни слышать, ни понимать.

Потом в коридоре начался какой-то шорох. Что делать? Я не представляла, как себя вести в такой ситуации. Исчезнуть я не могла. Выдать свое присутствие было опасно. Почему они не заходят в комнату?

Вдруг неожиданно резко зазвонил телефон. Настолько резко, что я вскрикнула. Женщина в коридоре тоже испуганно вскрикнула.

— Слушай, Толик, мне страшно. Давай уйдем отсюда.

— Ну сама посуди, зачем нам куда-то идти? Это наш дом.

— Мне кажется, там кто-то есть. Я боюсь. Давай сегодня переночуем пока у меня.

— Как скажешь, — покорно согласился Анатолий.

Хлопнула входная дверь, и в квартире повисла гулкая тишина. Мне на мгновение показалось, что я действительно умерла.

Из оцепенения меня вывел телефонный звонок. На этот раз он звонил долго и требовательно. Я подняла трубку.

— Здравствуйте, пятое отделение милиции беспокоит. Ваш муж дома?

— Уже нет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Он вышел несколько минут назад и, думаю, сегодня уже не вернется.

Я повесила трубку и вышла в коридор. В зеркале увидела отражение молодой несчастной женщины, которой уже не должно быть в живых. Только случай спас мне жизнь. Мне стало ужасно жаль невинную жертву. А собственно, в чем была виновата я? В том, что муж не любил меня, или в том, что получила наследство?

Как же так? Ради одних женщин мужчины готовы жертвовать, творить, совершать безрассудные поступки, а других готовы просто безжалостно убрать с дороги. Мысли вихрем проносились в голове. Я заплакала, и напряжение спало. Блуждающий взгляд остановился на новой шубе. Боже мой, эта вещь, сама того не зная, спасла мне жизнь. Я погладила мех рукой и вздрогнула — когда-то так же нежно я гладила волосы мужа.

Его арестовали на следующий день, и он почти сразу признался в том, что

организовал на меня покушение. Более того, выяснилось, что мой муж имел дело с краденными автомобилями и давно уже был под наблюдением. По правде говоря, меня это не шокировало, просто я с горечью думала о том, что столько лет прожила рядом с негодяем и не разглядела его.

Я очень тяжело переживала весь этот кошмар. Но мои подруги были рядом и поддерживали меня как могли. Мне все время не давала покоя мысль о том, что эта женщина, которой я отдала свои старые вещи, спасла меня от смерти. Она умерла вместо меня.

Однажды она мне даже приснилась с каким-то мальчиком. Утром я долго не могла отделаться от наваждения и, придя на работу, стала расспрашивать Иришу о ее соседке. Оказалось, что та жила вдвоем с сыном и очень бедствовала. Не долго думая после работы я отправилась по указанному адресу. Ириша решила ничего не объяснять, тем более я сама еще толком не понимала, что делаю. Дверь мне открыл мальчик лет тринадцати. У него были такие же грустные глаза, как у матери. А может, эти глаза просто устали плакать. Подросток посмотрел на меня безо всякого удивления и впустил в квартиру.

Я не знала, как себя вести и что говорить. Мы прошли на кухню, сели и долго молчали. Кухня была бедная, давно не отремонтированная, но чисто побеленная. На окнах висели белоснежные накрахмаленные занавески. На подоконнике стояли цветы в горшках. Странно, но все цветы были совершенно сухие.

— А что случилось с цветами? — почему-то спросила я.

— Они погибли. Сразу после того, как... как... — Мальчику будто не хватало то ли слов, то ли воздуха, чтобы закончить фразу. А может, ему просто не хватало мужества сказать вслух о том, что произошло.

Меня вдруг охватила такая жалость к этому ребенку, к его матери и к себе, что я подошла к мальчику, обняла его и расплакалась в голос. Как не плакала очень давно. Передо мной прошла вся моя никчемная жизнь — без детей, без любимого дела...

Жизнь, прожитая с посторонним человеком. Я выходила за него замуж не по любви и даже не по расчету, а просто потому, что пришло время и все находят себе пару. Может, где-то на Земле бродит мой мужчина, а я прожила свои лучшие годы со случайным встречным, который приговорил меня к смерти. Я плакала так горько и так долго, что мальчик растерялся и стал неумело меня успокаивать.

— Может, вы хотите чаю? — спросил он участливо.

— Хочу. — Я очень хотела чаю.

— Проходите в комнату, я сейчас, — сказал мальчик.

Я прошла в комнату, и первое, что мне бросилось в глаза, были мои вещи. Злосчастная шуба, шапка и сумочка, лежащие на диване. Они с немым укором смотрели на меня, и я, не в силах выдержать эту пытку, пошла на кухню. Подросток дрожащей рукой наливал из чайника кипяток в стакан.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Виталик.

— А меня Вера. Это я дала твоей маме вещи, и ее убили, думая, что это я. — Не знаю, почему стала все это рассказывать.

— У меня больше никого нет, — сказал он хрипло, и губы предательски задрожали.

— Знаешь, Виталик, у меня ведь тоже никого нет, — ответила я, и слезы са-

ми по себе опять потекли по щекам.

С большим трудом мне удалось оформить документы на опеку. Мы обменяли наши квартиры на одну общую и стали жить маленькой дружной семьей. Когда Виталик закончил школу, я потратила свое наследство на его образование. У нас с ним было особое духовное родство. А самым счастливым днем в моей жизни стал день, когда он назвал меня мамой.

Иногда мне снится его мать — она улыбается мне издалека.

ЖЕСТКИЙ МЯГКИЙ УГОЛОК

Как по-разному мы воспринимаем мир — в зависимости от того, по какую сторону витрины находимся. Я всегда любила заглядывать в окна домов и смотреться в витрины магазинов. Представляла, что за каждым окном течет своя, спрятанная от чужих глаз жизнь. На самом деле окна могут очень многое сказать о хозяине. У одних они чистенькие, сверкающие, с вазонами цветов и пышными гардинами. У других — современные пластиковые, прикрытые жалюзи. А у некоторых — пыльные, заброшенные, нелепо прикрытые газеткой. И жизнь за каждым окном такая же разная: где-то бедно-пыльная, а где-то сверкающе-пышная.

Обычно, скользя взглядом по невыразительным манекенам, я всегда вижу в витринах свое отражение. Я в том возрасте, когда у каждого зеркала, каждой витрины и в глазах каждого прохожего хочется прочесть ответ на вопрос: я ль на свете всех милее? И хотя мой бойфренд Корней регулярно утверждает, что я самая-пресамая, мне хочется и других доказательств. Красивая женщина требует красивой упаковки. Это родителей волновал вопрос: что же будет с родиной и с нами. А у нас, поколения победившего капитализма, совсем другие заботы: как стать успешным, заработать миллион и перестать беспокоиться.

— Ты слышала новость? — с налета начинает грузить Корней.

— Озвучь.

— Кто-то из пиарщиков придумал нестандартный ход: поселить в витрине мебельного магазина живых людей. Условия сделки просты, как таблица умножения: надо неделю прожить в витрине магазина. Рекламируется мягкая мебель. Потом эта мебель дарится «моделям», плюс путевка в теплые страны.

— Ну и?

— Агенты ищут влюбленную парочку, и мы могли бы пригодиться. А чего думать? Ну перетолчемся недельку в витрине, зато обставим квартиру новой стильной мебелью и на курорт смотаемся.

— Опять же — на людей посмотрим, себя покажем.

Идея мне нравилась.

— Что тут особенного? Справимся, — убежденно произнес Корней.

— А если мы передумаем? — засомневалась я.

— Мы ничем не рискуем. Передумаем — уйдем, — успокоил любимый.

Перед началом рекламной кампании нам с Корнеем пришлось пройти инструктаж и подписать трудовое соглашение. По договору, если мы не дорабатывали до конца срока, то ни мебель, ни путевку не получали. В наши обязанности входило сидеть, лежать, ходить, короче, жить в витрине магазина на протяжении недели. Еду нам будут доставлять туда же. Свет гасят в 22.00. После этого времени мы можем принять душ (там же, в магазине) и укладываться спать или смотреть телевизор. В течение же дня мы можем читать, целоваться, танцевать — все, что угодно, только не покидать витрину.

Дома мы сказали, что отправляемся на преддипломную практику. Собрали вещи — в самом деле, не в одной же одежде сидеть целую неделю. Косметика, журналы, плееры, сладости — сумки получились внушительные. Настроение было приподнятое — особенно радовала мебель, которую надо было отработать. Вся такая авангардная, мягкая, нарядная, обитая светлым велюром.

Раскладывается, увеличиваясь в два раза. И к ней совершенно очаровательный журнальный столик.

Итак, понедельник, девять часов утра. Мы на своем рабочем месте, то есть на диване. В ушах — наушники, на журнальном столике — горячая пицца и кофе — первый завтрак. За окном редкие прохожие, спешащие по своим делам, пялятся в витрину. Мы с Корнеем поедаем пиццу и радуемся жизни.

— Слушай, тут про нас говорят! — кричит мой избранник и протягивает мне наушники.

— В городе началась необыкновенная акция. С целью привлечения покупателей мебельная фирма поселила в витрине молодую парочку, которая должна будет прожить там целую неделю! — услышала я и со злостью сказала: — Вот уроды. Они что, считают, будто мы будем привлекать публику?

— Ну да. А ты что думала, тебе мебель за красивые глаза подарят? — спокойно отозвался Корней. Как будто он каждый день что-то рекламировал.

До обеда мы кое-как досидели. Солнце светило прямо на нас, оно безжалостно жарило и палило, а укрыться было негде. После еды нас совсем разморило, и мы улеглись спать. К вечеру у витрины стали собираться зеваки. Они рассматривали нас, словно зверушек в зоопарке. Показывали пальцем, обсуждали. Мы с Корнеем стали целоваться. Это вызвало оживление. Зрители не уходили, а весело улюкали и откровенно развлекались. Я никогда не думала, что это так тяжело — быть все время в замкнутом пространстве под неустанным наблюдением десятков глаз. Мы были в неравных условиях. Зрители могли уйти, когда захотят, нам же спрятаться было некуда. Мы устали, нам хотелось уединиться, помыться, расслабиться. Когда наконец стемнело и толпа нехотя разошлась, мы смогли сбросить с себя напряжение.

— Мне не нравится, что они на нас пялятся.

— Мало ли что тебе не нравится. Мы сами выставили себя на обозрение. Не переживай, один день мы уже пережили. Дальше будет легче и время пойдет быстрее. — Мой мальчик пытался успокоить то ли меня, то ли себя.

На следующее утро перед витриной уже было множество зевак. Слухи распространяются быстро, развлечений в городе мало, поэтому народ ломанулся смотреть бесплатное шоу. Я вырядилась в яркую майку и облегающие шорты, навела марафет и приготовилась играть на публику. Честно говоря, настроение было задорное. Мы с Корнеем неплохо провели ночь на новой мягкой мебели. Представляете, два манекена в витрине кувыркаются на белых диванах! Да, мы живем в витрине, потому что классные, молодые и нам за это много платят!

Мы уселись на кресла, положили ноги на столик, включили музыку и стали разглядывать толпу за окном. В первом ряду я увидела Стасика из параллельного потока. Он пытался за мной ухаживать, но скромные очкарики не в моем вкусе. И меня не интересует, что его папашка — владелец бензоколонки. Стасик держал за руку свою девушку, и они беззастенчиво рассматривали нас, как будто мы не живые люди, а экспонаты. Меня это вывело. Чего уставились! Я показала им фак. Публика оживилась. Стасик с девушкой развернулись и пошли прочь. Только сейчас я заметила, что он хорошо сложен и красиво, со вкусом одет. И его девушке не приходится торчать за стеклом, зарабатывая мебель.

— Перестань паясничать, — строго велел Корней, имея в виду мой жест.

— Только не надо нас учить! — Я завелась с полоборота.

— Ты чем-то недовольна, крошка? — Он попытался перевести все на шутку.

— Крошка — это твоя кошка. — Я перешла на банальный крик. — Я перестаю понимать, что здесь делаю!

— Ты здесь зарабатываешь мебель и свадебное путешествие. — Корней еще надеялся повернуть разговор в мирное русло.

— А я вот начинаю задумываться, стоит ли мне выходить замуж за человека, который не в состоянии обеспечить меня всем необходимым, — сказала я безжалостно.

— Девочка моя, тебе бы не истерики устраивать, а улыбаться, ведь на тебя смотрят. — И он, помахав рукой толпе, надел на себя голливудский оскал.

Толпа за окном радостно взревела. Я вдруг увидела себя со стороны: глупая девчонка сидит в стеклянной витрине на потеху публике. Я вскочила и принялась танцевать и отвешивать поклоны, словно клоунесса.

— Да! Я продалась за диван, потому что «это рынок, детка!». Да! Ты или продаешься богатому любовнику, или с молодым зарабатываешь все сама! — кричала я, продолжая кланяться и танцевать.

Потом упала навзничь на диван и громко расплакалась. Толпа за стеклом притихла, но не расходилась.

— Наша Саша громко плачет, за окном толпа маячит, — как ни в чем не бывало декламировал Корней.

— Ты или дурак, или прикидываешься. — Я посмотрела на него с ненавистью.

— Александра, запомни, за каждым успешным мужиком стоит настоящая женщина.

— А за каждой настоящей женщиной никто не стоит. Потому что это хороший стимул кем-то стать. — Я уже почти успокоилась.

Он не успел ответить, так как нам принесли еду. Есть не хотелось, но пришлось. Мы жевали казавшуюся пресной пищу, продолжали тихонько переговариваться.

— У меня такое чувство, что я сижу не за стеклом, а за решеткой, — сказала я.

— А за решеткой соседей не выбирают. Поэтому придется тебе недельку потерпеть мое общество.

— Ничего страшного, зато теперь мне не придется терпеть его всю оставшуюся жизнь.

— О, девочка уже начала язвить, значит, дело пошло на поправку. — Корней делал вид, будто не понимает, что я не шучу.

— Единственное, что меня волнует, — как мы будем делить мебель.

— Очень просто: мебель тебе, а путевку мне. Прокачу на острова более благодарную подружку. А ты в это время будешь становиться *настоящей женщиной*.

— Ага, значит, я буду париться под стеклом, а кто-то поедет...

— Пока еще никто никуда не едет. И если ты не будешь хорошо себя вести, то контракт будет расторгнут и все, что мы уже заработали за сутки тяжелой пращ, аннулируется.

— Что будет с акцией?

— Ее продолжит кто-то другой. Посмотри, сколько желающих оказаться на

нашем месте. — И он кивнул на толпу.

— Буржуины проклятые заставляют продаваться потомков советского народа, — произнесла я и сдалась.

До вечера мы с Корнеем не разговаривали. Каждый сидел в своих наушниках и слушал музыку. Когда стемнело, мы приняли душ и улеглись спать. На разные диваны.

На следующее утро к витрине пришла моя мама. Она откуда-то узнала, где мы проходим «преддипломную практику». Мама просила передать нам домашние пирожки.

— Нам уже передачи начали носить, — заметила я.

— Скоро уже амнистия, — успокоил «милый друг».

— А ты узнай, может, где-то надо посидеть за машину или за квартиру...

— Кому-то посидеть, а кому-то полежать. И он, повалив меня на диван, стал целовать.

Толпа за окном заплодировала.

— Что ты делаешь, дурак!

— Отрабатываю свою долю.

Мы помирились, смирились и продолжили жить на виду у всех.

— Я где-то читал, что в Швеции столичная тюрьма была настолько комфортабельной, что преступники со всего СНГ предпочитали отсиживаться именно там. Они во время отсидки даже получали высшее образование. Бесплатно! Так вот, власти посчитали, что содержать столь комфортабельный казенный дом для иностранных преступников им невыгодно, и на месте тюрьмы открыли... гостиницу. Тюремный дворик, окна с решетками и посуду сохранили. Там сейчас останавливаются богатые туристы-экстремалы. Как говорится, почувствуйте себя преступником, — рассказывал Корней.

— Знаешь, я почему-то подумала про этих тетечек, которые сидят в метро в стеклянных будках возле эскалаторов. Представляешь, весь день сидеть в прозрачной будке под землей. Как кроты. Причем по собственному желанию, за скромную зарплату.

— Но на них, кстати, никто не смотрит, — заметил он.

— Если бы акцию продлили на месяц или в соседние магазины посадили бы живых манекенов, то на нас бы тоже никто не смотрел.

— Слушай, а это мысль! Давай поиграем в манекенов! — Корней вскочил, подбежал к краю витрины и замер в позе истукана.

Я встала рядом, как в детской игре «замри». Корней движением робота снял с себя рубашку, я, подражая заведенной кукле, скинула майку и осталась в шортиках и бюстике. Мы сделали несколько шагов друг к другу и снова замерли. В витрине было темно, только тусклый уличный фонарь освещал скудным светом двух сумасшедших, которые среди ночи развлекались столь странным образом. На пустынной улице показалась влюбленная парочка. Они шли, держась за руки, то и дело останавливались, чтобы поцеловаться. Неожиданно они остановились прямо возле витрины, нас разделяло только прозрачное стекло. Мы с Корнеем стояли, не шевелясь, боясь спугнуть влюбленных. Парочка зашла в долгий поцелуе. Столь долгом, что мы слегка устали стоять без движения.

Нацеловавшись, молодые люди принялись разглядывать себя в витринном отражении. И вдруг девушка пристально посмотрела на меня и капризно ска-

зала своему спутнику:

— Хочу такие шорты, как на манекене.

Корней с трудом подавил смех, а я просто рассвирепела. Ах шорты ей захотелось, ах как на манекене, щас! И я медленно-медленно подняла руку, затем как робот скрутила дулю и торжественно поднесла прямо к изумленным лицам офигевшей парочки. При этом я продолжала стоять, словно статуя. Корней со смехом рухнул на диван. А девица от ужаса, что манекены в витрине ожили и зашевелились, отключилась, благо спутник успел ее вовремя подхватить.

— Знаешь, чем мы заплатим за эту акцию? Нашей любовью, — сказала я, когда парень, бережно обнимая свою девушку, повел ее прочь от злобных манекенов.

— Хочешь, прямо сейчас встанем и уйдем отсюда? Мы же свободные люди. — Корней тоже почувствовал себя неудобно.

— Хочу!

«Рекламная акция известной мебельной компании провалилась. Через три дня и три ночи живые манекены покинули витрину. По условиям сделки они были лишены премии в виде мягкого гарнитура и поездки на экзотические острова. Герои рекламного шоу покинули витрину глубокой ночью. Давать какие-либо объяснения они категорически отказались». Эта заметка вышла в центральной газете на следующий день.

КАЗЕННЫЕ ДЕТИ

Мне было двадцать с небольшим, когда нас, молодых журналистов, отправили писать социальный материал о детях-сиротах. Настроив диктофоны и прикупив килограмм шоколадных конфет, мы с девчонками отправились в ближайший к редакции детдом.

Сейчас быстренько посмотрим, напишем и — свободны! По дороге Наташке на мобильный позвонил бойфренд и предложил пообщаться. Затем соскочила с темы Татьяна. Она неожиданно вспомнила, что записана к стоматологу. В результате через полчаса я подходила к казенному дому в гордом одиночестве. «Леся, ты запиши на диктофон пару лишних интервьюшек на нашу долю, мы в долгу не останемся», — попросили меня на прощание более удачливые подружки. А я, как самая порядочная, поплелась на задание.

На первый взгляд детский дом ничем не отличался от других домов, только решетки на окнах и территория со всех сторон огорожена. Внутри стоял запах общепитовской еды и шум детских голосов. Я заглянула в игровую комнату и поймала на себе десять пар любознательных глаз. Через мгновение дети вскочили и побежали мне навстречу с криком «Мама!». Все, кроме одного мальчика, который остался сидеть на полу и не сводил с меня глаз. Я настолько растерялась, что не придумала ничего лучшего, чем достать кулек с конфетами и отдать детям.

— Кто разрешил? — Я вздрогнула от окрика неожиданно вошедшей воспитательницы. Дети оставили кулек и исчезли так же быстро, как появились.

— Кто вы такая? — спросила она меня.

— Я журналистка. У меня редакционное задание написать репортаж о вашем учреждении, — ответила я.

— Очередная добрая душа. Пришла, погладила по головке, оставила конфетки, написала свою «заказушку» и забыла? — зло произнесла воспитательница.

— В чем дело? — Я стала приходить в себя и уже готова была дать отпор.

— А вы знаете, что они будут ждать вас долго-долго. И плакать по ночам. А вы знаете, что сюда нельзя приходить на экскурсию?

Однако вскоре она сменила гнев на милость, и через полчаса мы уже сидели на ковре, и дети, доверчиво глядя мне в глаза, отвечали на вопросы.

— О чем вы мечтаете?

— Чтобы нас любили воспитательки, — с детской непосредственностью отвечает смешная конопатая девочка лет семи.

— А что такое любовь?

— Это когда целуются, — без тени сомнения произносит мальчуган.

— А вы знаете, нашей Оле так повезло, она отравилась, и ее возили в больницу. Туда, в ваш мир, — шепотом сказал мальчишка, который не выбежал, когда я пришла.

— Что значит — в наш мир? — не совсем поняла я.

— Ну тот, за оградой, где машины, магазины, людей много. — Он смотрел на меня с удивлением.

— Дети! Все моют руки и обедать! — прозвучал строгий голос воспитательницы, и дети послушно пошли в умывальную комнату. Там у каждого в личной ячейке висело полотенце с его именем и с инвентарным номером.

Я осталась одна и стала оглядываться по сторонам. Все очень чисто, ухожено, хорошая мебель и дорогие игрушки. Я подошла к кровати, взяла в руки пушистого мишку и вздрогнула — на ухе у него стоял жирный номер. Присмотревшись повнимательнее, я обнаружила нечто поразившее меня до глубины души: со всех сторон, со всех игрушек, одежды и посуды на меня смотрели бездушные инвентарные номера.

— Эти дети никогда не играют в дочки-матери, в продавца или водителя. Потому что они не знают, что это такое. Они почти не покидают территорию детского дома, и мир для них — это маленькое огороженное пространство, — произнесла воспитательница. Она поняла, о чем я думаю. Я подавленно молчала.

— Вы пообедали с нами? — спросила она.

— А можно, я еще раз приду?

Она улыбнулась одними глазами.

«Детский дом — это учреждение, где живут дети, которых наказали несколько раз. Сначала их бросили, а потом изолировали от общества. Их выращивают в искусственном мире, лишив самого главного витамина детства — любви, а затем выбрасывают в жизнь на выживание». Так я начала свой репортаж из казенного дома. Потом подумала и стерла написанное. Я не была готова писать на эту тему.

Я стала бывать там каждую неделю. Сначала мне казалось, что я просто хочу вникнуть как следует в сложную тему и написать хороший репортаж. Потом поняла, что мне хочется понять этих детей и помочь им. И даже в глубине души я боялась признаться себе, что главная причина моих походов в этот казенный дом — это молчаливый мальчик с грустными глазами. Его звали Алешей, и он собирался идти в первый класс. В нем не было ничего особенного, если не считать выразительных карих глаз, которые так красноречиво говорили о том, что у этого ребенка внутри... Он заикался, поэтому всегда молчал. Когда я впервые увидела глаза этого человечка, они сказали мне больше, чем могут рассказать друг другу люди при долгом общении.

— Расскажи о себе, — попросила я его, когда мы уже стали понемногу общаться.

— М-мы, м-мы... — Он стал заикаться и удрученно замолчал.

— Почему ты говоришь «мы»? Ведь я прошу рассказать о себе.

Позже я узнала, что детдомовские дети обычно не говорят «я», они привыкли говорить о себе во множественном числе, потому что не разделяют себя и свою коммуны.

— Давайте поиграем в магазин. Я продавец, а вы покупатели. За деньги вы можете приобрести любой товар в моем магазине! — Я изо всех сил пыталась приобщить детей к нашей, реальной, жизни.

— Дайте мне пять килограммов конфет! — И малыш протягивает мне все «деньги».

— А зачем тебе так много?

— Это на всех. — Ему был непонятен мой вопрос.

— Но у тебя совсем не останется денег, — попыталась я научить его практичности.

— А зачем они нужны?

Господи, ну как объяснить этим несмышленишкам, зачем в этой жизни

нужны деньги?

— Понимаешь, за деньги можно купить все, что тебе нужно.

— Вот за такие бумажки? — На его лице написано удивление.

— Да, именно за такие бумажки.

— Тогда я хотел бы купить маму...

Алеша не сразу привык к моим визитам и не сразу поверил, что я прихожу именно к нему. Наверное, боялся разочарований. А я очень боялась его разочаровать.

— Ты будешь приходить ко мне, даже если узнаешь, что я плохой? — Взгляд пытливых детских глаз пронзил меня насквозь.

— Но ведь ты не плохой, ты хороший! — Я улыбнулась сквозь слезы.

— А если я стану плохим, ты все равно п-п-придешь? — с трудом договорил фразу Алеша.

— Ты для меня всегда будешь самым хорошим, и, что бы ни случилось, я приду.

Однажды я уговорила своего институтского приятеля составить мне компанию. Когда мы зашли в группу, дети уставились на него с изумлением, а потом хором стали кричать: «Как тебя зовут?»

— Меня зовут Саша, — ответил он чинно.

— Ура! Мама Саша пришла!

Тут уже наступила наша очередь удивляться. Почему «мама Саша»?

— Они просто не знают, что такое папа. А мужчин вообще видят только по телевизору, ведь у нас весь персонал женский, — объяснила нам воспитательница.

— Вы думаете, почему детдомовские после выхода отсюда в большинстве своем пополняют тюрьмы? Потому что мы не оставляем им шанса. Они не представляют, что за пределами этого заведения мир живет по другим правилам. В Большом Мире ничего не раздают просто так, там за все надо платить, а они денег в глаза не видели. А когда они берут просто так, им объясняют, что они украли, и сажают в тюрьму.

— И что, ничего нельзя сделать?

— Я прошла эту школу по полной программе, — сказала женщина. — Вам не понять, что это такое, когда у тебя нет своего уголка, где ты можешь побыть наедине с собой и где тебя никто не тронет. Когда у тебя нет ничего своего, а все только казенное. И когда на целой Земле нет твоего человека, который любит тебя ни за что, просто так, потому что ты есть. Который принимает тебя любого — хорошего и плохого, — потому что это ты. И когда не надо никому ничего доказывать. Я только сейчас поняла, какое это счастье — есть, когда хочешь, и спать, когда хочешь, а не когда это положено по режиму. — Она смахнула слезу, и я вдруг увидела, что у нее та же боль в глазах, что и у Алешки.

— Вы выросли в этом же детдоме?

— Нет, меня нашли на вокзале и передали в Дом малютки, а потом этапом по детдомам и интернатам. Знаете, я до сих пор ненавижу детские сказки, потому что нас загоняли в постель и в обязательном порядке читали сказку на ночь и мы были обязаны ее дослушать. А когда после сказки гасили свет, я накрывалась одеялом с головой и плакала, так мне хотелось родителей. Чтобы меня погладили и поцеловали. И подарили подарок на день рождения. У нас

ведь день именинника был раз в месяц. Один на всех.

Я взглянула на Сашу. У него от всего увиденного и услышанного голубые глаза стали темно-синего цвета. Он закурил и, торопливо попрощавшись, ушел. А я вернулась в группу к Алеше. Он сидел у окна и смотрел на мир сквозь решетки.

— У тебя есть секреты?

— Есть. Я прячу их в тайнике, — сказал он шепотом.

— А что там у тебя? — Я тоже перешла на шепот.

— П-п-исьма.

— Какие письма?

— Я писал тебе письма и прятал их.

В тот день я решила для себя, что это мой человечек. Я поднялась к заведующей и попросила мальчика на выходной. Мы ходили по Нашему Миру (как он его называл), взявшись за руки, и я боялась выпустить из своей руки его доверчивую ладошку.

Его глазенки сияли любопытством и восхищением, а я чувствовала себя его мамой. Но оказалось, что стать мамой намного сложнее, чем почувствовать. У меня не было квартиры, мужа и стабильного заработка, а потому я не могла усыновить этого ребенка. Со всеми молодыми людьми, с которыми я начинала встречаться, у меня происходил один и тот же разговор о том, что в дальнейшем я хочу усыновить мальчика. Разговор, как правило, заканчивался одной и той же фразой: мол, время покажет. Время показывало, что мы не пара, и я снова и снова начинала все сначала.

А потом появился Сергей. Он был художником в душе и в жизни. Я почувствовала в нем родственную душу сразу, и уже не было никаких сомнений, что мы будем рисовать нашу жизнь вместе. Заботы об Алеше отошли на второй план. Я почувствовала себя любимой и желанной и хотела, чтобы время остановилось. Мы жили в его квартирке, оборудованной под мастерскую, и были счастливы. Я ничего там не меняла и не переставляла, чтобы сохранить ее удивительную творческую атмосферу. Он писал свои картины, а я — свои репортажи, и нам было очень комфортно. Когда я заговаривала об Алеше, он не возражал, но мягко предлагал повременить с решением.

Когда я приезжала в детский дом, то боялась встречаться взглядом с Алешей и невольно отводила глаза. Мне было стыдно за то, что свой выбор я, по сути, сделала. Когда на одной чаше весов любимый мужчина, а на другой — чужой ребенок, то весы сами по себе склоняются в сторону пресловутого женского счастья.

Однако вскоре перед выбором встал Сережа. Так получилось, что у него появилась поклонница, которая днем смотрела на своего учителя широко открытыми глазами, а по ночам писала ему страстные письма. Сначала он показывал мне листки бумаги, на которых каждая строчка дышала страстью, потом стал избегать разговоров на эту тему, а затем и вовсе стал удаляться на кухню для разговоров по телефону. С телефоном вообще стали происходить какие-то «непонятки». Когда я брала трубку, там красноречиво молчали. Иногда молчание продолжалось, когда трубку брал Сережа.

Когда однажды я застала их вдвоем, то даже не очень удивилась. Ну не устоял. Ну соблазнился. Ну не справился. Девочка молода, хороша собой и влюблена. А что я? Уже не первой свежести. Да еще с навязчивой идеей усы-

новить чужого ребенка. Все банально и понятно.

Мы, как две самки, боролись за своего самца. Я старалась лучше выглядеть, готовить и писать, а она старалась в постели. За всей этой круговертью я как-то совсем забыла о своем мальчике, который отчаянно ждал меня в своем казенном доме. Мне было не до него. Я на своем горьком опыте поняла, что значит «мы в ответе за тех, кого приручили». Сережа приучил меня к семейной жизни, когда в доме тепло и есть о чем поговорить долгими вечерами. Когда ты кому-то нужен и этот кто-то очень нужен тебе. Но почему, когда наступает идиллия, обязательно случается «вдруг». Вдруг появляется молодая и красивая и тоже претендует на долгие вечера и страстные ночи. И ты понимаешь, что надо или смириться, или бороться. Но ни на то ни на другое нет сил.

Когда я уже окончательно запуталась в этой ситуации, мне вдруг приснился Алешка. На следующий день я вспомнила, что не видела его уже больше двух месяцев и что за это время он ни разу мне не позвонил. Я накупила подарков и гостинцев и помчалась в детский дом.

В игровой комнате Алеши не было. В спальне тоже. Воспитательница отвела взгляд. Предчувствуя недоброе, я побежала наверх к директору.

— Алешу усыновила семья из Америки. Очень хорошая, состоятельная семья, — сказала мне директор. И, предвидя мой вопрос, добавила: — Существует закон о тайне усыновления. Поэтому сожалею, но мы ничем не сможем вам помочь.

Кажется, в этот момент я впервые поняла, что такое невозполнимая утрата. Никогда в жизни я не плакала так горько и так безутешно. Очнулась я во врачебном кабинете. Рядом стояла воспитательница.

— Он вас очень ждал. Выглядывал каждый день. Бегал встречать каждый вечер. И все время звонил. Наверное, он не мог говорить, потому что от волнения заикался. Даже в аэропорту он все время оглядывался...

Я, не прощаясь, вышла и поехала к Сереже, чтобы забрать свои вещи. Решение созрело само собой.

Уже спускаясь по лестнице с сумкой, столкнулась со своим теперь уже бывшим мужчиной.

— Ты куда? Леся, ты не права. Давай начнем все сначала. Хочешь, заберем твоего Алешку и будем жить как полноценная семья?

Что я могла ответить?..

ЯИЧНИЦА НА ПОТОЛКЕ

Когда я выходила замуж, я хотела, чтобы у меня в семье была не диктатура, а демократия. Так и получилось. «Все можно!» — это был наш девиз. Можно есть в кровати или на ковре перед телевизором. Можно поздно ложиться и поздно вставать.

Питаться шоколадом, бананами и йогуртами — их не надо готовить! Жить не по режиму, не по правилам и делать все не «как люди», а как захочется. А хотелось кидаться подушками, сутками смотреть видик, играть в телефонных террористов и ни в чем себе не отказывать. Спали мы на полу на огромном матрасе, обычно до трех часов ночи весело хохотали и от смеха сползали с этого матраса.

Так мы и жили с мужем первые три года, а потом появилась дочка. Она тоже хотела не подчиняться правилам, а жить, как ей нравится. А нравилось ей гулять непременно в три часа ночи, а все остальное время упражняться в громком крике. Питаться она предпочитала исключительно кашками сложного приготовления и требовала круглосуточного общения.

Уже с пяти лет малышка стала проявлять характер. Она надевала только то платье, которое хотела, ела только то, что нравилось, и время для сна тоже выбирала сама. Однажды я решила проучить упрямцу и закрыла ее в туалете со словами: «Пока не подумаешь о своем поведении, не выйдешь». Что вы думаете? Она просидела там целый день и целый вечер, но принципами так и не поступилась. Пришлось смириться и принимать ее как самостоятельную единицу. Права человека есть права человека. Даже если этому человеку всего пять лет.

А потом появился сын (в детях мы решили себе тоже не отказывать) — и началась и вовсе веселая жизнь. Муж с утра уезжал на работу, а я развлекалась с детенышами. Мы катались втроем, съезжая с детской горки прямо в лужу, и ужасно радовались то ли брызгам, то ли крикам ужаса бабушек с детской площадки. Потом шли домой, где царил «вселенский» хаос, состоящий из детских игрушек, фотомастерской, которую муж устроил прямо в комнате, и спортивных снарядов, к которым мы «прикладывались» на досуге. Но нам нравилось! Это был наш мир.

Готовила я редко и плохо. Но иногда мне хотелось поразить семейство кулинарными изысками, и я пекла конфеты из моркови и печенье из свеклы. Дети сначала честно пытались все это есть, потом начинали всем этим бросаться и в итоге просто строили домики. Бывало, я даже ставила дрожжевое тесто, и тогда все ходили на цыпочках и говорили шепотом, чтобы «не спугнуть». Но оно все равно чего-то пугалось, и пирожки не получались.

Как-то раз во время моего очередного кулинарного приступа я случайно услышала, как мои дети негромко переговариваются между собой:

— Так есть хочется...

— Самое главное, маму не спугнуть, а не то у нее опять все подгорит...

Когда я злилась на детей, то наказывала их тем, что... выбрасывала их вещи. Игрушки и книжки летели на улицу через окно. Благо, мы обитали на первом этаже. Как только я «закипала», малыши тут же, как по команде, кидались прятать самое ценное.

Однажды, когда дети сильно поругались, я с удивлением наблюдала такую

сцену. Дочка схватила машинку и бросила ее в окно. Сын тут же бросил туда же ее кофточку и куклу. А потом началось соревнование: кто больше всего выбросит. Когда коробка с игрушками и почти весь гардероб были отправлены за окно, детям этого показалось мало, и они, выбежав на улицу, отнесли все это на дорогу.

Вот тут-то у меня и закралось первое сомнение насчет правильности демократического воспитания. Но как я могу сказать, что так делать нельзя, если сама так делаю?

Ругались мы с мужем обычно «по-итальянски». То есть громко и темпераментно. Однажды, когда самые дешевые тарелки уже были разбиты, в ход пошли крупы. Я демонстративно рассыпала соль посреди кухни, муж тут же включился в игру и высыпал туда же все запасы сахара и гречки. Я достала из холодильника яйцо и бросила его в стену. Оно разбилось и живописно потекло по стене. Муж достал оставшиеся яйца и разметал их по потолку. Когда наша кухня являла собой «Куликово поле», мы успокоились и стали дружно убирать.

Дети с интересом наблюдали за военными действиями, и когда на следующий день я обнаружила в комнате на полу всю провизию из холодильника, то сразу поняла, что дети просто выясняли отношения.

Понимая, что с детьми надо обязательно играть, однажды я предложила банальные прятки. Когда уже под столом, в ванной и за шкафом прятаться стало неинтересно, меня осенило. Я вышла в коридор, обула сапоги, которые стояли под вешалкой, надела пальто, висевшее на той же вешалке, на лицо нахлобучила мужнину шапку и замерла. Дети бегали по квартире в поисках мамы уже полчаса.

Они обшарили все уголки, и азарт сменился недоумением, потом испугом, а потом просто страхом. Мои «киндеры» с плачем ходили по малюсенькой однокомнатной квартире и просили: «Мама, найдись!» Им и в голову не приходило, что «продвинутая» мама парится в зимнем «прикиде» и ждет момент, чтобы объявить о себе. Когда малыши очередной раз обреченно проходили мимо вешалки, я радостно схватила их со словами: «А вот и я!!!»

Реакция последовала незамедлительно. Дочь хорошо поставленным голосом заорала: «Ма-ма-а-а!» — и бросилась в комнату. А сын просто рухнул от страха на пол, закрывая руками лицо от страшного «Бабая».

С тех пор на мое предложение поиграть дети неизменно отвечают: «Только не в прятки!»

А потом я пошла работать по специальности, то есть водить экскурсии по городу, а дети отправились в «казенные дома» — в школу и в садик. Но там к их экстравагантным выходкам относились настороженно. Когда сын в знак несогласия с соседкой по столу вылил ее компот, а дочка вышвырнула пенал обидчика за окно, их, мягко говоря, не поняли.

А недавно моя подростковая дочка заявила, что, когда она выйдет замуж, у нее в семье будет демократия.

— Это как у нас? — спросила я.

— Нет, мама, у нас не демократия. У нас — анархия, — изрекла она.

СЕКС НА ЭКСПОРТ

Я всю жизнь прожила с алкоголиком. Всю жизнь — это двадцать лет брака. А до этого росла в семье алкоголика. То есть очень плавно от пьющего папы перешла к пьющему мужу. Не знаю, почему так произошло, психологи утверждают, что это закономерно.

Так или иначе, но мне казалось, что к сорока годам я уже прошла все круги ада. Тяжелая работа, вечная бедность, постоянные дебоши и скандалы в семье. Если прибавить сюда еще бездетность, то картина будет полной. Я никак не могла понять, почему одни люди рождаются удачниками, а другие всю жизнь маются. Мне казалось, что хуже бедности, страшнее бездетности и постылее пьяницы-мужа уже ничего не может быть. Как я заблуждалась...

Однажды после рабочего дня мы собрались своей «базарной» компанией выпить и поговорить «за жизнь». Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг стала жаловаться на судьбу.

— Надоело! Все надоело! Достала судьба-злодейка, — сказала я в сердцах и выпила горькую водку до дна.

— Значит, надо изменить судьбу, — тихо сказал Олег и внимательно посмотрел на меня.

Я растерялась. На меня так оценивающе уже давно никто не смотрел. Я машинально поправила прическу. Хотя куцую короткую стрижку с отросшими корнями сложно было назвать прической. Взглянула на себя в отражение витрины и отвела взгляд. Опущенные уголки губ и морщины красноречиво говорили о моей жизни.

— Если не доволен тем, что имеешь, значит, имеешь больше, чем заслуживаешь, — многозначительно сказал Олег. — Люся, ты же еще интересная женщина. Зачем ставишь на себе крест? Можешь поехать за границу поработать, глядишь, и мужа себе найдешь. — Он подмигнул мне.

— Да кому я нужна? Там своих таких хватает.

— Не скажи. Фрау не очень-то хотят утруждать себя грязной работой. А горничные из Восточной Европы всегда в цене. Имеет смысл попробовать, а то всю оставшуюся жизнь будешь на судьбу жаловаться.

Этот разговор долго не давал мне покоя. А может, правда попробовать? За границей я не была ни разу, жизнь их видела только в сериалах да в «Новостях». Я стала наводить справки об Олеге. Напарница моя, Галка, сказала: «Кажись, в Германию мотается. Бизнес у него там какой-то. Позвони. Спроси». И дала визитку. На ней были какие-то мудреные слова «менеджер по внешне-экономическим связям» и домашний телефон.

Когда я позвонила, Олег и не удивился, как будто ждал моего звонка.

— Надумала? Вот и молодец. Встретимся завтра в кафе «Мрия», приноси паспорт и фотографии. Я помогу оформить визу. Звонили друзья, сказали, что срочно требуется уборщица в большом частном доме недалеко от Берлина. Так что, считай, тебе повезло.

Так не бывает! Я не могла поверить в свою удачу. Неужели и на моей улице будет праздник? Я уже рисовала себе картинки из будущего: как я, ухоженная, обеспеченная и любимая, приезжаю в Украину со своим мужем, каким-нибудь гермом...

Муж на мой отъезд не среагировал. Это животное думало только об очеред-

ной рюмке. Соседей я не посвящала, а пожилые родители жили далеко. Короче, меня в этой стране никто не провожал и не ждал. Я покидала родину легко, торопясь к своей новой жизни.

Олег выполнил все свои обещания. Мало того что он оформил загранпаспорт и визу, так еще и денег за это не взял. Лишь заметил небрежно: «Должна будешь. Разбогатеешь — отдашь». Он лично посадил меня на поезд и сказал, что его друг будет встречать меня в Берлине.

Я уселась на мягкий диванчик купе и закрыла глаза. Время до Берлина прошло незаметно. Я уже не помню, когда могла вот так сидеть и ничего не делать. Последние годы жизни были спрессованы в жесткий график. С девяти утра до восьми вечера в любую погоду на рынке в палатке. Все время надо быть начеку: то покупатели что-то стащат, то хозяин надурит. Выходные — стирка, уборка, готовка. Летом — еще огород. И это все. Конечно, в Германию я тоже еду убирать, стирать и готовить. Но мне за это будут платить, причем валютной.

На вокзале я даже не успела оглядеться как следует, как ко мне подошел молодой парень и пригласил в «мерседес». Мы помчались по гладкой, ровной дороге навстречу моей новой жизни.

Машина мягко затормозила у огромного дома. В окнах цветы, все так ухожено, красиво.

— Здесь я буду работать? — с нескрываемой радостью спросила я.

— Нет, здесь вы сегодня отдохнете, а завтра мы отвезем вас на место. Успеете еще поработаться, — усмехнулся парень. — Кстати, дайте мне свой паспорт, я выпишу данные для работодателя.

Что — то злое было в его усмешке, но мне некогда было анализировать. Я вошла в дом. Там, кроме меня, расположились две девушки — Таня и Наташа. Они приехали из Прибалтики и тоже на работу. Родители, бывшие военные, в связи с новыми законами потеряли работу, и девчонки примчались осваивать Европу. Они все время так заразительно хохотали, что я тоже не удержалась и впервые за много лет рассмеялась какой-то совершенно глупой шутке.

Меня разбудили среди ночи.

— Собирайтесь.

— Куда собираться?

— На работу, — был ответ.

— А что, нельзя до утра подождать?

— Значит, нельзя, — холодно сказал парень и пошел к машине.

Я взяла сумку и, даже не попрощавшись с хохотушками, послушно села в автомобиль.

Мы ехали в крошечной тьме. В машине повисла напряженная тишина. И у меня внутри появилась какая-то неосознанная тревога. Что я делаю в этой чужой стране? Куда они меня везут? За окном мелькали двухэтажные коттеджи, похожие друг на друга, как близнецы-братья. Машина мягко притормозила возле одного из них.

— Что это? — спросила я своего попутчика.

— Это гостиница. Переночуете здесь, а утром поедем дальше, — сказал он спокойно.

Огромные стеклянные двери совершенно бесшумно открылись лишь после

того, как парень ввел в отверстие специальную магнитную карточку. Водитель остался в машине, а мы с моим провожатым вошли в темный вестибюль. Парень очень хорошо ориентировался в темноте. Он прошел по узкому коридору и включил светильник, затем нажал кнопку лифта. «Ничего себе, у них даже на второй этаж лифт ходит», — подумала я. Тогда меня совсем не удивило отсутствие в гостинице персонала, я решила, что так положено. На втором этаже тоже был длинный узкий коридор, а вдоль него располагались комнаты. Моя оказалась самая крайняя. Парень открыл дверь все той же магнитной карточкой и пропустил меня внутрь.

Малюсенькая комнатка, в которой помещались только кровать, тумбочка и зеркало. На окне жалюзи, на стене висит телевизор и видео. Рядом ванная, выложенная розовым кафелем, и масса разных баночек-скляночек. Я поставила сумку на пол и стала осматриваться. Парень холодно взглянул на меня и не прощаясь вышел.

Я села на кровать и посмотрела на себя в зеркало. Уставшая, немолодая, перепуганная женщина. «Все будет хорошо», — повторяла я себе, чтобы успокоиться, и незаметно провалилась в сон. Проснулась я резко, как от толчка. В комнате было светло и очень тихо. Я встала, подошла к окну и открыла жалюзи. То, что я увидела, повергло меня в ужас. Окно выходило во дворик, напоминающий тюремный, а на окне была решетка. Я подбежала к двери и попыталась ее открыть. Бесполезно. На двери даже не было никаких замков. Я была закрыта, как в сейфе.

Забежала в ванную. Попыталась открыть кран, чтобы попить воды, но кран не подчинялся. Я слышала, что за границей кран надо не крутить, а проводить по нему рукой. Как я ни водила по этому крану дрожащими руками, он не включался. За этим занятием меня и застала горничная. Она неслышно вошла в номер и наблюдала за мной. Я так обрадовалась, когда увидела ее, что меня даже не удивил ее странный внешний вид. Прозрачный пеньюар, сквозь ткань которого просвечивало черное кружевное белье и чулки на поясе. Обута она была в туфли на высоченной шпильке. Завершал наряд маленький кружевной передничек.

— Привет, — на чистом русском языке сказала она.

— Здравствуйте.

— С прибытием тебя, когда приступаешь к обязанностям? — бесцеремонно спросила она.

— К каким обязанностям?

— К непосредственным.

В этот момент в комнату влетел разъяренный парень, тот, который меня сюда привез.

— Тебе кто разрешил сюда прийти? — грозно спросил он у «горничной». — А ну марш в свою келью!

Посетительница исчезла так же быстро, как и появилась. На мой недоуменный взгляд парень сказал:

— Значится, так, будешь работать пока здесь, а через две недели переедешь в другое место.

— Кем работать? — спросила я.

— Проституткой! Если тебе будет трудно, скажешь, я дам наркотики, — добавил он будничным тоном и вышел, прихватив мою сумку: — Это тебе боль-

ше не понадобится.

О Господи! Я буду работать проституткой? Я? Да он что-то перепутал, он что, не видит, что я немолодая и некрасивая? Да и потом, я не умею... Мысли вихрем пронеслись в голове. Я снова вбежала в ванную, и тут взгляд упал на полочку с косметикой. Среди баночек с кремами и шампунями лежали аккуратно сложенные презервативы.

А вскоре появился и первый клиент. Я не забуду его никогда. Он был толстым и рыжим. От него несло пивом и рыбой, бензином и потом. И я, прожившая жизнь с алкоголиком, не видевшая ничего хорошего на своем веку, вдруг отчетливо поняла, что такое настоящий ужас. Это когда тебя нет, а есть кусок мяса, который продается. И купить его может любой желающий. Это когда ты не свободный человек, а раб своих хозяев.

Жизнь остановилась.

Клиенты менялись, но мне казалось, что это все один и тот же усредненный толстый бургер, от которого несет как из пивной бочки и которому что меня отыметь, что пива выпить.

Было ощущение, что кто-то прокручивает одну и ту же заезженную киноплёнку, на которой мужчина и женщина занимаются любовью. Не любят друг друга, а именно занимаются. Я уже не отождествляла свое тело с собой. Его насиловали или ласкали, а мне было все равно. Я никак не могла понять, почему меня здесь закрыли и когда эта чудовищная ошибка прояснится.

Иногда я выглядывала из коридора на первый этаж, где сидел охранник. Туда же приезжала «братва». Они раскладывали деньги прямо на столе. Эти ровные пачки денег и была цена нашей свободы. Однажды я услышала шум.

— Неприятности у нас, эта прибалтка умерла. Сердце не выдержало. Что теперь с ней делать?

— Закопать. Она ведь без паспорта. Никто и не хватится.

— Мне это совсем не нравится.

— Если хочешь большего, рискни всем, что имеешь! — был ответ. И голос, и выражение показались знакомыми.

Боже! Да это же Олег! Когда я до конца осознала, что стала частью заговора, что меня просто продали, как кусок второсортной говядины, я чуть не задохнулась от бессилия. И если до сих пор я жила по инерции, не считая дней и смирившись со своей участью, то вдруг что-то изменилось. Стало ясно, что помочь мне могу лишь я сама, и решила, что свою жизнь им просто так не подарю. С этого момента я стала внимательно ко всему приглядываться и прислушиваться.

Случай представился очень быстро и неожиданно. В связи со смертью девочки из Прибалтики (у меня было подозрение, что это одна из хохотушек) «братки» засуетились и ослабили контроль. Ко мне третий раз за неделю приехал тот же клиент — Ханс.

Я его запомнила, потому что он не был похож на остальных. Во-первых, всегда мне что-то привозил. Коробочку конфет или заколку для волос. Во-вторых, мне казалось, что он меня жалел. Короче, я стала перед ним на колени и, заливаясь слезами, поведала свою горькую историю. Он, конечно, ничего не понимал, но, видно, мое состояние передалось ему, и он решил помочь мне. Мы соорудили веревку из простыней, укрепили ее в комнате, где останавливаются клиенты (единственное место в гостинице без решеток на окнах), и я по

этой веревке спустилась во дворик. Ханс быстро посадил меня в свою машину, и мы помчались в Берлин.

Я была одета в спецодежду с чулками и подвязками и, кроме того, была без обуви. В ноябре месяце — явно не по сезону. Первый же полицейский забрал бы меня в участок. Но видно, судьба сжалилась надо мной. В Берлин мы приехали, когда уже стемнело. Оставив меня в машине, сердечный Ханс купил одежду в первом же магазине, чтобы я могла быть похожей на нормальную женщину. Затем он позвонил в какую-то общественную организацию и, вручив мне листок бумаги, на котором был написан адрес «явки», торопливо попрощался и уехал. Я даже не успела поблагодарить своего спасителя, как оказалась одна-одинешенька посреди чужого города. Я шла по темным улицам и крепко сжимала в руке заветный адрес. Внешне я была похожа на немок — такая же никакая. Естественно, я не могла ни у кого ничего спрашивать, у меня не было документов, да и нарваться на своих продавцов я панически боялась. То, что они уже бросились на мои поиски, сомнений не было. Я шла и думала о том, что когда-то советские мальчишки погибали, чтобы спасти своих женщин от немецкого плена, а сегодня внуки победителей сами продают нас в немецкое рабство...

Когда я наконец нашла нужную организацию, совсем стемнело. Меня накормили, сводили на склад секонд-хэнда, где я выбрала кое-какую одежду, и передали в руки женщине, которая говорила на моем родном языке.

— Вам лучше добираться окружными путями и на автобусе. Потому что в поездах проводники наверняка уже имеют ваше фото и вы не доедете даже до Чопа.

— У меня нет паспорта, — сказала я.

— Ничего страшного, мы оформим вам документ. — Она посмотрела на меня с сочувствием.

Впервые за последние три месяца на меня смотрели как на человека.

— Вам знакомы эти лица? — спросила женщина, протягивая фото.

На меня смотрели те самые девчонки — хохотушки из Прибалтики. Но они были разукрашены, словно на карнавал.

— Да, да, я встречалась с ними, мы ночевали вместе, когда нас везли по этапу.

— Одна из них пропала без вести, а другую перепродали в Югославию, — сказала моя собеседница грустно. — Мы сейчас пытаемся найти пропавшую девушку, ее родители серьезно обеспокоены.

— Она умерла от инфаркта, и ее закопали, — произнесла я спокойно и сама удивилась своему спокойствию.

— Спасибо за информацию, надеюсь, у вас все будет хорошо. Когда доберетесь, сообщите нам, пожалуйста, — сказала она на прощание.

Я ехала домой на автобусе. За окном мелькали европейские пейзажи, но я на них не реагировала, потому что я возвращалась на родину.

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

Я забеременела в 15 лет. В это время девочки еще спят с мягкими игрушками и смотрят по телевизору «Первые поцелуи». Моя беременность не была «залетом от случайной связи», как сейчас говорят. Она была результатом большого и светлого чувства, каким может быть только непорочная первая любовь.

Самое интересное, что мама всегда предупреждала меня: «Мальчики плохо заканчиваются». Моей беременности она боялась больше всего, и это несчастье приключилось почему-то именно со мной. Хотя, если честно, несчастьем я это не считала.

Когда я узнала, что во мне кто-то поселился, первыми чувствами были удивление и восторг — так я стану мамой?! Я с интересом рассматривала себя в зеркале. Полненькая девушка с яркими голубыми глазами. Никаких признаков беременности. Я вертелась перед зеркалом и представляла, как буду выглядеть с большим животом. А ведь Сережка еще не знает. Я еще раз, словно на лабораторной работе по химии, провела тест на беременность. Опустила лакмусовую бумажку в мочу и на ней засветились две полоски. Значит, есть контакт!

И тут на меня обрушилось второе чувство — страх. Что теперь будет? Никогда не забуду реакции родителей. Мне казалось, будто это вовсе не мои родители, а кровные враги, которые готовы убить еще не родившегося человечка собственными руками. Чего я только не узнала о себе. И что я гуляющая девка, и что загубила свою молодость и опозорила их. И даже что они всегда знали, что я принесу ребенка в подоле.

Я видела эту сцену как будто издали. Эти люди, которых до недавнего времени я считала своими самыми близкими и родными, кружили надо мной, словно коршуны, и кричали, что не допустят рождения незаконного ребенка. «Незаконный, незаконный...» — эхом проносилось в голове.

— Короче, завтра же едем делать аборт, — сказала мама тоном, не вызывающим возражений. Всю ночь я просидела, обнявшись с плюшевым мишкой, которого подарил мне мой Серега. Я очень хотела с ним созвониться, но телефон предательски молчал. Меня специально отключили от внешнего мира, чтобы сломить и подавить.

С приходом утра надежда растаяла как туман. Меня, как безвольное существо, погрузили в машину и отвезли в больницу. Безо всяких формальностей завели в кабинет, распяли на кресле, а затем вырубили каким-то уколом. Последнее, что я помню — мясников в белых халатах, которые злоеще гремели своими смертоносными инструментами. Помощи ждать было неоткуда, мать равнодушно отвернулась к окну.

После наркоза я проснулась совсем другим человеком. Из меня вынули не только плод моей первой любви, а навсегда вырезали любовь и доверие к родителям, удалили веру в справедливость и большое счастливое будущее. Детство закончилось, я стала взрослым человеком. Я вернулась домой вместе с родителями совершенно безучастная ко всему и забылась тяжелым тревожным сном.

Меня разбудил резкий телефонный звонок. В трубке звучал радостный голос Сергея:

— Ты куда пропала? Никак не могу тебе дозвониться. Я соскучился. Почему молчишь? Как дела?

У меня было чувство, что это звонок с того света.

— Алле! Люся! Ты меня слышишь?

Он еще ничего не знал. Он по-прежнему был беззаботным влюбленным мальчиком. Как ему сказать?

— Я не могу сейчас говорить. — И повесила трубку.

Когда через полчаса раздался звонок в дверь, в коридор поспешила вездесущая мама.

«И вообще, молодой человек, чтобы я вас здесь больше не видела!» — долетел до меня конец разговора.

Через неделю мое заточение закончилось, и я пошла в школу. На углу неожиданно для себя столкнулась с Сергеем. Он смотрел на меня испуганно. Подошел, взял за руку и тихо произнес: «Что мы с тобой натворили?»

Мы долго смотрели друг на друга и молчали. Я не стала рассказывать, как меня истязали, не стала говорить о том, как ждала его помощи и не дождалась, и даже о том, как мне жалко нашего нерожденного ребенка.

Дальше становилось не легче, а все труднее и труднее. Мама строго-настрого запретила Сергею видеться со мной, и мне казалось, что мне сделали еще один аборт. Я не могла простить матери потерю своего ребенка, и атмосфера неприязни в доме накалялась с каждым днем. Мать, собственно, не чувствовала себя виноватой и искренне полагала, что «спасла меня от позора». Более того, даже моя младшая сестра считала, что я совершила грязный поступок.

— Что же здесь грязного, если человечество существует только благодаря тому, что люди спят друг с другом, а потом рождаются дети? — спрашивала я сестру.

— Но дети должны быть законными, — не сдавалась она.

— Дети никому ничего не должны. Это раз. И потом, кто определяет эту самую «законность»? Тетя в загсе?

— На самом деле ты чуть не опозорила семью. — Сестра смотрела на меня с вызовом.

— Чуть-чуть не считается. — Я едва сдерживалась, чтобы не залепить ей пощечину.

В этот момент неожиданно вошла мама. Даже не взглянув в мою сторону, она произнесла, обращаясь к сестре:

— Не разговаривай с ней, это бесполезно, она все равно ничего не поймет.

— Поймешь ли ты когда-нибудь, что убила моего ребенка и своего внука?! — Я даже не заметила, как перешла на крик.

— Это тебя надо было убить! Дрянь!

Я вскочила и как была — в тапочках и спортивном костюме — выбежала из дома. В ушах звенело это емкое и хлесткое «дрянь!» Почему, собственно, я дрянь? Что такого страшного я сделала? Я шла, не разбирая дороги, тупо глядя себе под ноги.

Тапочки промокли и испачкались. Стал накрапывать дождь. Все, кому было куда идти, спешили укрыться от непогоды, и только я наматывала круги по микрорайону и с ужасом понимала, что мне идти некуда.

После пятого круга на смену злости и обиде пришли усталость и апатия. И в этот момент я столкнулась с молодым человеком, который бесцеремонно пе-

регородил мне дорогу и, протянув руку, сказал:

— Влад.

— Люся, — машинально ответила я и уже собиралась его обойти, когда он вновь встал у меня на пути:

— У тебя что-то случилось?

— У меня уже все случилось, — ответила я и заплакала.

Мы стали встречаться. А как только мне исполнилось семнадцать лет, поженились и я ушла из дома к мужу.

Он был значительно старше и относился ко мне по-взрослому. Не могу сказать, что очень любила Влада, но чувствовала к нему искреннюю благодарность за то, что он меня понял и взял «в замуж». Потому что мама уже успела убедить меня, что я «грязная» и никому не нужна.

А потом у нас родилась дочка. Законная. У которой были папа и мама. И они были совершеннолетние и состояли в браке. Я смотрела на свою дочку, и мне было очень жаль, что она никогда не увидит своего старшего брата, которому не суждено было родиться.

Так или иначе, но я стала мамой и вскоре растворилась в ежедневных заботах о малышке. Они поглощали меня всю целиком. Влад оказался внимательным папой и с удовольствием помогал мне. Однажды, выгуливая наше сокровище, мы столкнулись с Сережей. Он шел с девушкой и беззаботно о чем-то болтал. Увидев нас, напрягся и опустил глаза. Вскоре я узнала, что он тоже женился и у него тоже родилась дочка. Люся. В честь меня.

Иногда сквозь годы я слышу мамин голос: «Ты пойми, у тебя вся жизнь впереди. Тебе надо выучиться, встать на ноги, сделать карьеру. Успеешь ты еще родить». «Жизнь, которая впереди» бежала очень быстро, но карьерного роста не случилось. Жертвоприношение оказалось напрасным. Я так и не смогла простить родителям прессинга и ужасного результата. Жизнь прошла с другим человеком, другим ребенком и по совсем иному сценарию.

Много лет я жила между мечтой и реальностью, между тем, что случилось, и тем, чего не случилось. А реальность такова, что моей дочери уже почти пятнадцать, а я еще ни разу не говорила с ней о любви и о мальчиках, которые не всегда заканчиваются плохо. И о своей жизни. Как ей объяснить, что иногда приходится выбирать между надуманной моралью и реальным убийством? Как рассказать, что даже в наше время в угоду общественному мнению избавляются от детей? Поймет ли она, что законность распространяется не только на брак и любовь, но и на детей?

Однажды неожиданно позвонила мама. Не по телефону, а в дверь. Она порывисто меня обняла, и я растерялась от такого проявления чувств.

— Проходи.

Мать прошла на кухню и стала выкладывать из сумки конфеты, кофе, сухофрукты.

— Мам, что случилось? — Я смотрела на нее испуганно.

— Захотелось с тобой поговорить.

— О чем?

— Давай заварим кофе. — Она явно волновалась. Я послушно включила кофейник.

— Знаешь, последнее время я стала терять зрение, поэтому и пошла в поликлинику обследоваться. Сажу в коридоре в очереди, народу много, ждать дол-

го. Разговорила с соседкой. Она мне, сама того не подозревая, открыла глаза на многое.

— Ты меня пугаешь. — Я отложила чашки в сторону, уселась напротив и приготовилась слушать.

— Она рассказала мне грустную историю о том, как ее сын любил девочку, она забеременела в пятнадцать лет, а мать заставила ее сделать аборт. «Если бы я знала тогда, я бы забрала их жить к себе и внука бы вырастила. А у сына жизнь не удалась, да и у той девочки, я знаю, тоже. Почему дети мне ничего не сказали?» «А как зовут вашего сына?» — спросила я. «Сережа Кравцов...»

Мама замолчала. Я тоже не могла произнести ни слова. Как странно, случайная собеседница спустя много лет, сама того не ведая, сказала моей матери самое главное. И, что самое удивительное, она услышала.

— Прости меня, — сказала мать неожиданно. — Я ведь не просто так боялась гулящей дочери. Мне когда-то цыганка нагадала, что моя дочь будет непутевой. Я была в ужасе, мне показалось, что это будешь ты. Это потом уже выяснилось, что такая судьба уготована моей младшей дочери. Она стоит на панели и даже не стесняется этого.

СЧАСТЬЕ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

— У меня такое ощущение, что там, в Высшей канцелярии сидят либо циники, либо шутники. Ну как, скажи пожалуйста, они распределяют внешность, благополучие, удачу и вторые половинки? Вот эту страстную натуру поместим в нелепое тело и посмотрим, как она будет соблазнять мужиков. А этой дадим ум, красоту и благополучие, и при таких составляющих она никогда не встретит свою половинку — она слишком хороша для любви. А вот эту растяпу наградим хорошим мужем, пусть все удивляются, чем она его взяла. Представляешь, как они там веселятся, наблюдая за всем этим мирком? — Машка стряхнула пепел в фарфоровую чашку.

— Наверное, когда распределяли мою судьбу, вообще был короткий день, к тому же закончились все достоинства и все «половинки», — сказала Катерина.

Две подружки коротали время за чашкой кофе. Катерина — молодая художница-авантюристка — парила в вечном творческом полете высоко от земли и житейских проблем. Она вечно клубилась на каких-то презентациях с непризнанными гениями, бродила по музеям и выставкам, а в свободное время занималась «мазней». Именно так называла ее творчество соседка и по совместительству подружка Машка.

Машка — обыкновенная домохозяйка. В свои 26 лет она успела закончить школу, выйти замуж и родить ребенка. Задача-максимум была выполнена, и теперь она откровенно скучала. А когда сравнивала свою бесцветную житуху с яркой клубно-тусовочной жизнью подруги, становилось тошно. Никто не замечал ее безупречной чистоты, горячих обедов и занавесочек с рюшами. «Никто» — это муж Павел, которого она называла Морозовым по аналогии с пионером-героем, и сын Артем.

Ее «мальчикам» было не до чистоты и уж тем более не до рюшей. Морозов приезжал с фирмы выжатый как лимон, ложился на диван и, тупо глядя в телевизор, продолжал прокручивать в уме встречи и сделки. «Настоящие мужики на дороге не валяются, они валяются на диване», — иронизировала по этому поводу Машка. А маленький Артем, совершенно обалдев в садике от шума, толкотни и суматохи, уединялся в своей комнате, чтобы его никто не трогал. Катеринина квартира напоминала халабуду, где в беспорядке хранились дощечки и рамочки, краски и холсты, которым суждено было когда-нибудь превратиться в полотна. Она была неприхотлива в быту, и быт мстил ей за это. В этот раз у нее потек кран, она перекрыла воду и пошла к Машке на кофе.

Обычно разговор начинался с обсуждения проблем цивилизации. Но сегодня обсуждать падение метеорита на Землю или выборы в Америке не хотелось. Екатерина была в простое, у нее не было творческой потенции, а Машка — в депрессии: у нее не было взаимопонимания в семье.

— Как там твой Морозов?

— Да никак! Если бы я надела противозащитный газ, он бы не заметил. Я для него кухонно-прачечный комбайн и иногда секс-приставка. Все. Ну а ты-то как? Нашла принца?

— Все принцы уже при своих принцессах. А быть Золушкой на одну ночь не хочется. Надоело.

— А как же твой паж?

— Он человек-невидимка. Как бы есть и как бы нет. Я его не вижу. Чув-

ствую, что Новый год буду встречать с Дедом Морозом, — вздохнула Катерина.

— Слушай, в нашем микрорайоне открылась фирма со странным названием «Школа новогодних сюрпризов». Давай сходим узнаем?

Через несколько минут подружки уже стояли перед дверями. «Оформление помещений». «Прокат новогодних нарядов». «Доставка елок». «Сюрпризы». Женщины вошли в последнюю дверь. За столом сидел мужчина средних лет.

— Вы и есть новогодний сюрприз? — ненавязчиво осведомилась Катя.

— Да, но стою я очень дорого! — Мужчина оценил шутку.

— О каких сюрпризах речь? — прервала их кокетливый диалог Машка.

— Сюрпризы индивидуальные. Ведь одному для счастья хватит бутылки водки, а другому ликеро-водочного комбината в собственность мало.

— Мне не хватает внимания и любви моих близких, — вздохнула Маша.

— А мне хотя бы близких для начала, — подытожила цель визита Катерина.

— Мы не служба знакомств и не консультация по проблемам семьи. Но попытаемся вам помочь. Чем занимается ваш муж? — Он взглянул на Машу.

— Бизнесом, чем же еще может заниматься мужчина? Это женщина может быть при муже.

— Понятно. А у вас? — обратился незнакомец к Кате.

— А у меня «жизнь пронеслась, как сверкающий бал, только я на него не попал».

— Как в сказке: по усам текло, а в рот не попало, — подытожил мужчина.

— А что вы, собственно, можете предложить? — спросила Катерина.

— Чувства напрокат, — был ответ.

— ???

— Ничего удивительного. Кому не хватает уважения, внимания, любви и заботы, получают все это от нашей «группы поддержки». Они все профессиональные актеры и разыграют спектакль по высшему разряду. У нас есть несколько сценариев, выбираете приемлемый и сами тоже участвуете в игре. Это вам не набивший оскомину Дед Мороз.

— А сколько стоит такой театр абсурда? — Катерина прищурилась.

— Почему абсурда? То, что все население от мала до велика покупает принесенные в жертву елочки и сосенки, наряжает их игрушками и пьет шампанское именно в двенадцать часов ночи, — это не абсурд?

— Я не о том. Любовь напрокат — это проституция. А счастье и уважение — просто бред. Это же противоестественно, — не сдавалась Катерина.

— Противоестественно арбуз с селитрой и грудь с силиконом. Обезболивающие уколы тоже противоестественно. Кофе, который бодрит, и афродизиак, который возбуждает. И брак без любви тоже противоестественно. А если вас за ваши деньги поднимут на определенную высоту, осыпят комплиментами и почестями, что здесь плохого?

— А у вас есть опыт проведения подобных мероприятий? — спросила Маша.

— Да, такой опыт есть в ряде стран. Достаточно заплатить — и вас встретят в аэропорту, как королеву, постелят ковер, закидают цветами, а группа «фанов» будет стонать от восторга. Такие спектакли обычно заказывают джентльмены для своих юных подруг. А для наших людей значительность выражается несколько иначе.

— Какой блеф! — Катерина не скрывала своего раздражения.

— Я согласна сделать заказ, — сказала вдруг Маша.

— Вносите предоплату и обсудим детали, — сразу перешел к делу мужчина. Катерина демонстративно вышла, а Маша, скромно потупившись, сказала: — Понимаете, я уже забыла, из каких источников черпается роковая сила обольщения.

— Все мужчины — охотники. Им всегда хочется недоступного, запретного. Чтобы придать отношениям остроту, нужна интрига.

— А не получится так, что после новогодней ночи карета опять превратится в тыкву, а я в домработницу?

— Дорогая, радуйтесь, что вам приходится бороться лишь за мужа, а не за выживание.

Пашка Грымов, а в быту просто Морозов, являл собой классический образец современного порядочного мужчины. Делал дело, понемногу занимался спортом, чуть-чуть общался с друзьями и потихоньку ходил налево. А кто осудит? Пашка был уверен, что он, преодолевая препятствия на пути к благосостоянию и ужину, заслуживает немного неучтенного удовольствия. У него была своя фирма, своя квартира и своя жена. Он добывает, она — бережет дом. Праздник он бурно отметил в офисе и новогоднюю ночь собирался провести у телевизора. Каково же было его удивление, когда вместо того, чтобы готовить праздничный ужин, Машка отправилась в салон красоты и явилась оттуда вся обновленно-сияющая. Артем вышел из своей комнаты и с восхищением уставился на мать. На недоуменный взгляд мужа Маша сообщила, что заказала ужин в ресторане и скоро посыльный все доставит.

— Однако, — только и произнес Грымов и отправился в ванную побриться, чтобы соответствовать.

Посыльный не только принес снедь, но и сервировал стол в лучших традициях. Раздался телефонный звонок.

— Привет, дорогая. Когда доставят радость и счастье? — ехидно спросила Катерина.

— Катюша, приглашаю тебя встретить Новый год в нашей компании, — проговорила Маша и, поймав недоуменный Пашкин взгляд, объявила мужу, что придут гости.

— Какие гости? — растерялся Грымов.

— Я пригласила своих одноклассников. Знаешь, решила организовать встречу выпускников и совместить ее с Новым годом.

— А почему не посоветовалась со мной? Что за самодеятельность?

— Хотела сделать тебе сюрприз...

В дверь позвонили, и Машка побежала открывать. В квартиру ввалилась толпа. Они что-то кричали, пели, взрывали петарды и наконец заняли собой гостиную. Сияющая Машка стала всем представлять мужа, сына и подругу, которая была уже тут как тут.

— Это и есть твой избранник? — Молодой лось с внешностью Рикки Мартина уставился на Грымова. — Чем же он тебя взял? Как сейчас помню, вся мужская половина нашего класса добивалась тебя. Он протянул визитку и представился: Сергей Ленский. Литературный обозреватель.

— Слушай, а визитки — это рабочий реквизит? — прошептала Катерина Машке на ухо.

Грымов тоже достал визитки и стал раздавать «одноклассникам».

— Ух ты, президент компании! — ахнула яркая блондинка. — Обожаю президентов! Машуля, познакомь меня с мужем!

— Познакомьтесь, это Паша, это Рита. Рита — дизайнер.

— Очень приятно. — Они окинули друг друга оценивающими взглядами.

— Пора выпить за встречу! — Толпа весело рассаживалась за столом.

Среди «одноклассников» были не только обозреватель и дизайнер, но также музыкант, советник народного депутата и актриса. Грымов и не предполагал, что его жена училась среди таких «звезд». А «звезды» между тем не кичились: ели, пили и пели дифирамбы хозяевам. Литературный обозреватель положил глаз на Катерину.

— Манечка, а почему ты скрывала от меня свою подругу? Как вас зовут, прекрасная незнакомка? — театрально спросил он.

— Ольга Ларина! — ответила Катя, чем рассмешила компанию до слез. А как только она вышла на кухню покурить, Ленский выскочил вслед за ней.

— Что вы делаете в первый новогодний вечер? — спросил он низким чувственным голосом.

— Подвожу итоги вашей работы, — отрезала Катя.

— Значит, вы в курсе?

— Как вам не стыдно дурить людей?

— Что делать, если некоторым людям, чтобы разглядеть свое счастье, нужно увеличительное стекло, — пожал плечами Ленский.

— Вы что здесь стоите, уже куранты бьют, скорее за стол. — В кухню вбежала «актриса» и потащила Ленского в комнату.

Компания замерла с бокалами шампанского... Десять, одиннадцать, двенадцать! Ура! Под звон хрусталя все пили сладкую жидкость и загадывали желания. «Музыкант» и «советник» хотели, чтобы были роли в театре, «актриса» мечтала о тихом семейном счастье, а «обозреватель» уже оформил свою мечту в план и исподтишка наблюдал за Катериной. Грымов не успел ничего задумать, он лишь посмотрел горящими глазами на «дизайнера» Риту, а Маша перехватила этот взгляд.

Этот горящий, восхищенный взгляд предназначался не ей! И вдруг все померкло, и она снова превратилась в домашнюю хозяйку. И она увидела за столом жующих и пьющих чужих людей, которые отработывали свой гонорар. Они уйдут, а она останется с грязной посудой, ехидной Катериной усмешкой и равнодушным Грымовым.

— Внимание. Я хочу сделать заявление! — Воцарилась тишина. — На Новый год принято делать подарки и загадывать желания. Я решила сделать себе подарок — стать значительной и важной в глазах мужа. Для этого я наняла безработных артистов, чтобы они сыграли друзей, которых у меня нет. И чтобы мой муж наконец увидел, что я не мебель в его евроквартире, а женщина. — И слезы закапали в бокал с недопитым шампанским.

Грымов ошарашенно глядел то на «одноклассников», то на жену.

— Все свободны, — произнесла Маша и ушла в свою комнату.

Первое утро Нового года началось нетрадиционно. Грымов появился в спальне с чашечкой кофе:

— Просыпайся, дорогая!

Она приподнялась на кровати и с изумлением уставилась на мужа.

— Я хочу сообщить, что люблю тебя независимо от того, кто твои друзья и есть ли они у тебя. Запомни: одними женщинами мы восхищаемся, другими любуемся, а на третьих женимся.

— И в зависимости от этого женщины делятся на три категории: замужние, незамужние и... счастливые?

— Маш, а мне понравилась вчерашняя «мыльная опера». Главное — все было только для меня!

— Любой каприз за ваши деньги!

— Кстати, на Рождество нас ждет вторая серия. Звонила твоя подруга Катерина. Пригласила нас на праздничный ужин. Сценарий не разглашается.

НЕЧАЯННОЕ МАТЕРИНСТВО

Каждая бездетная женщина переживает свою трагедию по-своему. Одни отчаянно борются с несправедливостью судьбы: лечатся, молятся, ходят к гадалкам и ясновидящим. Другие замыкаются в себе, отгораживаясь от всего мира, вычеркивают из общения семьи с детьми. Третьи переключаются на активную деятельность, чтобы в калейдоскопе дел позабыть о своем комплексе.

Я узнала, что бездетна, на пятом году супружеской жизни. Еще несколько лет по инерции мы жили вместе, а затем муж ушел. Его уход совпал с моим сокращением на работе. Одиночество и бедность окружили меня плотным кольцом. Времени у меня теперь было много, и я думала. Думала о том, что все в этом мире плодоносит: и деревья, и цветы. Кошки, собаки, свиньи, коровы, бегемоты — все приносят потомство. Только я пустоцвет. Никогда не смогу заполниться изнутри и выносить свой плод.

Мысль о том, что мне не дано подарить жизнь маленькому человечку, приводила меня в такое отчаяние, что все остальное теряло смысл. Что испытывают бездетные женщины, знают только они сами да еще, наверное, Бог, которому они молятся, прося ребеночка.

Мама смотрела на меня с любовью и жалостью и не уставала повторять, что у каждого свой крест. Мы с трудом выживали на ее пенсию, но она меня не попрекала, лишь терпеливо ждала, когда же я начну искать работу.

Однажды мне приснился сон. Я не помнила деталей, но было ощущение такого счастья, что хотелось летать. Это смутное ощущение не отпускало очень долго. Почему-то захотелось перемен, и я впервые за много времени принялась за генеральную уборку. Открыла окна и впустила свежий воздух в квартиру, вытерла пыль и принялась начищать зеркала. В поблескивающей поверхности зеркала отражалась немолодая уже женщина с горькими складочками у рта.

Неужели это я? Отложив моющие средства в сторону, принялась, наводить порядок в голове. После развода с мужем прошло уже полгода, и за все это время я не предпринимала никаких активных действий, просто сдалась на милость судьбы. Забросила себя, квартиру — все. Я не обращала внимания на мужчин и не смотрела в сторону маленьких детей. А судьба не любит слабаков и неудачников. Надо что-то делать. Для начала найти работу. Любую.

Просматривая рекламные газеты, я наткнулась на объявление: «Срочно требуется няня для двухмесячной девочки. Оплата почасовая. Две гривны в час» «А почему бы и нет?» — подумала я. Боясь, что внутренний голос будет против, я тут же набрала номер.

— Здравствуйте. Я по объявлению.

— Скажите, у вас дети есть?

— Нет.

— Когда вы готовы приступить? — неожиданно спросили меня.

— Хоть сегодня. — Я не ожидала от себя такой решительности. — Диктуйте адрес.

Они приехали через час. Благополучные мама и папа с бесценным сверточком в руках. Сверточек тихонько пищал. Женщина развернула пеленку, и моему взору предстала страшная картинка: крошечное существо шевелило миниатюрными ручками и ножками и робко попискивало. Я никогда не видела

таких маленьких детей.

— Сколько ей? — спросила я.

— Два месяца, — улыбнулась мать малышки. — Знаете, мы с мужем очень заняты. У нас совместный бизнес, поэтому возьмите заботу о девочке на себя. Пусть она пока поживет у вас. Вот ее приданое и деньги за три дня.

— Вас не будет так долго... Целых три дня? — спросила я в ужасе.

— Для этого мы вас и нанимаем, — ответил мужчина. Он на минутку оторвался от разговора по мобильному телефону и посмотрел на меня очень пристально. Как начальник.

— А как с вами можно связаться?

— Вот наши координаты, — сказала женщина и, порывшись в сумочке, протянула мне визитки с телефонами.

— А чем ее кормить? — задала я следующий вопрос.

— Так, девушка, кто из нас няня? — Папаша начал терять терпение.

— А как зовут вашу дочку?

— Карина.

«Какое странное имя — Карина, как будто производное от слова кара», — подумала я тогда.

Затем они быстро попрощались и ушли. Странно, но родители даже не поцеловали ребенка.

Я робко подошла к девочке. Она смотрела на меня с интересом. Или мне так показалось. Я взяла ее на руки и подошла к зеркалу. В этот момент отворилась дверь и вошла мама, увешанная авоськами. Увидев меня с ребенком на руках, она медленно опустила авоськи на пол. Потом медленно опустилась сама.

— Наташа, откуда это? — спросила она испуганно.

— Мам, ты только не пугайся. Я устроилась на работу. Няней. Девочка будет жить у нас. Мы будем получать две гривны в час. — Я изо всех сил старалась говорить спокойно.

— А кто родители этой малышки? — Мама с беспокойством переводила взгляд с меня на ребенка.

— Не знаю.

— А вдруг это не их ребенок, вдруг они его похитили и спрятали у тебя?

— Они оставили мне свои визитки.

Мама взяла визитки и стала набирать указанные на картонных прямоугольниках номера телефонов. Никто не отвечал. Мы молча переглянулись. И тут молчавшая все это время девочка заплакала. Я стала бегать с ней по комнате и энергично трясти. Мне казалось, что мамы именно таким образом убаюкивают своих детей. Но Карина не убаюкивалась и орала все громче и громче. Мама пошла на кухню готовить молочную смесь. Я, затаив дыхание, наблюдала, как девочка, причмокивая, ест. Началась новая жизнь. Теперь все мое время было подчинено ребенку. Накормить, искупать, погулять. Эта работа приносила мне истинное наслаждение. Родители девочки не баловали нас своими посещениями. Они появлялись раз в три дня, приносили деньги и еду.

Странно, но они отнюдь не пылали любовью к своей крошке. Не интересовались, чему она научилась, как развивается. А девочка уже держала головку, реагировала на голос, улыбалась.

— Вы бы хоть на выходные забирали ребенка, — сказала однажды моя ма-

ма. — А то у девочки зубки лезут, мы с дочкой не спим уже которую ночь.

— Вы думаете, нам легко? Смотрите, все руки исцарапаны, мы ведь кошку взяли, — ответил отец Карины.

— Хорошо, мы заберем ее сегодня, — сказала Галина с неохотой.

И они забрали Каринку. Квартира сразу опустела, а я ходила из угла в угол сама не своя. Я привязалась к девочке, как к родной. Мама, видя, что я не нахожу себе места, сказала:

— Зачем ты, Наталочка, так мучаешь себя? Пойми наконец, ты не мама, ты просто играешь в маму. Что будешь делать, когда игра закончится?

Я не успела ответить, потому что тревожно зазвонил телефон.

— Алле, придите заберите Карину, она страшно орет, — потребовала Галя.

— Мы уже выезжаем.

Когда мы с мамой, запыхавшись, вбежали в квартиру, малышка просто заходила от крика. Увидев меня, она улыбнулась и протянула свои ручонки. Я схватила ее, прижала к себе и поняла, что никому ее не отдам.

А ее, собственно, никто и не собирался забирать. После того случая родители куда-то исчезли. Денег больше никто не приносил, на звонки не отвечал, и, что самое страшное, в их съемной квартире уже никто не жил.

Прошло полгода. Я упивалась своим нечаянным материнством и уже давно считала девочку своей, а когда однажды она назвала меня мамой, заплакала навзрыд от счастья. Все соседи во дворе воспринимали нас как маму и дочку. Самое интересное, что она становилась похожей на меня.

Теперь я каждое утро спешила проснуться, чтобы скорее повидаться с дочкой. Мы долго целовались, она называла меня мамой, а я ее — доченькой, и это были самые счастливые минуты моей жизни.

Я бы окончательно впала в детство, если бы не финансы. Мамину пенсию теперь надо было делить уже на троих. Поэтому пришлось устроиться работать курьером. Сотрудники удивлялись, когда я сразу после окончания работы стремглав бежала домой. О том, что у меня есть ребенок, никто не знал, потому что это был «нелегальный» ребенок. У меня не было никаких документов на девочку, а следовательно, никаких прав, и я панически боялась, что в один далеко не прекрасный момент заявится родная мама и скажет: «Всем спасибо, все свободны».

Но Каринина мать не появлялась, и тогда я сама начала поиск. Через паспортный стол удалось выяснить, что Галина — уроженка Полтавской области и мать... четверых детей.

Я очень боялась эту женщину, ведь она в любой момент могла прийти и забрать самое дорогое, что есть у меня в жизни. С другой стороны, я устала биться каждого звонка в дверь и каждого знакомого силуэта на улице. Поэтому я собралась и поехала в Полтавскую область.

Дверь мне отворила пожилая, уставшая от жизни женщина — Галина мама. Она пропустила меня в хату и молча выслушала мою историю. А затем откровенно ответила на все вопросы.

Галя оказалась многодетной мамой, которая нашла прекрасный способ избавляться от своих детей. Она нанимала няню, отдавала ребенка как бы на время, а потом оставляла навсегда. Двое Карининых братиков уже были пристроены ранее таким же образом. Никаких официальных отказов, никаких казенных домов. Своего рода ноу-хау.

Дома Галя не появлялась уже несколько лет, и мать не знала, где она сейчас. Я показала бабушке внучкины фотографии и стала прощаться.

«Как странно, Галина разбросала детей по свету, — думала я, возвращаясь домой, — а Судьба милостиво подкинула мне одного из них». А еще я думала о том, что я никому и ни за что не отдам теперь свою малышку. Поездка на родину Галины прибавила мне решительности, и я серьезно занялась оформлением документов на удочерение. Оказалось, очень сложно объяснить казенным людям, что я люблю этого человечка больше всех на свете и что совсем не важно, есть ли у меня муж, большая зарплата и «излишки» жилплощади. Неожиданно пришли на помощь соседи, которые стали писать в различные инстанции письма в нашу защиту. К голосу общественности прислушались, и свершилось чудо: я получила документальное подтверждение своего случайного материнства.

Мы шли с моей Бусинкой, держась за руки. Счастье переполняло меня, малышка тоже что-то весело щебетала. И вдруг я столкнулась с бывшим мужем. Мы не виделись уже несколько лет. Его появление было настолько неожиданным, что я растерялась. Он смотрел на нас с дочкой с изумлением. опережая его вопрос, я сказала:

- Это моя дочь Дарина.
- А почему Дарина?
- Потому что дар Божий.

ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК

Ненавижу осень. Хотя все мои самые значительные события в жизни произошли именно осенью. В октябре мы познакомились с мужем. Теплым погожим днем нас представили друг другу, и как-то сразу все сложилось. Конфетно-букетный период благополучно закончился свадьбой, а потом, опять же осенью, на свет появился наш первенец — дочка Дашенька. Это был поздний ребенок. Нам с мужем уже стукнуло по тридцать, уже все получилось и с карьерой, и с благополучием. Для полного счастья не хватало лишь птенчика в семейном гнездышке. Я так ждала малыша, так его хотела, что это желание стало навязчивой идеей. В магазинах я видела только детские вещи, на улицах замечала только беременных и мамочек с детьми. Всем, с кем знакомилась, я непременно задавала один и тот же вопрос: «У вас дети есть?» Состоялся человек или не состоялся, для меня определялось лишь наличием или отсутствием у него детей. Когда я узнала, что беременна, то чуть с ума от счастья не сошла. Уже в три месяца старалась надевать широкие платья, чтобы все видели, что я ожидаю ребенка.

Я с маниакальной старательностью вынашивала своего обожаемого детеныша, ела, гуляла и спала строго по расписанию, слушала лишь «правильную» музыку и думала только о хорошем. Когда я впервые услышала крик своей дочери, то счастливее меня человека на Земле не было. И мы с мужем носились с нашей малюткой, пестовали и лелеяли ее, как могут пестовать зрелые люди свое состоявшееся счастье. Дашенька была такая хорошенькая! Синие бездонные глаза, белокурые волосы и необычайно сладкий запах счастья, которым она была пропитана.

Наша девочка росла славненькой, ладненькой, очень ласковой, самостоятельной и послушной. Она никогда не ныла и не устраивала нам истерик. Я бросила работу и с удовольствием сидела с ней дома, чтобы вовремя покормить, погулять, сводить на занятия кружка. У нас всегда была вкусная, качественная еда, чистая, убранная квартира, насыщенные выходные. Короче, у нас все было хорошо. Соседка Тая, забегавшая иногда на чай, вечно вздыхала:

— Не пойму, чего ты носишься со своим ребенком как курица с яйцом?

— Потому что она мой первый ребенок, — отвечала я.

— Первый — не последний. У меня вон трое — и растут, как трава при дороге. Чем меньше с ними носишься, тем лучше. Поверь моему опыту.

— Трава — все равно что сорняк, а мне не нужна трава, я выращиваю экзотический цветок, — улыбалась я.

Она ехидно щурилась:

— Ага, гладиолус на картофельной грядке! Ты подумай, в каком мире ей жить. Что она будет делать, когда из твоей оранжереи выйдет?

Я не спорила. Это было бесполезно. Каждая из нас все равно осталась бы при своем мнении.

Так или иначе, но Дашеньке исполнилось семь лет, и она пошла в школу. К этому событию мы отнеслись со всей серьезностью. Долго и тщательно выбирали ранец, тетрадки, дневник, мелки и ручки. Форму сшили на заказ у портнихи. Очень хотелось, чтобы Дашуня отличалась от остальных одноклассников, была лучшей. А она вся светилась от радости. А как же, начинается новая жизнь и она будет общаться не только с мамой и папой — у нее теперь будет

много друзей и много новых впечатлений.

Никогда не забуду, как гордо мы шествовали в школу. Дашенька посередине, а мы с Мишей по бокам. Казалось, весь мир смотрит на нас и завидует. Какая красивая стояла осень! Деревья — как нарисованные: желто-красно-багряные. Солнце теплое и ласковое. Воздух прозрачный и чистый-чистый. И мы с мужем, еще молодые и полные сил, успешные и счастливые. Хочешь быть счастливым — будь им! Все так просто...

Первые пару недель я провожала и встречала своего белокурого ангела из школы. Но потом Дашенька воспротивилась: «Мам, я хочу попробовать сама. Пожалуйста, можно, я буду взрослой?»

Мне вдруг вспомнились слова соседки про гладиолус на картофельной грядке, и я беспечно сказала: «Ну попробуй!»

Разрешить-то я разрешила, но душа болела, поэтому я решила за дочкой проследить и всю дорогу шла за ней тенью. Однако малышка меня порадовала: дорогу как положено перешла на зеленый, ни на что не отвлекалась и напрямиком шествовала домой. И я решила, что она вполне может ходить сама...

В тот день мне было плохо. Не могу объяснить, что именно беспокоило, просто болела душа. Наверное, так выражается предчувствие. Необъяснимая тревога и тоска поглотили меня, и я лежала на кровати и глядела в потолок. Если бы я знала тогда...

Громкий звонок в дверь заставил вздрогнуть. На пороге, белая как мел, стояла Таиса.

— Ва-ля, Ва-ля, — запинаясь, по слогам произнесла она и замолчала, видно, не в состоянии продолжить.

Внутри все словно оборвалось. Мне хотелось оглохнуть, чтобы не услышать какую-то страшную весть.

— Дашуню... машина сбила... беги быстрее... — наконец выдавила она и опустилась на ковер.

Я выскочила из квартиры и побежала к школе. На перекрестке собралась толпа. Все охали-ахали.

— Даша-а-а-а...

Она лежала на асфальте, а кругом валялись с такой любовью подобранные мелки, ручки и тетрадки. Вокруг маленького тельца разлилась лужица крови, и в этой крови лежал желтый осенний листочек...

Это было последнее, что зафиксировала память...

Мою девочку похоронили без меня. Я лежала в клинике в тяжелом состоянии. Когда я вернулась домой, все было как будто так же, но изменилось мировосприятие. Еда потеряла вкус и запах, жизнь потеряла смысл. Миша ходил потерянный, словно заведенный робот. Он не помнил, какой сегодня день недели и какие у него планы на день. У нас словно заволокло пеленой глаза, и мир стал серым, пустым и каким-то враждебным. Помню, меня все время тянуло в детскую комнату, где все вещи лежали на своих местах, а подушка отчаянно пахла Дашей...

За окнами была осень. Дождливая, холодная, зябкая. Она не оставляла никакой надежды на будущее. В квартире было холодно, пусто и неуютно. Мы с Мишей тупо смотрели телевизор или просто молчали.

Каждый думал об одном и том же. О нашей девочке, которой с нами больше не было... Мы просто не знали, как жить дальше. Прежний уютный мир

разломился на части, а в новом нам не было места.

Почему, ну почему это случилось именно с нами? Как и зачем теперь жить? Казалось, что эта осень никогда не закончится.

Водителя машины-убийцы осудили, но мы на суде не присутствовали. А зачем? Никакое наказание не сможет вернуть нам дочь. Дело даже не в дочери. Мы с мужем тоже умерли. Автоматически мы вставали по утрам, чистили зубы, что-то ели, затем что-то делали, с кем-то говорили. В нашем доме перестала звучать музыка, смех, голоса. Я вообще не понимала, как мир может жить, петь, смеяться, если моя дочь умерла... Друзья и знакомые стали нас избегать, потому что они не могли вечно скорбеть о нашем ребенке.

Но самое страшное — мои сны. Каждую ночь я видела мою девочку живой и здоровой, она была рядом, и мы были счастливы. Но как только ночь переходила в утро, ее образ рассеивался. В этой жизни ее не было. И ничего нельзя было сделать, чтобы вернуть ее. Я вздрагивала каждый раз, когда видела на улице девочку, чем-то напоминающую мою Дашеньку. А потом целый день ходила сама не своя.

Тогда у меня появилась первая седина, первые морщины и... страх. Безотчетный, дикий, липкий страх. В этот самый трудный момент высшие силы сжалились и послали нам второго ребенка. Мне было уже под сорок, и я прекрасно понимала, что этот ребенок — последний.

Я носила и лелеяла этого ребеночка, словно спасителя. Потому что только он мог спасти нас с мужем от страшной депрессии и придать смысл жизни.

Наша вторая дочка родилась весной. Я хотела назвать ее Дашей, но муж был категоричен: «Не стоит называть ребенка именем умершей сестры. Пусть наша дочь будет Надеждой». Итак, в нашей жизни появилась Надежда. Первый зуб, первый шаг, первое слово — мы учились заново радоваться жизни.

Я ни на минуту не оставляла малышку, опасаясь, что любая ошибка может стать роковой. Денно и ночью я была возле нее, мы вместе засыпали и просыпались.

— Валюша, так нельзя, — пыталась учить меня жизни Тая.

Та самая Тая, которая принесла когда-то роковую весть. Я понимала, что она ни в чем не виновата, но все равно старалась ее избегать.

— Это мой последний ребенок. Тебе этого не понять.

— Да что там понимать, Валентина?! Живешь, как у Бога за пазухой, вот дурью-то и маешься.

— Это ты о чем? — не поняла я.

— Просто с мужиком тебе повезло: он и деньги зарабатывает, и в дом их приносит, и по бабам не шастает. Вот ты и можешь изображать из себя вечную жертву. А ты оглянись вокруг, глянь, кто как живет.

— Просто есть самки, которых интересуют только самцы, а есть самки, которых интересуют детеныши.

— А еще есть женщины, но тебе, видно, уже не понять, ты перешла в подвид самок? — Тая затушила сигарету и, не прощаясь, вышла.

Я задумалась. Действительно, все вокруг жила своей жизнью. Подруги рожали детей, разводились с мужьями, снова выходили замуж, делали карьеру. И все-то у них получалось и складывалось, и лишь я, словно Земля вокруг своей оси, вращалась только вокруг своего сокровища.

На самом деле я понимала, что что-то не так. Надюша была общительной и

открытой девочкой, только вот общаться ей было не с кем, потому что я ее практически не отпускала от себя. Я панически боялась, что с ней что-то случится. Мне казалось, если вдруг она хоть на минуту останется без моей опеки, беды не миновать.

Надо сказать, что вторая дочка была абсолютно другой. Она не слушалась меня беспрекословно, как Даша, а ее самой заветной мечтой было обрести самостоятельность.

Надюша уже закончила первый класс и благополучно перешла во второй, а я все продолжала ежедневно встречать ее. Я неотступно гуляла с ней во дворе, ходила за ней как тень по пятам. Соседские дети бегали в магазины, ездили на тренировки, ходили друг к другу в гости. Но не моя Надя.

— Валюша, возьми себя в руки. Девочка должна уметь общаться с другими людьми без тебя. Ты не сможешь опекать ее всю жизнь. Ей надо учиться быть самостоятельной, — пытался вразумить меня муж.

— Даша уже поиграла в самостоятельность. С меня хватит.

— Мамочка, не бойся, меня не задавит машина, — умоляющим голосом пропищала Надя.

— Кому суждено быть повешенным, тот не утонет! — добавил Миша и, хлопнув дверью, вышел.

— А кому суждено потерять последнего ребенка, не переживет этого! — Я отчаянно разрыдалась.

А вскоре от меня ушел муж. Просто собрал свои вещи и сказал:

— Дорогая, я устал жить в вечном трауре, всего бояться, все время скорбеть. Надоело. У меня одна жизнь, и я хочу прожить ее полноценно.

Я ничего не ответила, не закатила истерику, молча переждала, пока он уйдет, и пролежала до вечера на кровати с открытыми глазами. Мне казалось, что я уже пережила свою беду и больше мне ничего не угрожает. Как оказалось, я сильно заблуждалась.

Странно, но именно уход мужа побудил меня пересмотреть свою жизнь и отношение к дочери. У меня словно открылись глаза. Я действительно многие годы провела в предчувствии новой трагедии, каждый день ожидая несчастного случая.

— Мамочка, расскажи мне о моей сестричке, — попросила вдруг малышка.

— Что тебе рассказать? — Я не была готова обсуждать эту тему. — Ну хорошо. Жила-была маленькая девочка, и звали ее Дашенька, — тихо начала я и почувствовала, что голос стал срываться.

— Она была смелой? — почему-то спросила дочь.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ну она была смелой и не боялась гулять без мамы... И еще у нее было много друзей, — объяснила Надюшка, глядя на меня широко открытыми глазами.

— Однажды она одна возвращалась из школы и... и... — Я просто не смогла закончить фразу.

Прошло уже почти десять лет, а я все еще не могла об этом говорить.

— И на нее наехала машина? — продолжила за меня дочка.

— И на нее наехала машина, — автоматически повторила я и заплакала.

— Мамочка, не плачь. Я тебя очень люблю. А можно, я сегодня пойду к Оксане на день рождения?

— К какой Оксане?

— Ну к Оксане, из соседнего подъезда. Во дворе ведь машины не ездят, — затараторила дочурка, боясь отказа.

— Хорошо, — покорно согласилась я.

Пока девочка была на именинах, я сделала маску для лица, посмотрела фильм, испекла пирог. Я изо всех сил пыталась отвлечься, но вдруг поняла, что мне нравится заниматься собой, а не проглядывать глаза в окно, наблюдая, как она якобы сама гуляет на детской площадке.

— Мамочка, там так здорово было! Так весело! Мы ели, танцевали, а потом играли в прятки! — кричала радостно Надюша, вернувшись со дня рождения.

«Господи, а я столько лет лишала ее элементарных радостей, — грустно вздохнула я. — Да и себя, кстати, тоже».

— Знаешь, с завтрашнего дня будем учиться самостоятельности, — сказала я.

— Правда?! Ура! — Надюшка бросилась мне на шею.

На следующий день дочка пошла с подружками гулять в парк. Я два часа просто не находила себе места, бесцельно блуждала из комнаты в комнату, всматривалась в окна. Но выдержала и не пошла ее встречать. Через два часа Надя вернулась и вручила мне огромный букет желтых листьев. Во дворе стояла осень. И я поняла, что больше не испытываю к ней ненависти.

СЧАСТЬЕ МОЕ... ЛУКОВОЕ

Развод на женщин действует по-разному. Одни стремятся доказать бывшему мужу, как много он потерял, и изо всех сил растут и развиваются, а другие начинают верить, что они ничего не стоят, деградируют и опускаются.

Я относилась ко второй категории. Когда муж вдруг бросил меня с двумя детьми и ушел, я поняла, что «вдруг» ничего не бывает и он долго шел к такому решению. Ему действительно было неинтересно с женщиной, которая только и думает что о детях, только и делает, что стирает и убирает, только и может, что прятаться за мужниной спиной. Он у меня красивый, талантливый и успешный. Такие женщинам нравятся. Работает на телевидении, все время на виду. А там все эти ассистенточки, практиканточки... Да что там говорить, ушел и ушел.

Сначала я приглашала гостей, мы ели и пили за новую жизнь и новые возможности. Потом стала просто одна выпивать. Утром коньячок в кофе налью, вечером — в чай. Я даже не заметила, когда втянулась и с какого момента стала зависима от алкоголя.

Если раньше я подрабатывала внештатным корреспондентом в разных газетах, то сейчас все больше предпочитала читать. Причем в основном женскую прозу, где сопли вперемешку с сиропом. Чтобы поплакать над своей женской долей, а потом выпить за лучшее будущее.

Как-то незаметно дети стали обузой, они постоянно чего-то хотели, требовали внимания, душевных сил. А сил не было. И меня все чаще посещала мысль: «Если бы не они...»

Мои дни были похожи один на другой. Я просыпалась, начинала себя жалеть, тосковать — вот еще один день настал, который ничего хорошего не принесет и ничего не изменит. Деньги, которые муж выделял на детей, утекали очень быстро и незаметно, нам ни на что не хватало. В жизни была лишь одна отрада — напиться и забыться.

Однажды ко мне забежала коллега из редакции, принесла запоздалый гонорар. Она как-то очень грустно оглядела мое жилье, детей. Покосилась на батарею бутылок, скорбно выстроившихся в коридоре, и ушла. Меня задело именно то, что она ничего не сказала. Не пожалела, не посочувствовала, что я осталась одна с двумя детьми. На следующий день мне позвонила заведомо социальной политики Наташа Бирюкова со срочным заданием:

— Галя, приближается Женский день, надо сделать интервью с многодетной мамой. Запиши адрес.

— Но мне не с кем оставить детей, — попыталась отказаться я.

— Это недалеко от тебя, за срочность мы доплатим, — безапелляционно заявила Наташа.

«Чего это она так настаивает?» — подумала я. Но адрес записала. Когда я уже собиралась на встречу, вдруг поймала себя на мысли, что уже давно никуда не выходила, разве что в магазин за нехитрой едой и водкой. «Сейчас быстренько туда-сюда — и домой», — успокоила я себя.

Дверь мне открыла молодая улыбчивая женщина. В квартире было чисто и совсем не похоже, что тут живут девять человек. У героини было шестеро детей, и старший сын уже женился и привел жену, у них родился ребенок. Ирина села на диване, я — напротив и приготовилась писать. Тут к ней подо-

шли два мальчика — десяти и семи лет — и сели рядом. Ирина одного погладила по голове, другого нежно потрепала по щеке и начала свой рассказ.

— У меня было шестеро детей, когда я решила уйти от первого мужа.

— ???

— В один прекрасный день поняла, что разлюбила его, — добавила она просто.

— А кто ваш первый муж?

— Академик. Очень талантливый, перспективный ученый. Но так случилось. Разлюбила, и все. Мы развелись. А потом встретился человек. Простой, как сама правда. Женился. Любила его, как в последний раз. Да и дети его приняли. А когда я уже нашего общего ждала, он однажды напился и, с ненавистью глядя на мой живот, сказал: «Лучше б его не было». Я как прозрела тогда. Выгнала его в тот же день.

— А на что же вы жили, если так легко расставались с мужьями? — Я решительно не понимала свою собеседницу.

— Во-первых, первый муж алименты хорошие на детей платил, во-вторых, я работала медсестрой, ухаживала за тяжелобольными, ходила уколы делать, капельницы на дому ставила. — Ирина явно не понимала моего вопроса.

— А дети? Как вы с ними все успеваете?

— Господи, да они же — мое самое большое счастье. Даже не представляю своей жизни без них...

Она наклонилась и поцеловала обоих мальчиков с такой нежностью, что у меня защемило внутри. Мальчишки прижались к матери и смотрели на нее с неммым обожанием. Вдруг в комнату важно вошел кот. Вальяжной походкой он прошелся по ковру и, подойдя к хозяйке, легко вскочил к ней на колени. Она погладила кота и сказала: «Это наш всеобщий любимец».

— А что было дальше? — Я решила вернуть ее к нашей истории.

— У меня родилась дочка. Представляете, куча сыночков и лапочка дочка. Мы ее обожали! Я могла часами смотреть, как она спит. Девочка была как ангел. Красивая и очень молчаливая. Все лежала, что-то думала. А потом умерла. Как будто уснула.

Ира не заплакала, только глаза как-то потемнели и уголки рта скорбно опустились. Мальчики вздохнули не по-детски и ушли в другую комнату.

— Знаете, что было самое страшное? Мне даже оплакать ее толком не дали. Приехала милиция, стали допрашивать на предмет убийства. Многодетная семья, без мужа, лишний рот. Искали следы побоев, удушения. Все мои уверения, что это желанный и любимый ребенок, никого ни в чем не убеждали. Врачи так и не установили причину смерти. Может, она услышала проклятие отца? Не знаю.

В этот момент в дверь позвонили. Пришел с тренировки еще один сын. Подросток поцеловал мать, потом поздоровался со мной. Я наблюдала эту идиллию и не могла поверить, что так бывает. Идя на интервью, была уверена, что это либо секта, либо алкоголики. Но то, что женщина, родив от мужчины шестерых детей, может уйти от него, потому что разлюбила... Самое интересное, что она совсем не чувствовала себя несчастной, она гордилась собой, своими детьми, у нее на всех хватало и доброго слова, и внимания. «Так не бывает», — думала я. Но сыграть это невозможно. В этом доме даже коту хватает ласки и любви. Я во все глаза смотрела на Ирину, пытаюсь понять, где она чер-

пает эту уверенность в себе. Спокойная, она не распыляла свою энергию попусту. Любить — так любить, рожать — так рожать. Она отвечала за каждого ребенка и считала детей не обузой, а стимулом к жизни. Мужчины таких женщин любят, они согреваются возле них, как возле источника жизни.

— Извините, мне пора готовить обед. У меня с пяти часов начинается обход района, — добавила она на прощание.

Выйдя на улицу и вдохнув полной грудью свежий воздух, я почему-то подумала, что давным-давно не гуляла с детьми. И не читала им книжки, и не рассказывала сказки. И не готовила полноценный обед... Господи! У меня же их всего двое! Я как будто увидела все со стороны. Молодую здоровую тетку, которая полгода оплакивает ушедшего мужика. Опускается, спивается.

Почему-то вспомнилась прощальная сцена с моим бывшим. Он пришел, сел в комнате, как чужой. Эта чужеродность чувствовалась во всем. В его взгляде, который он почему-то отводил. Я пыталась встретиться с ним глазами, но безрезультатно. Он что-то говорил, но сам отсутствовал. Он был не здесь. Позже я узнала, что у него много лет была другая женщина и он страшно гордился, что имел настолько устоявшийся имидж хорошего семьянина, что никто не догадывался о его двойной жизни, даже и не предполагал. Есть такой тип мужчин, которым все время нужен риск — он добавляет адреналина и делает жизнь ярче. Муж играл, скрывался, у него была сладкая тайна. А мы были его тылом. Его официальной семьей. Только и всего. Стоит ли жалеть о человеке, который обманывал нас столько лет? В конце концов, никто из нас никому ничего не должен. Любишь — хранишь верность, не любишь — ищешь другого. Он изменял мне не потому, что я плохая, толстая или глупая. Просто он меня не любил. И брак был без любви, и развод без печали...

Неожиданно мои воспоминания были прерваны. Я остановилась как вкопанная. Передо мной стояли две пьянчужки. От женщин у них уже ничего не осталось: испытые лица, стеклянные глаза, грязные лохмотья. Вот оно, мое будущее. Нас отделяет всего несколько лет. Женский алкоголизм не лечится. И если я не остановлюсь прямо сейчас, то...

Все познается в сравнении. Одна женщина с кучей детей может бросить своего мужа, потому что разлюбила, а другая будет цепляться за мужика, прикрываясь детьми. И та, первая, еще не раз встретит свою любовь, а вторая сломается.

Я летела домой что есть мочи. Войдя в квартиру, замерла на пороге: в лицо ударил запах перегара и пыльного непроветренного помещения. Дети — притихшие, поникшие, какие-то осиротевшие — тихо сидели в комнате. Они не кинулись ко мне, как раньше, с радостным криком. И не выглядывали с любопытством — что я принесла? Кругом царила такая безнадега, что захотелось... погрузиться в привычное забытие.

Я подошла к детям. Они смотрели на меня, как два затравленных зверька. Обняла их и сквозь слезы стала рассказывать сказку.

— Жила-была одна женщина, и было у нее двое детей. Они все очень любили друг друга, но однажды злая волшебница заколдовала маму, и она...

— ...стала пить, — добавила дочка грустно.

— Но потом появилась добрая фея и вылечила маму, — продолжила я торопливо. — А сейчас мы оденемся и пойдем сначала в магазин, а потом гулять.

И я стала торопливо одевать детей, с беспокойством глядя на их бледные лица. Сейчас куплю им фруктов, детских сырочков, сладкой соломки...

Господи, где же деньги? Денег не было. Ни в кошельке, ни в загашнике — нигде. Что же делать? Я побежала к соседке.

— Сонечка, милая, одолжишь немного денег до зарплаты?

— До какой зарплаты? — холодно спросила меня соседка, с которой мы прожили бок о бок десять лет и которую я считала своей подружкой.

Я растерялась: «Действительно, ведь никакой зарплаты в ближайшем будущем не предвидится...»

— Мне надо детям еды купить, — сказала я дрожащим голосом.

— Сдай бутылки и купи, — отрезала Сонька и закрыла двери.

Я стояла, как оплеванная, и думала, что делать. Когда мы с детьми с сумками, полными бутылок, вышли из подъезда, бабушки проводили нас понимающими взглядами. Мы являли собой жалкое зрелище: женщина с двумя неухоженными детьми и пустыми бутылками...

Вырученных денег хватило на хлеб, молоко и сырочки. Дети все равно были счастливы. И даже мне показалось, что жизнь у нас наладится, но ночью я проснулась от жгучего желания выпить. Рядом с этим желанием меркло все: и дети, и мое будущее, и принципы, и достоинство. Все. Организм требовал дозы, а ее не было. Я готова была выпить любое лекарство на спирту. И продать квартиру вместе со всем имуществом, лишь бы только утолить эту страшную алкогольную жажду.

Именно той бессонной ночью, когда я плакала горькими слезами от бессилия, я поняла, что это болезнь. Но как от нее вылечиться? Если признаться в этом публично, тебя вычеркнут из жизни. Алкоголикам нет места среди приличных людей. Что будет с детьми? Мало того что сейчас наша семья неполная, так она станет еще и асоциальной.

Утром я облилась холодной водой (говорят, хорошо снимает стрессы), потом выпила крепкого-крепкого чая, сварила детям кашу из остатков крупы и поехала в редакцию. Мою статью о многодетной матери взяли в печать, но в постоянной работе отказали. Сейчас и штатным сотрудникам заказов не хватает. Позвонила бывшему мужу. Впервые со дня развода. Он был вежлив, холоден и сдержан: «Моя семья увеличилась. Расходы возросли. Рассчитывай на себя».

Я не знала, с чего начать: либо искать работу, либо доктора. Спасение пришло неожиданно. Когда я отправилась в ломбард закладывать свои украшения, то на одном из торговых лотков прочла банальное объявление: «Требуется продавец». Я тут же прошла собеседование с хозяином и на следующий день вышла на работу, предварительно упросив маму погостить у нас, пока устроим малыша в садик.

Моя сменщица на лотке оказалась больна той же болезнью, и она затащила меня в общество анонимных алкоголиков. Странно, но впервые произнеся перед посторонними людьми: «Меня зовут Галя, я — алкоголик», я уже наполовину избавилась от своего недуга. А торгуя луком на улице, я настолько уставала, что с трудом добиралась до кровати. Кажется, этот лук спас меня. Несколько луковок я даже посадила в банке на окне и загадала желание, что, когда он пустит свои зеленые стрелы, в наш дом придет счастье.

По ночам я уже не вскакивала от страстного желания выпить. Оно улету-

чило само собой. Заработанных денег не хватало на пристойное существование, но я не отчаивалась, наоборот, страшно радовалась тому, что смогла вернуться к нормальной жизни. Отношения с детьми стали теплыми. Они оттаяли и тянулись ко мне, как цветочки к солнышку.

Однажды к моему лотку подошел муж. С удивлением и сожалением посмотрел на меня. Журналистка, торгующая луком... Он не понял, что это была моя победа.

АМНЕЗИЯ

Женщина проснулась внезапно и сразу ощутила дискомфорт. Она вдруг с ужасом осознала, что ничего не помнит. Ни-че-го.

Паспортные данные, то есть имя, возраст, социальное положение были кем-то старательно стерты из памяти.

Стало очень страшно. Она вскочила с кровати и включила свет (подсознание любезно указало место выключателя). Небольшая комната не выглядела уютной — обилие картин, сувениров и статуэток делало ее похожей скорее на склад, чем на спальню. В углу в напольной вазе стоял букет давно засохших цветов.

Из зеркала на нее смотрела молодая растерянная женщина. Бледная, с неестественно выбеленными волосами, в кружевном нижнем белье и с остатками косметики на лице. Чужая и незнакомая.

Тело было отдельно, сознание отдельно. У тела было свое прошлое. Это прошлое было еще вчера, о чем красноречиво говорили остатки косметики на лице и кружевное белье. У сознания было только настоящее. Это настоящее ограничивалось отражением в зеркале.

Вдруг зазвонил телефон. Она поспешно схватила трубку.

— Алле!

— Привет, дорогая! Ну как ты? — поинтересовался женский голос.

«Неужели нельзя назвать по имени?» — подумала она, а вслух ответила:

— Никак!

— Ну, мать, так нельзя! Понятно, что последнее время тебе было не лучше всех, но трудности даются, чтобы их преодолеть, — увещевал голос.

Женщина молчала. С одной стороны, ей хотелось рассказать о провале в памяти, с другой стороны, она не знала, кто звонит. А вдруг «голос» сообщит в «Скорую», и ее упекут в психушку?

— Подруга, ты чего молчишь?

— А что говорить? Я не знаю, кто я в этом мире и как меня зовут! — Она решилась и выпалила все сразу.

— Ну ты даешь! Что за философия среди ночи? Я только хотела узнать, что ты доехала, увидимся завтра! — И голос исчез, послышались короткие гудки.

Женщина вновь подошла к зеркалу и стала пристально рассматривать свое изображение. Средний рост, средние данные, никаких особых примет. «Интересно, сколько мне лет?»

Вдруг снова ожил телефон.

— Привет. Это я, — сказал приятный баритон. — Как ты?

— Плохо, — коротко ответила женщина, даже не представляя, с кем говорит.

— А кому сейчас хорошо? — был риторический вопрос.

— Расскажи о себе, — вдруг попросила она.

— А что ты хочешь узнать?

— Что нас с тобой связывает.

— Опять выяснение отношений? Мы оказываем друг другу гормональную поддержку!

— А как тебя зовут?

— Майкл Джексон! — И мужчина повесил трубку.

«О Господи, неужели я проститутка?» Она никогда не думала, что это так страшно — потерять память. Казалось бы, какая разница, что ты делал вчера? Но нет, нити прошлого держат нас очень крепко, не давая утонуть в потоке лиц и событий. Прошлое — это код, позволяющий открыть дверь в будущее.

Наступило утро. Паника прошла, и на смену ей пришел тихий ужас. Она одна в целом мире. Мисс Никто из Ниоткуда. И главное, никаких опознавательных знаков. Женщина твердо решила попросить помощи у первого, кто ей позвонит. Звонок не заставил себя долго ждать.

Владимир задумчиво курил и думал о том, что делать дальше. Врач-психотерапевт, он уже подустал от городских сумасшедших, которые толпами приходили на прием, чтобы за десять баксов рассказывать о своих снах, мечтах и страхах. Сначала он с интересом слушал, записывал и даже пытался анализировать. В честолюбивых мечтах молодой врач хотел докопаться до глубин человеческого сознания и подсознания и найти там нечто, доселе неизвестное.

Потом понял, что на этом материале открытия в науке не сделаешь. Тем более дедушка Фрейд все основные открытия уже оставил за собой. И он почти потерял интерес к своей практике.

«Владимир Романович, зайдите в кабинет главного врача», — попросил бесстрастный голос селекторной связи. Неторопливо затушив сигарету, он отправился в стационар.

— Душа ждала и дождалась. — Шеф хитро прищурился. — Ты хотел неординарный случай? Есть клиентка с частичной амнезией. Любопытный случай. Займешься? Только имей в виду: за нее просили важные персоны и она под моим патронатом.

— Могу я взглянуть на историю болезни?

— Лучше вначале взгляни на клиентку.

Они подошли к одноместной палате. Которая своей прозрачностью напоминала аквариум, где сидела золотая рыбка.

Нет, нет, она вовсе не была чертовски хороша собой, она была просто чертовски мила. Ее растерянный, неуверенный взгляд красноречиво говорил о незащитности.

«Молода, растерянна и незащитна — наш любимый диагноз», — хотел сказать Владимир, но вместо этого тихо произнес:

— Я попробую.

В этот момент женщина повернулась, и их взгляды встретились. В ее глазах вспыхнул интерес.

— Реакция адекватная, работайте, молодой человек, — улыбнулся шеф и зашагал в свой кабинет.

Владимир зашел в палату.

— Здравствуйте, меня зовут Владимир Романович. Можно просто Володя.

Женщина сначала улыбнулась, а потом смутилась:

— Я не знаю, как меня зовут.

— А как бы вы хотели, чтобы вас звали? Давайте вместе придумаем имя.

— А как придумывают имена?

— В Японии на седьмой день после рождения происходит церемония присвоения имени. У нас все более прозаично. Называют в честь родственников, в честь святых, в чей день родился. Иногда именем кумира.

— А вас называли в честь святого или кумира?

— Не знаю. — Врач растерялся. До сих пор он не задумывался над происхождением своего имени. — Давайте назовем вас Валей. Производная от Володи. Годится?

— А вы будете моим кумиром или святым?

— Я буду вашим лечащим врачом. И доверенным лицом, пока вы все вспомните, хорошо?

— Хорошо, — сказала она покорно. В ту ночь она впервые за трое суток уснула спокойно. Теперь у нее по крайней мере было имя.

У нее какое-то странное отключение памяти. Стерты только те файлы, которые касаются ее прошлой жизни. Ни характера, ни привычек, ни комплексов, ни побед, ни достижений — чистый лист бумаги. В то же время она прекрасно ориентировалась во времени, в котором жила, знала всех политических лидеров, моду, светские новости, курс доллара, наконец. Он решил вести дневник, чтобы записывать свои наблюдения за этой больной.

— Доброе утро, Валя.

— Доброе утро, Владимир.

Он вошел в тот момент, когда женщина прихорашивалась перед зеркалом.

— Вы себе нравитесь?

— А как можно себе не нравиться? Внешность же нельзя придумать, как имя. Поэтому надо любить что есть.

— У вас очень красивые глаза. Чистые и открытые. А глаза — зеркало души.

— А те, кто не хочет показывать душу, надевают темные очки?

Женщина внимательно посмотрела на доктора. Вьющиеся темные волосы, голубые глаза, смуглая кожа. Внешность южного темпераментного мужчины. Но темперамент надежно спрятан за внешней невозмутимостью и отчужденностью. Он совсем не говорит о себе, но есть же у него какая-то своя жизнь?

«Да она совсем не так проста. Тем интереснее будет с ней работать. Она обязательно все вспомнит».

— Надо попробовать давать ей привычную информацию. Только дозированно, — докладывал Владимир шефу.

— Имеешь в виду выход в город?

— Начнем с телевизора.

— Телевизор в седьмую палату. — Шеф отдал распоряжение по селекторной связи.

Дав пациентке сполна насладиться общением с «ящиком» Владимир пришел на прием.

— Ну как, благо цивилизации слегка скрасило вашу жизнь?

— Получается, одним нажатием кнопки я могу заставить кого-то танцевать и петь, подсмотреть, как кто-то занимается сексом, а кто-то кого-то убивает? Но как?

— Вы хотите, чтобы я рассказал, как устроен телевизор? Я знаю, что он состоит из микросхем, а все остальное не для средних умов. И потом, разве это так важно? — Он уже говорил с ней как врач с пациенткой.

— Я не понимаю другого. Во-первых, как все эти события помещаются в маленьком ящике. И во-вторых, если невозможно в этом всем поучаствовать или как-то повлиять на исход событий, то зачем просто смотреть? — И она на-

жала кнопку.

«Я люблю тебя, и это здорово», — пел певец.

Интересно, кем она была в прошлой жизни? Чем занималась, с кем жила? Стоп!

Появление этих вопросов сигнализировало о том, что женщина становилась ему интересной именно как женщина.

У всех психиатров «свои тараканы в голове». У Владимира был особый пункт — он не прощал женщине ее прошлого. Сначала, если она была ему интересна, он всеми силами пытался влезть к ней в душу и узнать, где, когда, с кем и как. Потом это «с кем» и «как» у него очень болело и не давало жить. И когда он совсем уже не мог справиться с этой болью, то находил самое уязвимое место у своей «жертвы» и бил прямо туда. «Я контролирую настоящее, я строю будущее, но не приемлю прошлого, потому что не могу его изменить», — говорил он сам себе. Только он может моделировать ситуацию, потому что только он режиссер-постановщик отношений со своей женщиной.

Сколько таких «постановок» было в его жизни! Все началось с первой любви. Он влюбился в шестнадцать. Его пассия не реагировала на восторженные взгляды и робкие признания. Как он страдал! Быть отвергнутым, когда делаешь первые шаги по дороге жизни, быть осмеянным, когда обнажаешь свои первые чувства. Он не забыл и не простил. Спустя десять лет представился случай отомстить, и он его не упустил.

Они встретились в многолюдной толпе. Она — поблекшая и разочарованная после неудачного замужества, он — успешный и благополучный, к тому же заманчиво свободный.

— Как ты изменился, похорошел.

— А ты все такая же очаровательная.

— Поехали ко мне, выпьем кофе, поговорим.

— Такую долгожданную встречу нельзя комкать. Давай встретимся завтра и устроим праздник любви.

Назавтра в назначенный час он сидел в машине напротив места встречи. Она пришла даже раньше назначенного времени. Мороз минус двадцать, а на ней капрон и перчатки от комаров. Сорок минут он курил в теплой машине, наблюдая, как замерзает его первая любовь. Затем завел мотор и уехал, не дождавшись конца спектакля.

Следующей жертвой стала Лариса. Бесшабашная хохотушка как-то поведала Володе о бывшем любовнике, который переживал, словно мальчик, когда она в порыве страсти назвала его другим именем. Володя долго обхаживал и приручал Ларису. Пел ей колыбельные песни, читал стихи и признавался в любви при свете мерцающей свечи. Хохотушка стала задумчивой и эмоционально зависимой от Володи, словно батарейка от подзарядного устройства.

И вот однажды, когда состояние эйфории от близости с ним достигло максимума, он произнес: «Как же я люблю тебя... Маринка...»

Когда она в слезах выскочила из ложа любви, мужчина холодно произнес:

— Сейчас ты уйдешь и это твое право. Но вначале загляни под подушку.

Лариса схватила маленький помятый листочек, на котором каллиграфическим почерком было выведено: «Я помню, что тебя зовут не Марина».

— Ты это специально?

— Да. Чтобы ты знала, как больно было тому человеку, над которым ты

смеешься до сих пор.

Но больше всех он «осчастливил» свою жену, которая растворилась в нем, словно кофе в кипятке. Она разделяла его взгляды на жизнь и на смерть, у нее не было ни других дел, кроме его дел, ни других интересов, кроме его интересов. Он мог разбудить ее в пять утра, если ему вдруг хотелось секса или просто общения. Но однажды она встретила человека, который вместо неограниченной власти над ней предложил неограниченные средства. Вероятно, женщину стала тяготить рабская зависимость от любимого мужчины, и она ушла к любящему. Новый приютил ее в своем дворце с золотым унитазом и выполнял любые желания. Однако несчастная уже заболела «донорской болезнью» и не находила себе места, если у нее «не брали кровь». И она потихоньку бегала к своему мучителю, который отвергал ее. Но не грубо, а изысканно, как умел это делать только он.

После всех этих баталий он выходил победителем и побежденным одновременно. Он сражался с собственными комплексами и обидами, но они бумерангом возвращались к нему же. И тут появилась эта странная пациентка. Женщина без прошлого. И только от него зависит, быть этому прошлому или не быть.

Прошло совсем немного времени, а Володе уже стали необходимы встречи с пациенткой. Он забросил амбулаторную практику и все время проводил в стационаре со своей «золотой рыбкой».

— Я не понимаю, как движутся машины. Каким образом эти железки набирают скорость и мчатся, беспрекословно подчиняясь желанию водителя. Только не надо говорить про микросхемы и средний ум. — Женщина улыбнулась, и Володе на миг показалось, что она над ним издевается.

— Я, например, тоже не понимаю, почему с неба падают капли, которые мы называем дождем. То, как сквозь сито, то как из ведра. Но я не задумываюсь, а открываю зонтик, чтобы не промокнуть. — Он решил поиграть в ее игру.

— Но больше всего я не понимаю, как движутся люди. Как при одном только желании, рожденном в мозгу, совершается действие? Походка, жесты, движения? — Она как будто и не слышала его ремарок.

— Многие жесты и движения могут передаваться по наследству. А некоторые приобретаются в зависимости от социального положения и образа жизни.

— А о чем говорят мои жесты и движения? Как они меня характеризуют?

— Как не уверенного в себе человека.

— Посмотрела бы я на вас, окажись вы в моем положении.

— О, вы уже начинаете дерзить, значит, идете на поправку.

— Это точно, скоро так поправлюсь, что в дверь не войду. Целый день сижу тут в четырех стенах.

— Так, может, имеет смысл пойти прогуляться?

— С удовольствием!

На следующий день Володя на планерке докладывал о своей пациентке.

— Частичная амнезия. Плюс наслаивается концепция чистого человека. Сон и аппетит в норме. Из медикаментозного лечения получает только витамины и успокаивающие препараты. За четыре дня никаких реальных сдвигов не произошло.

— Может, имеет смысл ввести в гипнотическое состояние? — предложил

Славик. После того как он стал доцентом, к его мнению прислушивались.

— Ваши предложения? — спросил шеф у Володи.

— Я считаю, что память могла отключиться вследствие сильного стресса. Возможно, если постепенно вводить больную в привычную среду, она все вспомнит и без гипноза, — ответил он.

— Мне вчера звонили насчет состояния этой пациентки. Интересовались важные персоны. Поэтому экспериментирование не затягивайте.

— Могу я узнать паспортные и анкетные данные моей пациентки?

— А никаких данных нет. Она поступила по «скорой», и документов у нее не было.

— А кто же тогда звонил насчет ее состояния? И как ее называли? — Володя в недоумении уставился на шефа.

— Они не называли ее по имени. Пациентка из седьмой палаты.

— А себя-то хоть они называли по имени?

— Слушай, что ты пристал? Так, все свободны.

Шеф закурил и уставился в одну точку. Он не мог вспомнить, кто ему звонил насчет этой злосчастной пациентки. Но почему-то была уверенность, что звонил кто-то важный. Этот тихий голос, к которому нужно прислушиваться, и характерные железные нотки, присущие только сильным мира сего.

Володя с Валею поехали в парк. Для нее это была приятная расслабляющая прогулка после почти недельного сидения в палате-аквариуме. Свежий воздух, зелень, легкий ветерок — все радовало. Володя, который шел рядом, вселял уверенность. Она была в простом платье, без макияжа, без украшений — то есть вся такая натурально-настоящая, какими женщины бывают только перед собой. Кроме того, она не помнила, чем могла бы гордиться или чего стыдиться, и поэтому ее поведение тоже было совершенно естественное.

Володя с любопытством рассматривал свою спутницу. Вот бы изобрести вакцину, чтобы женщина на время теряла память, не нужно было бы никаких пудов соли с ней съесть. Ввел вакцину — и увидел настоящую картинку. Женщина, какая она есть. А то наденут на себя полкило косметики, полкило золота и полкило понтов, и попробуй за этой броней рассмотреть, что там внутри. Интересно, как ее зовут?

Валя между тем разглядывала толпу. Мамы и папы, нарядив своих отпрысков, вывезли их на прогулку, закармливали мороженым, сладкой ватой и сладкой водой. Сами же лакомились шашлычками с пивом. «Это ж надо, посреди города развели костры и жарят мясо принесенных в жертву животных. Варвары с повадками цивилизованных людей», — думала Валя, но не озвучивала свои мысли.

Тут зазвонил мобильный, и Володя прильнул к трубке.

— Алле, ты где? — пропел женский голос.

— На работе, — холодно отрезал Володя. Ему очень не нравились подобные вопросы. Почему он должен отчитываться о своем месте пребывания?

— А я соскучилась, — произнес голос капризно.

— Я перезвоню, — отрезал Володя и повесил трубку.

— Кто это? — спросила Валя.

— Понятия не имею. — Ее спутник пожал плечами.

— И вы так спокойно к этому относитесь? Говорите с человеком, которого не помните, и вас это не смущает?

— Круг общения современного человека настолько велик, что помнить всех просто невозможно, — спокойно ответил Володя.

— А вы делаете в записной книжке пометки, кто хороший человек, а кто нехороший, чтобы не забыть?

— Хороших людей много, полезных мало. — Володя рассмеялся. Вале почему-то не понравился его смех.

— Полезными бывают прогулки на свежем воздухе, — произнесла она задумчиво. — Или диетические продукты. А что значит полезные люди?

— Слушай, не цепляйся к словам. — Володя разозлился. — Черт возьми, мне уже самому становится интересно, кто ты на самом деле.

— А кто ты на самом деле? — Они даже не заметили, как перешли на ты.

— Скоро узнаешь. Всеу свое время. — Он решил повернуть разговор в другое русло и заботливо взял Валу под руку.

Она не отстранилась, а, наоборот, прильнула к нему. Ее незащищенность была настолько очевидной, что не воспользоваться ею было совершенно невозможно. Хотя...

Память на мгновение унесла его в далекое прошлое, когда он был томим и снедаем страстью к соседской девочке. Это было на море, и они жили в дачных домиках по соседству. Бедняга не видел ничего вокруг, кроме этой кокетки, которая мило улыбалась, давая смутную надежду на то, что у них что-то может быть... И эта надежда не давала возможности спать, есть, загорать и купаться. Все видения вертелись вокруг этой девчонки. У нее были черные как смоль волосы, крепкие ноги и озорные глаза. Однажды она завела его в спортивный зал. Весь пол там был застелен матами, кругом стояли гимнастические снаряды, и пахло потом и пылью. Девчонка уселась на «козла» и стала беззастенчиво стаскивать с себя майку. Похоть и страх перемешались в нем и слились в одно чувство. Он зажмурился от предвкушения того, что сейчас может произойти.

— Ты что, боишься? — Ее резкий смех заставил его вздрогнуть. — Не дрейфь! Я опытная, ты у меня двадцать пятый будешь. — И она, соскочив с «козла», двинулась ему навстречу. Груды подрагивали при каждом ее шаге.

Володя развернулся и побежал прочь. У него в мозгу стучали сотни молоточков: «Ты, у меня двадцать пятый, двадцать пятый...» Обида на весь женский род захлестнула его огромной волной и утопила. Страсть испарилась. Ей на смену пришли ненависть и презрение.

Он хотел мести. Изысканной и изощренной. У него впереди было много времени и много возможностей. Он был хорош собой и переполнен обидой, которая бурлила и наполняла все клеточки организма.

Сейчас перед ним была женщина, которая не помнила, сколько было до него у нее мужчин, а значит, он будет первым. Интересно, помнит ли ее тело прошлых любовников?

— Володя, что с тобой? — Валя в недоумении смотрела на него. Он сжал ее руку изо всех сил.

— Прости, я вспомнил старую историю, — сказал Володя извиняющимся голосом. Он все никак не мог вернуться из своего навязчивого воспоминания.

— Господи! Когда я уже что-то вспомню! — Она в отчаянии вырвала свою руку, и ее глаза наполнились слезами.

— Знаешь, иногда лучше все забыть, — сказал он твердо. — Как, например,

мы забываем прошлые жизни. Ты веришь в реинкарнацию? — Володя, улыбувшись, снова взял ее за руку.

— Как можно верить в то, чего не знаешь?

— Каждый из нас уже жил на Земле, просто мы не помним, в какое время и в каком теле. А в новом воплощении мы все забываем и живем как бы заново.

— То есть ты хочешь сказать, что я реинкарнировалась и теперь проживу другую жизнь? — Она с удивлением посмотрела на своего лечащего врача.

— Почему нет? Вспомнить все — это значит взвалить на себя весь груз прошлых обид и разочарований. А так ты свободна от всего этого кошмара. У тебя есть шанс все начать с чистого листа. На самом деле такой шанс дается не каждому! — Он почти завидовал этой женщине.

— Значит, теперь с меня снимается и груз ответственности за все мои ошибки и промахи? Так? — В ее взгляде были и надежда, и вызов.

— Слушай, поехали ко мне, выпьем кофе, а потом я сдам тебя обратно в больницу. — Не давая ей возможности возразить, он стал ловить машину.

Валя перешагнула порог его дома с трепетным любопытством. Любое жилище красноречиво рассказывает о хозяине, надо только уметь слушать. Типичная холостяцкая квартира, где все функционально и рационально. Бытовая техника, аппаратура, компьютер, встроенный шкаф и широкая двуспальная кровать. На окнах жалюзи. Правда, журнальный столик завален книгами и исписанными листками бумаги.

— Прошу вас! — Он галантно пригласил ее в комнату.

Валя несмело присела на краешек кровати. Володя ушел на кухню варить кофе, и скоро вся квартирка наполнилась душистым ароматом. Валя прикрыла глаза и улыбнулась. Ей начинала нравиться ее новая жизнь. Плынешь себе послушно по течению и не противостоишь событиям, потому что даже не знаешь, кто ты и как себя вести. Вдруг что-то громко хлопнуло, женщина вздрогнула и открыла глаза. Звук шел из-за шкафа. Она на цыпочках подошла к небольшому тазу и увидела двух плескающихся черепашек.

— Они похожи на меня, — сказал Володя, неожиданно появившись у нее за спиной. — Они тоже прячутся от мира под своим панцирем и живут в своем домике в одиночестве.

— И им не хочется никого к себе пускать?

— Может, и хочется, но не можется. Кофе готов, мэ.

Валя пила ароматный напиток и смотрела на Володю, который вдруг стал замкнутым и серьезным. Он сосредоточенно курил сигарету и смотрел куда-то поверх нее. Ей вдруг стало одиноко и холодно, и это ощущение показалось знакомым. «Я была одинока?» Он не дал ей додумать. Быстро затушив сигарету, порывисто встал, подошел к ней и стал расстегивать платье. Движения были уверенными. «У меня есть выбор?» — подумала женщина. Выбора не было. «Хорошо, когда нет выбора и от тебя ничего не зависит». Она закрыла глаза и отдалась на милость победителя.

Ей было хорошо. И, лежа с закрытыми глазами в объятиях своего доктора, Валентина даже не силилась вспомнить, кто она и откуда. Какая разница, если ей хорошо?

Володя не закрывал глаза, наоборот, он с пристальным вниманием наблюдал за своей пациенткой. Ведет себя вполне раскованно, явно наслаждается сексом. Похотливая самка! Может, я у нее тоже двадцать пятый?

Кто она, черт возьми?! Он резко отодвинулся. Женщина, словно почувствовав неладное, открыла глаза и улыбнулась. Улыбка была хорошая, и Володя улыбнулся в ответ.

Они лежали и молча улыбались друг другу. В углу, в тазике, плескались черепашки. Они тоже улыбались друг другу из-под своих панцирей.

Неожиданно зазвонил мобильный.

— Да, шеф, все нормально мы уже едем, — произнес Володя и не оборачиваясь стал одеваться.

— Док, спасибо за терапию. Надеюсь, она входит в курс лечения? — Валентина лукаво улыбнулась.

— Входит, только главврачу об этом говорить не надо. И вообще, больная, одевайтесь! — Володя расхохотался.

В больницу они ехали молча. Так же молча он проводил ее к палате и, слегка пожав руку, скупно попрощался: «До завтра!»

Терапия явно пошла ей на пользу. Когда главврач проходил мимо палаты, она смотрелась в зеркало и что-то напевала.

Его беспокоила эта пациентка. Во-первых, он, как главврач, должен был бы знать, чья она протеже и кто за нее заплатит. А он не знал, и это незнание его тяготило.

Володю тоже тяготила загадочность его подопечной. И кажется, только Валя была спокойна. Она уже смирилась со своей амнезией и вполне мирно существовала в настоящем времени.

«Страшно только вначале, а потом привыкаешь. Причем привыкнуть можно ко всему», — думала она, сидя в своем аквариуме. Она уже привыкла к своему новому имени, к своему лечащему врачу и к больничному распорядку. Ей, конечно, было интересно, кто ее друзья и кто она по профессии. Есть ли у нее семья и если есть, то почему ее никто не проводит. Но память угрюмо молчала. Не было никаких, даже косвенных, подсказочек. Она заинтересовалась своим нынешним окружением. В соседней палате целыми днями грустила толстушка. А напротив все время плакала очень красивая женщина. Любопытство победило такт, и она пошла на контакт. Двери здесь открывались легко, и общаться больным не воспрещалось.

— Привет, — несмело сказала Валя и нерешительно остановилась у двери толстушки.

— Привет. — Та подняла на нее маленькие заплывшие глазки. Она уже была наслышана о Валином необычном недуге. В глазках-щелочках мелькнул интерес. У нее уже давно не было ни к чему интереса.

— Меня зовут Валя. Вернее, я сейчас отзываюсь на это имя.

— А я отзываюсь на имя Маша, — сказала толстушка и предложила ей сесть.

Спустя полчаса они уже оживленно беседовали. Маша — провинциальная девочка — успешно вышла замуж за крутого мужика. Обычно провинциалки все делают успешно: выходят замуж и делают карьеру. У них для этого есть большой стимул — стать столичными и стать успешными. Маша стала не просто успешной, а очень успешной. Из некрасивой неустроенной девочки она сразу превратилась в благополучную женщину. Богатый и любящий муж ценил молодую жену и старался сделать для нее все. Он мог запросто свозить ее пообедать в Париж, а вечером повести на концерт местной знаменитости.

Он одел ее не совсем стройное тело в меха и шелка, коротенькие пальчики украсил драгоценностями. Он возил ее по границам и учил изысканным манерам. Короче, лепил из нее леди и денег на это не жалел. Маша очень быстро вжилась в роль любимой женщины преуспевающего джентльмена и очень дорожила этой ролью. Это не был союз молодости и денег (благоверный был старше на пятнадцать лет). Это была любовь, освященная церковью. Она родила любимому сына и купалась в своем счастье и благополучии. Но однажды их машина перевернулась. Все остались живы и невредимы, но это был знак, что ничто не вечно под луной. Ни благополучие, ни счастье, ни даже жизнь. Когда она это поняла, то стала очень пугливой. Она стала бояться всего. Что муж однажды вечером не вернется с работы, что сын простудится, заболеет и умрет, что...

Да мало ли этих «что» в нашей жизни. Когда организм боится, он защищается. Защитная реакция Машиного организма заключалась в том, что он наращивал жировые клетки. А вдруг в скором времени придется голодать? За полгода бедняжка набрала тридцать пять килограммов. Даже если она не ела, все равно продолжала полнеть. Ее глаза превратились в щелочки, почки и сердце не справлялись с нагрузками, а отекавшие ноги отказывались носить огромное тело.

Врачи назвали это «синдромом неожиданного богатства» и уложили бедняжку в клинику.

— То есть ты хочешь сказать, что можно заболеть страхом потери и страдать от того, чего еще не случилось? — Рядом с этим кошмаром собственная амнезия показалась Вале детским лепетом.

— Ну ты же боишься смерти, хотя она еще за тобой не пришла, — парировала Маша.

— Знаешь, по-моему, я уже умерла, а сейчас в моем теле живет другая женщина. И я очень боюсь, что та, прежняя, может появиться снова, — произнесла Валя.

— А как она может появиться? — У Маши глаза расширились и стали казаться большими.

— Из памяти, — просто ответила Валя. — Вот сейчас я Валя, живу себе в палате-аквариуме, и за меня все решают. Есть мужчина, который меня лечит и, может быть, даже любит. Я не знаю, кем я была, и чем дальше, тем меньше я хочу об этом знать. Какая разница? Это как прошлая жизнь. Вот ты знаешь, кем была в прошлой жизни?

— Бедной, несчастной, закомплексованной провинциалкой. Меня в институте называли «село неасфальтоване». Вот кем я была! — Маша достала из тумбочки яблоко и с жадностью впиалась в него.

— Да я не о том. Говорят, что человек проживает несколько жизней на Земле. Каждый раз он воплощается в другом времени, другой стране и в другом теле. Понимаешь?

— А, ты об этом... Мне говорили, что я была воином в войске Чингисхана.

Валя с сомнением посмотрела на огромную бесформенную тушу и подумала: «Видно, этот воин сильно нагрешил в прошлой жизни».

— Хочешь чего-нибудь? — спохватилась Маша и стала доставать из тумбочки сухофрукты, апельсины и яблоки.

В тот момент, когда женщины с аппетитом уплетали дары природы, в пала-

ту вошел Володя.

— Вот ты где пропадаешь. — Он улыбнулся Вале.

— Расширяю круг общения. — Валя улыбнулась доктору совсем как близкому другу. От Маши не ускользнула эта улыбка. Они пошли в соседнюю палату, оставив толстушку доедать в одиночестве.

— Ну как ты? — спросил он. В голосе слышалось волнение.

— Что-то случилось? — Валя мгновенно уловила интонацию.

— Аквариум оказался пустым, и я испугался за «золотую рыбку».

— Твоя «золотая рыбка» умеет не только отгадывать желания, но и исполнять их. — Валя лукаво улыбнулась.

— Ты путешествовала по другим аквариумам? — Он как будто не замечал ее игривого настроения.

— Слушай, а почему эта женщина справа от меня все время плачет?

— Это известная актриса. Она всю жизнь и на сцене, и в быту играла коварных красоток и соблазнительных стерв. А однажды ей вдруг стало жалко всех голодающих детей мира, и она стала скорбеть о них. Не помогать, а именно оплакивать их горькую долю. Возможно, наложилась синдром нерожденных детей. Бурная молодость, аборты, плата за грехи.

— Это лечится?

— Есть болезни, которые лечатся, а есть такие, которые только диагностируются. Тебе станет легче, если ты будешь знать, что твой синдром впервые открыл какой-нибудь Фрейд и что им переболело, скажем, пять тысяч двести пятьдесят особей рода человеческого? Понимаешь, у каждого человека очень сложный душевный мир, который надежно закрыт от посторонних. И что там творится — одному Богу известно. Ну, может, еще и психиатру чуть-чуть. — Он усмехнулся.

— А может, ей надо пострадать и посопереживать? — предположила Валя.

— Чистое страдание, которое ничему не учит и ничего не меняет, — это бессмысленное страдание.

Валя посмотрела в соседнюю палату. Женщина сидела в печальной позе, обхватив руками голову, и качалась из стороны в сторону.

— Володя, а если я ничего не вспомню, меня отсюда не выпустят? И вообще, что со мной тогда будет? — Она вдруг задала самый главный вопрос.

Врач растерялся. Он не ожидал этого вопроса сейчас. Хотя все последнее время думал об этом. На самом деле мы приходим в этот мир каждый со своим заданием, но при рождении все забываем и начинаем с чистого листа. Искать свое место и свой путь. При этом никто никого не лечит.

— Понимаешь, — он хотел назвать ее по имени и передумал, — дорогая, мы можем заставить твою память восстановить потерянный файл. Современные методики позволяют это делать. Но так ли тебе это нужно? Ведь случайностей не бывает, значит, ты потеряла память не просто так. Может, это была защитная реакция на какой-то стресс или информационная перегрузка. А может, просто шанс что-то понять.

— Или просто тяжелая, неизлечимая болезнь...

Валя, если ты хочешь, мы сегодня же приступим к восстановлению памяти. Ты готова? Ты действительно этого хочешь? — Он внимательно посмотрел на свою пациентку.

Сейчас, когда Валентина еще находилась в полном неведении, она была

ему бесконечно дорога. Женщина без прошлого. Не обремененная никем и ничем. Неизвестно, в какого монстра она превратится, когда все вспомнит.

— Я подумаю, — ответила Валентина.

На самом деле ей было страшно. Прошла неделя с тех пор, как она проснулась в новом качестве. Взрослый новорожденный человек. Без имени и без веры. Один на всем белом свете. Которому надо все постигать сначала, создавать свой мир, искать своих людей. А что делать с прошлым миром, вдруг он тоже проявится? Она не знала, чего больше боится: начать все сначала или вернуться в прошлое. Выбор — удел сильных людей.

— Давай отложим решение на завтра, — попросила она.

— Утро вечера мудренее. — Владимир ободряюще похлопал ее по плечу и, улыбнувшись одними губами, вышел.

Утро мудрости не принесло. Вале приснился сон, в котором она четко все про себя знала. Но, едва открыв глаза, тут же все забыла. «Я — это то, что я есть или то, что я про себя думаю? А может, это то, что думают обо мне другие?» — размышляла она напряженно. Володя в этот день к ней не пришел. Зато пришел другой врач и очень подробно расспрашивал, какие имена ей нравятся, какие профессии вызывают интерес, любит ли она детей... «Пытается понять, на что я отзываюсь».

— Мне кажется, что если у матерей забрать детей, тщательно перемешать, а потом, лишив матерей памяти, заставить выбрать себе ребенка, я уверена, что большая половина выберет не своего.

— Таких сложных экспериментов мы проводить не будем. — Новый врач усмехнулся в усы. — Но проведем небольшое тестирование. Я психолог, меня зовут Олег. — Он надел на себя подобие улыбки.

— А если я не захочу тестироваться? — спросила Валентина вызывающе. Психолог ей не понравился, и она не собиралась быть подопытным кроликом.

— Это не больно, — опять усмехнулся он. На вид ему было около пятидесяти. Он выглядел ухоженно-импозантно и почему-то вызывал у Вали неприязнь.

— Итак, представьте себе дорогу, — продолжил он безо всякой паузы.

— Какую дорогу?

— Любую. Какие образы у вас ассоциируются с этим словом?

— Я вижу степь, всадника на коне, который подъезжает ко мне на всем скаку, и огромный столб пыли.

— А что вы делаете на этой дороге?

— Я иду босиком по теплой мягкой пыли, и мне очень нравится идти. Кругом простор, ветер развеивает мои волосы.

— Хорошо. А теперь представьте воду. Любую и какие желания она у вас вызывает.

— Вижу большое, глубокое чистое озеро. Мне хочется нырнуть, но я боюсь.

— Отлично. Теперь представьте себе сосуд и опишите его.

— Это красивая антикварная ваза с высоким горлышком, расширяющаяся книзу. — Валя впервые улыбнулась. Ей становилось все забавнее играть в эту игру.

— А что в этой вазе?

— Вода. Чистая родниковая вода. — Она понимала, что родниковую воду не наливают в антикварные вазы, но ей так хотелось.

— Прекрасно. Спасибо. — Он тоже улыбнулся. Не усмехнулся в усы, а именно улыбнулся и, сделав пометки в блокноте, попрощался и ушел.

* * *

Уже через несколько минут в ординаторской шла оживленная беседа между Володей и Олегом.

— Твоя пациентка более чем любопытна. Судя по ее ответам, она, мягко говоря, не коронованная особа. При слове «дорога» она представила себя босой в степи. Это значит, сама прокладывает свой путь. На пути у нее встал какой-то высокопоставленный мужик, но с этим надо работать отдельно. Будущего своего она боится, и здесь ее можно понять. Ну а что касается секса, то тут парадокс. С одной стороны, секс для нее такая же жизненная необходимость, как вода. С другой стороны, нужен особый подход, долгие красивые прелюдии и всякие «красивости». — Олег сально улыбнулся. Все его эмоции, как правило, отражались в улыбке.

Володе это не понравилось, и он помимо воли сжал кулаки.

— Начнем с того, что эти твои тесты годятся для женских журналов, а не для серьезных медицинских учреждений. Это раз. А во-вторых, это моя пациентка и... — Он не успел договорить и замолчал на полуслове, встретившись с наглой, уничтожающей ухмылочкой. Это был полувопрос-полунамек.

Володя развернулся и пошел на утренний обход. Вали в палате не оказалось. Она сидела у своей соседки-толстушки и слушала ее бурный монолог.

— Меня сегодня обследовал психолог, и знаешь, что он сказал? Он спросил, как я себе представляю дорогу. Ну я и ответила, что, мол, вижу хорошо асфальтированную трассу. Еду по ней на автомобиле. Куда еду, не знаю, еду себе, куда везут. И знаешь, что это значит? Что все у меня тип-топ. Все схвачено и за все заплачено. — Маша на секунду прервалась, чтобы проглотить кусочек ананаса.

— Маш, человек — это то, что он о себе знает, каким хочет быть или то, что про него думают другие? — спросила Валя вечно жующую соседку.

— Человек — это то, что он ест, то, с кем он спит, о чем думает, с кем живет и даже во что одевается и о чем мечтает, — ответила та.

— А мне кажется, что каждый человек — это то, во что он играет или хочет играть, — уверенно произнесла Валя. — Вот тебе нравится роль успешной женщины, и тебе очень не хочется, чтобы эту роль не отдали кому-то другому, не так ли?

— А кто, по-твоему, распоряжается ролями? — ехидно спросила Маша.

— Ну явно не сильные мира сего. Они могут заказать музыку или даже заказать человека, вызвать девочку и оплатить стриптиз, могут сделать счастливой жену и обеспечить детей, но не более того. А удача, как и здоровье, — временное состояние. Даже память, и ту можно потерять, не то что состояние, — добавила она грустно.

— А ты философ, — скептически улыбнулась Маша и подумала: «Горе от ума».

— Вас просят на процедуры, — прервала их беседу медсестра.

Маша поплелась на массаж и гипноз, а Валя в свою палату.

В ординаторской в это время Володя и Олег внимательно прослушивали только что записанный на пленку диалог.

— Становится все интереснее, кто эта женщина, — задумчиво промолвил

Володя.

— Уже даже мне интересно. Знаешь, вчера шеф обмолвился, что за нее не заплатили ни копейки и надо мягко съехать с темы, то бишь перевести ее в государственную больницу, — произнес Олег.

— Но это такой неординарный случай, из этого можно сделать сенсацию. — Володя нервно закурил. Он не был готов расстаться с «золотой рыбкой».

— Что ты планируешь делать? — Олег внимательно наблюдал за коллегой.

— Может, съездить к ней домой, и, оказавшись в привычной обстановке, она все вспомнит? В любом случае квартира, как визитка, многое расскажет о хозяйке.

— Действуй, только поставь шефа в известность. Он не любит экспромтов.

Через полчаса Володя уже сидел перед Валею.

— Давай съездим на экскурсию к тебе домой, — как можно мягче произнес он.

— А зачем? — спросила она, но глаза заблестели.

— Человек — это то, как он живет. Попробуем понять, что ты за человек.

Валя подозрительно покосилась на врача, но возражать не стала, и они отправились на экскурсию.

Тихий зеленый дворик, сталинский четырехэтажный домик. Старушки на лавочке не вызвали никаких эмоций, ничто не казалось ей знакомым. Они пешком поднялись на четвертый этаж. Дверь квартиры оказалась опечатанной. На штемпеле красовалась дата — день ее поступления в больницу. Позвонили соседке.

— Вы не подскажите, почему квартира опечатана? — спросил Володя пожилую женщину.

Соседка подозрительно посмотрела на него, неприязненно — на нее и сказала:

— Потому что ее то ли ограбили, то ли обыскивали, а потом опечатали. — Она попыталась закрыть дверь, показывая, что разговор окончен, но Володя не дал ей этого сделать. Обворожительно улыбаясь, он вставил ногу в дверной проем и сказал:

— Нам нужно попасть в эту квартиру. — И протянул ей двадцатидолларовую банкноту.

Соседка растерялась, и Володя, воспользовавшись ее заминкой, решительно зашел в квартиру.

— У вас общий балкон? Проводите меня.

— Пожалуйста. — Тетка засеменила открывать балконную дверь.

Он легко перемахнул на соседний балкон и, попросив отвертку, быстро открыл дверь и скрылся в квартире. Через минуту они с Валею уже стояли посреди комнаты. Кругом был кавардак, все перевернуто вверх дном, как будто проводился обыск. На диван были небрежно брошены костюмы, платья, белье. В углу валялись книги, бумаги, счета, фотографии. Перевернутая ваза и сверху веник засохших цветов. Валя с интересом перебирала фотографии. Странно, но на всех снимках она была одна. Все остальные были тщательно вырезаны. Документов не наблюдалось. Счета тоже были безымянные. Нигде ни намек ни на имя, ни на фамилию. Книги тоже ни о чем не говорили — стандартный набор обязательной литературы для стандартного человека. Валя с интересом рассматривала свою одежду. Она никак не могла представить себя в этой

одежде и побежала на кухню. Засохшие цветы в горшках, на столе хрустальные стаканы с остатками чая. В мойке небрежно брошен дорогой сервиз. Мусорного ведра почему-то нет. Холодильник отключен и пуст. В ванной махровый халат, зубная щетка (одна!), плетеная корзинка с грязным бельем и гора косметики. И снова стало страшно. Прошлое было безжалостно вырвано и растоптано кем-то неизвестным. Валя тихонько опустилась на пол и, обхватив голову руками, беззвучно заплакала. Впервые с момента своей болезни. Она не слышала, когда вошел Володя.

Володя при всем своем наносном цинизме не переносил женских слез. Он терялся и решительно не знал, что делать. Увидев Валу, горько рыдающую среди неубранной кухни, он не придумал ничего лучше, чем поднять ее на руки и отнести в комнату. Затем одним движением ноги скинул разбросанные вещи на пол и уложил женщину на диван. А дальше все произошло автоматически. Само собой. На этот раз она была не пассивной, а взяла инициативу на себя, и Володя изо всех сил отгонял от себя ревнивые мысли «так вот ты какая на своем диване»... Это была уже совсем другая женщина. Раскрепощенная, уверенная в себе. Она явно знала толк в любовной игре и получала удовольствие от секса. «Кому из нас нужен доктор?» — с сарказмом подумал Володя, прежде чем отдаться чувственным наслаждениям.

Получив свою дозу кайфа, женщина плавно потянулась, как кошка, и блаженно распласталась по дивану. Она лежала, прикрыв глаза, и улыбалась.

— О чем ты думаешь? — строго спросил Володя.

— А что, обязательно о чем-то думать? — лениво спросила она, не открывая глаз.

— Ну, может, о ком-то вспоминаешь...

— Ты издеваешься? — Она встала и, ничем не прикрыв наготу, отправилась в ванную.

Когда там зажурчала вода, Володя вскочил и, быстро одевшись, стал шарить по комнате, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку. Ничего. И вдруг он случайно наступил на разбросанные вещи, и что-то хрустнуло под его ногой. Володя наклонился и поднял джинсы. Деревянный пояс треснул, но он, повинувшись какому-то внутреннему чувству, полез в карман и обнаружил там визитку некоего менеджера по рекламе.

Он автоматически засунул визитку в карман, и в этот момент вернулась Валя.

Она выглядела очень соблазнительно. Махровый халатик уютно облегал тело, открывая взгляду декольте и демонстрируя колени. На коже еще не высохли капельки воды, они с волос стекали куда-то под халатик, и вообще она была вся такая влажно-теплая, что в нем снова проснулось желание...

— Хочу есть, — капризно произнесла Валя. В тоне зазвучали повелительные нотки.

«В своей квартире она совсем другая», — подумал Володя, холодно рассматривая свою пациентку. А она между тем рылась в грудке своих нарядов, выбирая, что надеть. Странно, но гардеробчик состоял из совершенно несовместимых вещей. Очень скромные бедные вещи валялись вперемешку с кричаще-вызывающими нарядами. Единственное, что у них было общее, — размер. Они явно принадлежали одному человеку. В кучу были свалены ажурные трусики и чулочки, прозрачные блузочки и откровенные топики. Тут же простые

джинсы и пуританские костюмы. Валя с интересом рассматривала все эти вещи, как будто видела их впервые. Потом, бросив тряпки на пол, она поспешила к куче фотографий и стала разглядывать, как она выглядела на них. Здесь царила та же неразбериха. То в объектив смотрела девочка-скромняжка в застегнутой на все пуговицы кофточке, то вульгарного вида девица в откровенной одежде, которая больше демонстрирует, чем скрывает. Эти две женщины настолько не лепились в один образ, что Валя, отбросив от себя снимки, побежала в ванную и стала пристально смотреть на себя в зеркало. Из зеркала на нее смотрела растерянная и перепуганная молодая особа.

«Да что же это такое? Да кто же я, в конце концов?» Она разговаривала сама с собой и, кажется, совсем забыла о присутствии в доме Володи.

— Ты все еще хочешь есть? — спросил он, заглядывая в ванную.

Она устало кивнула. Через полчаса они уже сидели в небольшом ресторанчике и разглядывали меню.

— Человек — это то, что он ест, — тихо повторяла про себя Валя, блуждая взглядом по меню.

— Человек — это то, с кем он спит, — так же тихо вторил ей Володя.

— На ваш выбор, пожалуйста. — Она протянула ему меню с видом покорной рабы.

«Та еще штучка», — подумал он, а вслух сказал:

— Любой твой каприз, *дорогая*.

— Да уж, *не дешевая*. — Она усмехнулась. И Володе очень не понравилась эта усмешка.

— Курс «диванной терапии» мы уже прошли, а есть ли еще какие-нибудь другие методы лечения? — Она продолжала его злить.

— А что, собственно, тебя не устраивает? У тебя что-то болит? Тебя что-то беспокоит? От чего ты собираешься лечиться? — Володя действительно разозлился.

— Я хочу знать, кто я, — неуверенно произнесла женщина.

— Большая половина населения не знает и даже не задает себе этот вопрос.

— Так я могу считать себя свободной?

— Каждый человек свободен ровно настолько, насколько он хочет быть свободным.

— Так я могу идти? — Она привстала.

— Хозяин — барин.

Она привстала, чтобы уйти, но тут же вспомнила, что идти, собственно, некуда. Возвращаться в разгромленную квартиру не хотелось, кроме того, она была опечатана. В этот момент официант принес заказ, и она поняла, что страшно хочет есть.

Ели молча. Каждый думал о своем. Валя удивлялась, что в квартире у нее ничего не екнуло, и не было ни одной зацепки, чтобы хоть приблизительно сориентироваться в ситуации. Ни одного знакомого запаха. Ни одной детали. Странно.

Володя вспомнил о визитке и подумал, что завтра же надо будет разыскать этого менеджера и расспросить о Вале. Хотя стоп, он не знает, как ее зовут и кто она такая. Надо будет взять фото. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что вовсе не хочет, чтобы она что-либо вспомнила. Тогда тайна лопнет как мыльный пузырь, она станет обычной женщиной, одной из его пассий, и

он будет думать, как от нее отвязаться. Он этого не хотел.

Валя исподтишка поглядывала на жующего мужчину и, вспоминая сегодняшней спонтанный секс на диване, улыбалась сама себе. Такой важный доктор, лечит душевные болезни (хотя как можно лечить то, чего никто не видел?), а сам такой незащитный, закомплексованный. Он ей нравился. У человека должны быть комплексы, иначе он перестанет развиваться.

— Расскажи о себе, — вдруг попросила она.

— Меня зовут Володя. Я врач, — ответил он нехотя.

— Имя это не твое. Ты пришел в этот мир безымянным. Тебя можно назвать любым другим именем. Врач — это тоже не ты. Этим ты зарабатываешь себе на жизнь. А я просила рассказать о себе.

В этот момент прозвенел спасительный звонок мобильного. Володя поспешно нажал на кнопку.

— Привет, дорогой, — пропел женский голос. Он узнал бы этот голос из тысячи. Все его женщины делились на две равные части: на тех, кто пил из него кровь, и тех, из кого пил он. Эта относилась к первой категории. Невозможно было отключить телефон или исключить эту женщину из своей жизни. Она появлялась, когда хотела и исчезала, когда хотела. Ей казалось, что мир вращается только вокруг ее особы. Когда-то Инна обратилась к нему, тогда еще молодому специалисту, с просьбой вытащить ее из депрессии, и с тех пор он стал уже не платным доктором, а бесплатной жилеткой, куда она сливала свои слезы и негодование.

— Привет. — Он добавил к своему низкому голосу сахар и сироп.

— У меня потрясающая новость! Представляешь, у этого козла справка!

Дальше Володя не слушал. Он знал все, что она скажет. Бедняжка рассталась со своим спонсором и теперь уже который год поливает его грязью. Это превратилось в паранойю. Он посмотрел на Валью. Она уже все съела и теперь сидела в позе послушной девочки. Володя кивнул официанту и указал на десерт.

— У меня все хорошо, просто отлично, так хорошо еще не было, — между тем убеждала Инна то ли его, то ли себя.

— Я не могу сейчас говорить, ты что-то хотела? — прервал он ее монолог.

— Да, мне нужна консультация психотерапевта. Но не тебя. Ты друг, а мне нужен доктор.

— Хорошо, я запишу тебя к Славику. — Володя облегченно отключил трубку.

— Володя, можно мне почитать мою историю болезни? — попросила Валя.

— История болезни — это как книга жизни. Ее не обязательно всем читать. — Он старался говорить как можно мягче.

— Но ты сможешь меня вылечить? — В ее глазах блеснули слезы.

«О Господи, какие перепады в настроении», — подумал он, а вслух сказал:

— Знаешь, есть такая болезнь, когда люди все время счастливы. Эта болезнь присуща тем, кого природа наградила лишней хромосомой.

— С этого места поподробнее, пожалуйста.

— Этой болезнью болеют очень много людей, и она не лечится. Эти люди очень доброжелательны, всем довольны и счастливы. Кроме того, они все на одно лицо.

— Болезнь Дауна?

— Вот именно.

— Но люди должны бороться и страдать, а какой кайф жить в обществе одинаковых, всем довольных человечков? Да?

— Да, может, потому что у нас не хватает той самой хромосомы, мы всю жизнь и мечемся в поисках смысла жизни. — Володя достал деньги и стал собираться.

— Ты хочешь сказать, что у меня тоже не болезнь, а счастливое отклонение?

— Я хочу сказать, что с удовольствием поменялся бы с тобой местами.

На следующее утро Володя, не откладывая в долгий ящик, набрал номер рекламного агентства и попросил к телефону менеджера, чью визитку обнаружил вчера в Валиной квартире.

— Он здесь больше не работает, — бесстрастно ответил женский голос.

— А вы не знаете, где его можно найти? — не сдавался Володя.

— Не знаю и искать не собираюсь.

Тогда он отправился к Вале домой. Соседка впустила его на свой балкон, как старого знакомого. Сейчас у него было время все подробно рассмотреть. И он не торопясь стал исследовать квартиру. Его взгляд упал на календарь, висевший на двери. Некоторые дни были обведены кружочками. Синими и зелеными. Некоторые перечеркнуты черным фломастером. Возле нескольких стояли восклицательные знаки. Что это значит?

Он не успел додумать мысль, как в замке повернулся ключ и в квартиру влетели несколько человек в камуфляжной форме.

— Стоять! Лицом к стене, руки вверх!

Володя автоматически выполнил приказ. Он даже испугаться толком не успел.

Один из парней грубо обыскал его. Не обнаружив ничего, скомандовал:

— Документы!

— Я врач психиатрической больницы, — произнес Володя.

— Ты уже пациент! — хохотнул тот, что обыскивал его.

— Что вы делаете в этой квартире? — спокойно спросил другой парень, который до этого молчал.

— Ищу вещи своей пациентки.

— Ага, а вчера он здесь «лечил» свою пациентку, — сказала соседская тетка, и Володя понял, почему здесь оказались охранники.

Когда в клинике стало известно об инциденте, главврач собрал экстренное совещание.

— Я не позволю бросать тень на частную клинику. Репутация слишком дорого стоит и слишком тяжело восстанавливается! — кричал он гневно. — Кто вам разрешил заниматься частным расследованием? Вы не сыщик, а психиатр!

— Я в интересах дела... — начал было Володя.

— В интересах дела я сейчас же выписываю эту пациентку в связи с неплатой ее лечения. А вы пишете объяснительную записку.

— Но это невозможно, она нездорова, ей некуда идти. — Володя лихорадочно подыскивал аргументы.

— У нас платная клиника, а не богадельня. В свободное от работы время мо-

жете «лечить» ее сколько хотите! Все, разговор окончен!

Валя как раз заканчивала обед, когда вошла медсестра и пригласила зайти к главврачу.

— Вынужден вас огорчить, но применяемые нами методы лечения не имели действенного результата. Считаю, что вам целесообразнее продолжить лечение в одной из государственных больниц, — произнес он как можно мягче.

— И что теперь будет? — спросила она беспомощно.

— Ничем не могу вам помочь. — Давая понять, что разговор окончен, главврач поднялся.

Когда Валя подошла к своей палате, там уже нянечка убирала ее постель, а медсестра собирала вещи.

— Говорят, что за эту больную никто ничего не заплатил, представляешь? — проговорила нянечка.

— Такого еще не было, — вздохнула медсестра.

В этот момент они обернулись и, увидев Валу, осеклись. Валя молча взяла кулек и пошла по коридору. В голове пустота. Куда идти? Что делать?

— Тебя выписывают? — спросила подошедшая Маша.

— Нет, выгоняют.

В этот момент к ней подбежал Володя и, взяв под руку, увлек за собой.

Они вышли из клиники, сели на лавочку. Долго-долго молчали.

— Идти тебе все равно некуда, поэтому поедем ко мне, — сказал наконец Володя. Они поднялись и пошли ловить машину. Главврач закрыл жалюзи и облегченно вздохнул.

Они стали жить вместе. Как будто так было всегда. Они уже не были врачом и пациенткой, а лишь женщиной и мужчиной. Съездили на ее квартиру и забрали вещи. Оказалось, что квартира была съемная и хозяйка все вещи сдала в ЖЭК. Валя развесила свою одежду в его шкафу, расставила чашки в его кухне и стала обживаться. Он по утрам уезжал в клинику, она ждала его дома: готовила, убирала, кормила черепашек. Вечером они вместе ужинали и смотрели телевизор.

— Знаешь, наверное, для писателя любое событие — сюжет, у художника весь мир — эскиз, а у психиатров — сплошной дурдом, — сказал задумчиво Володя.

— Ага, а у гинекологов — бордель? — Валя заливалась веселым смехом.

Они понимали друг друга, даже когда молчали. Володя ни на минуту не пожалел о том, что забрал ее к себе. В клинике ему не задавали лишних вопросов, хотя главврач выписал солидную премию. Правда, окружение не одобряло его выбор. Позвонила Инночка.

— Я понимаю, что все психиатры психи, но не настолько же! — сказала она агрессивно.

— Ты о чем? — холодно спросил Володя.

— О том, что некоторые выбирают себе жен в сумасшедших домах!

— Кстати, не хочешь обследоваться, там еще есть холостяки!

Валя расслабилась и смирилась, она уже не пыталась судорожно вспомнить что-нибудь из прошлой жизни. А зачем? Надо жить здесь и сейчас.

Однажды, спускаясь по лестнице, она поскользнулась, упала и сломала ногу. Боль была такая сильная, что в глазах потемнело.

— Скорее! «Скорую»! Тут женщине плохо, — услышала она чей-то голос сквозь уходящее сознание.

В мозгу промелькнула одна мысль: «Какое на мне белье?» И тут она все вспомнила. Неожиданно память, словно вспышкой, озарила ее прошлое.

С родителями Танечке повезло. Папа — летчик, мама — жена летчика, она — любимая дочка. Однажды отец взял ее с собой в небо. Она сидела в кабине, вцепившись ручонками в папино кресло. А он, такой большой и сильный, управлял железной машиной. Огромное бескрайнее небо раздвигалось и пропускало их самолет. Внизу оставались домики, люди, облака, а над ними только солнце. Это ощущение бескрайности Вселенной, красоты неба и ни с чем не сравнимое чувство полета останется с ней на всю жизнь. Во сне ей снилось, как она летает, а любимым детским развлечением было закрыть глаза и махать руками, как крыльями, словно паря над облаками. «Не залетай высоко!» — смеялась мама, когда заставляла ее за этим занятием.

...Отец погиб в авиакатастрофе, когда ей было пятнадцать. А через год не стало мамы, она умерла от инфаркта, сидя на лавочке во дворе. С тех пор Таня перестала летать. Она все больше лежала на кровати и смотрела в одну точку. Девочка ощущала себя маленькой заброшенной песчинкой, одной на всей планете. Ей казалось, что даже самый слабый ветерок поднимет ее и понесет по миру. Не было не только слез, но и сил, желаний и мечтаний. В квартире остались родительские вещи, фотографии, запах. Странно: вещи есть, а людей нет. Родни не осталось. Только тетка приехала из Сибири через три месяца, чтобы оформить опеку.

— Танечка, поехали, деточка, к нам в Сибирь, — уговаривала она девочку. — Там только климат холодный, а люди настоящие. Мороз убивает не только бактерии, но и вредные черты характера. Там, чтобы выжить, надо правильным человеком быть. Поедешь? — Она заглядывала в пересохшие Танины глаза.

— Не поеду, у меня здесь мама с папой.

Тетка все понимала. Она не приставала с пустыми разговорами и бесполезным сочувствием. Перед самым отъездом достала сверток с деньгами, неловко сунула его Танечке и почему-то сказала:

— Береги себя, не разменивайся по дешевке. И запомни, девочка, белье у тебя всегда должно быть хорошее. Вдруг упадешь, ногу сломаешь, чтобы перед хирургом не стыдно было.

Тетя уехала, Танечка осталась. Странно, но горе отступило. Тетя каким-то невероятным способом забрала с собой всю скорбь.

Танечка окончила школу. Выпускное платье ей шили всем выпускком: и мамы одноклассниц, и соседки — все принимали участие. Началась взрослая жизнь. Ее, как круглую сироту, приняли в институт на льготных условиях. Институтская жизнь закружила-завертела. Влюбилась в профессорского сына Ваньку. У него были слюнявые губы и холодные ноги, но он был послушным и добрым. Они садились играть в карты на интерес, и Таня выигрывала у него уборку квартиры и мытье посуды. Он завязывал ей шнурки на ботинках. Трогательно так опускался на колени и обувал ее, как богиню. А потом вдруг собрался и поехал в столицу учиться на профессора — не вечно ведь оставаться профессорским сыном. «Вот устроюсь и приеду за тобой», — сказал напоследок.

док.

А в столице встретил другую и женился на ней. Одно слово: «Иванушка-дурачок».

А Тане снова захотелось летать. Она тоже собрала сумку и поехала искать свое счастье. Казалось, родители внимательно наблюдали за своей девочкой с небес и помогали ей, чем могли. А как бы иначе наивная провинциалка устроилась на работу на центральный канал?

Танечка навсегда запомнила, как, войдя в кабинет директора, замерла: огромное окно на всю стену открывало вид на небо, и было ощущение, как будто она снова в кабине самолета.

Сергей Алексеевич по-своему интерпретировал этот восторженный взгляд.

— Первый раз на телевидении? — Он одобряюще улыбнулся.

— Садись. Анжелика, принеси нам кофе! — крикнул он в сторону приемной.

Вошла красивая холеная дама. С недоумением посмотрела на Таню и, поставив на стол две чашки, демонстративно вышла.

А Таня ничего не замечала. Она снова почувствовала себя счастливой. Она хотела здесь работать, и ее участь уже была решена. Сергей Алексеевич стал не только руководителем, но и «опекуном». Он снял ей маленькую квартирку в центре и дал должность ассистента режиссера.

Сергей Алексеевич был сыном чекиста. С детства он усвоил, что власть — это сила, а народ — это быдло. Иначе чем «шушера» Сергей Алексеевич своих подчиненных не называл. Он, кажется, с самого детства занимал руководящие посты. Комсорг, парторг, директор. Он спокойно шел по трупам к намеченной цели, менял принципы, как доллары, и ни в чем себе не отказывал. Его партийная кличка была Черный Ворон. Он требовал подчинения и хотел обожания. И если с подчинением проблем не было (полтысячи человек по штату обязаны были ему подчиняться), то с обожанием был явный недобор. И тут эта провинциальная девочка. С чистыми голубыми глазами, пшеничной косой и плавной походкой. Не испорченная столичными соблазнами и интригами, не зараженная алчностью.

Танечка была счастлива. Едва разобрав сумку с нехитрым скарбом, она побежала в магазин покупать новое красивое белье: чтобы не только ногу ползать не стыдно, но и Сергею Алексеевичу понравиться. Ему понравилось. Он умел ценить искренность и чистоту. Сергей Алексеевич был не свободен. Жена и взрослая дочь требовали капиталовложений. Таня — только чувств. Ей вдруг показалось, что среди тысяч людей она встретила своего человека. Он чем-то смутно напоминал отца, может, высотой положения, может, возрастом. Во всяком случае, она очень ценила его внимание и радовалась, что уже не одна на свете. В ванной красовалась его щетка и полотенце, на кухне на самом почетном месте — его чашка, и даже в шкафу было сменное белье. У них появились свои Маленькие секреты и свои маленькие праздники.

Танечка так ждала его всегда, что даже в календаре делала пометки. Если он приезжал и оставался, то она обводила день зеленым фломастером, если просто звонил — то синим. Если делал ей подарок или комплимент, то этот день был отмечен восклицательным знаком. И только дни без него были пустыми и безжалостно вычеркивались из жизни.

Постепенно Сергей Алексеевич охладевал к своей пассии. Новизна прошла,

она была слишком простой, слишком влюбленной и предсказуемой. Более того, чтобы понравиться ему, Танечка зачем-то состригла косу и выбелила остатки волос. Походка из плавной стала порывистой. Вместо скромных вещей в гардеробе появились кричащие, вульгарные.

На работе к ней относились холодно. Во-первых, в коллективах никогда не поощряется связь с шефом, во-вторых, провинциалам не прощается их провинциальное прошлое. Вначале она страдала и пыталась завоевать если не уважение, то хотя бы симпатию. Потом плюнула и подружилась с главной стервой канала рекламисткой Лялей.

— Знаешь историю о том, как молодой царевич заболел странной болезнью. Ему показалось, что он петух. И молодой человек стал прыгать, как петух, питаться червячками и просом и даже кукарекать по утрам. Никто его не мог вылечить, кроме одного мудреца, который сказал: «Я знаю, что ты петух, ты знаешь, что ты петух, а остальным не надо этого знать. Пусть это будет наша маленькая тайна». С тех пор царевич стал таким, как все. Так и мы с тобой. Пусть все думают, что мы стервы, но мы-то знаем, что это не так. — И Ляля улыбалась, по-свойски подмигивая Тане.

— А может, стоит попробовать и нам понравиться? — Таня устала быть порядочной.

— Можем себе позволить!

И они стали «фестивалить» на пару. Банкеты, фуршеты, нужные люди, полезные связи, фальшивые улыбочки, искусственные отношения. Таня даже не заметила, как изменилась внутренне и внешне. Ее уже не устраивали редкие приходы Сергея Алексеевича, ее мелкая должность на канале, съемная квартира. Хотелось всего и много!

Сергею Алексеевичу ее прыть не понравилась. Он мог играть в благотворительность, но в пределах разумного. А когда приезжие дамочки начинают качать права, надо их ставить на место. Он стал искать повод отделаться от нее.

— Самое простое — начать любовные отношения и предвыборную кампанию, и самое сложное — их закончить, — сказал он однажды своему заму. — Прямо не представляю, что делать с этой бабенкой. Подустал я от нее.

— Скажи, что жена заподозрила неладное, что тебе нужен имидж порядочного семьянина, потому что впереди выборы. Скажи, в конце концов, что она не устраивает тебя в постели. Все! Фенита, бля, комедия.

Таня замерла у дверей не в силах ни уйти, ни остаться. Свой оказался чужим. Он решает ее судьбу со своим замом как производственный вопрос. Стало очень больно в том месте, где находится душа. Она не стала дожидаться ответа теперь уже бывшего любовника. Минуту назад она осиротела во второй раз.

Таня бежала по лестнице, не сдерживая рыданий. Сотрудники недоуменно оглядывались вслед.

— Эй, подруга, ты что, забыла, что мы сильные женщины? — Ляля перекрыла ей дорогу. — Знаешь, почему я ненавижу сказку про Золушку? — продолжила она. — Потому что в этой сказке судьба девушки зависит исключительно от решения мужчины. Подойдет туфелька — женюсь. А у девушки ничего своего настоящего нет. И карета у нее тыквенная, и кучера у нее крысы. И если не этот первый попавшийся принц, то прозябать ей до конца дней на задворках.

— А что, разве не так? Разве мы не во всем зависим от них? Даже пресловутое женское счастье — это всего лишь, когда милый рядом, — всхлипывая, проговорила Танечка.

— Не бывает немилых, бывает слишком мало денег! На наш век мужиков хватит! Сегодня же идем на корпоративную вечеринку и охмурим тебе супермужчинку! И хватит умываться слезами, иди «одень» лицо и приходи ко мне на кофе.

Но на этом неприятности дня не закончились. После обеда секретарша Анжелочка с видимым удовольствием сообщила Тане, что время ее контракта истекло и с завтрашнего дня она уволена. «Сегодня явно не мой день», — сказала вслух Танечка, но плакать больше не стала. Забрала вещи из стола и поехала собираться на вечеринку. Приняла душ, с ног до головы намазалась душистым кремом, сделала легкий массаж и сложный макияж. Вечером, наглаженная и напомаженная, она уже стояла у входа в шикарный ночной клуб. Тусовка будет для избранных, и, может, выпадет козырный туз?

Туз не выпал. Зато все уже знали, что она бывшая, уволенная, и откровенно наслаждались, выражая сочувствие.

Сборище чужих людей, жадно жующих бутерброды и готовых съесть любого неудобного. Пустые, лживые, завистливые, они собираются в одно время в одних местах и почему-то называются сильными мира сего. В чем их сила? Риторический вопрос.

— Ты не представляешь, как я хочу все забыть и начать с чистого листа, — сказала Танечка Ляле.

— Ничего нового ты уже не напишешь, — пессимистично заметила Ляля.

— А что касается «забыть», не торопись, тебе есть что вспоминать. — И Ляля заговорщически хохотнула.

— Хочу стать самой собой, — твердила Таня и все подливала себе водку.

— Если цель забавы — напиться и забыться, то тебе осталось совсем немного. — И Ляля выразительно посмотрела на пустую бутылку.

Таня чувствовала себя отвратительно. Она ни о чем не хотела думать и изо всех сил пыталась вычеркнуть сегодняшний день из памяти. Когда желание вернуться домой пересилило страх одиночества в пустой квартире, женщина вызвала по телефону такси и не прощаясь уехала.

В подъезде было очень темно, она постояла минуту, пока глаза привыкнут к темноте, и стала на ощупь продвигаться к своему этажу. Почему выключен свет? Неожиданно она услышала странные звуки. Она не могла объяснить происхождения этих звуков и стала тихонько на цыпочках подниматься. И тут она увидела страшную сцену: два человека били третьего. Тот не сопротивлялся. Его били, он падал, его поднимали и снова били. В ночи были слышны только звуки ударов. Это были страшные звуки. Казалось, они выбивали из него жизнь. Ей очень хорошо было их видно, потому что светила луна и черные тени были словно на экране. Она же оставалась в тени. На ватных ногах Таня подошла к мусоропроводу и, держась обеими руками за трубу, замерла. Она боялась даже дышать. О том, чтобы закричать или позвать на помощь не было и речи.

Неожиданно все стихло. Две тени метнулись вниз и наступила зловещая тишина. Если бы не алкоголь, она бы сошла с ума. А так, слегка пошатываясь, Таня поднялась на этот пролет и подошла к человеку. Человека уже не было,

на площадке лежало мертвое тело. «Господи, кажется, этот день никогда не закончится». Таня на одном дыхании поднялась в свою квартиру, забежала, закрылась на все замки. В полной темноте прокралась на кухню, достала из холодильника бутылку водки и отхлебнула прямо из горла. «Я ничего не видела, ничего не знаю, ничего не помню». Автоматически сняла одежду и провалилась в глубокий сон.

— Как вас зовут? Вы слышите меня? — Молодой хирург тряс ее изо всех сил.

— Таня, то есть Валя, — сказала она.

— Так Таня или Валя? — Врач посмотрел с недоумением.

— Валя, — ответила она твердо.

ТРЕСКА В ШАМПАНСКОМ

Я с детства была хорошенькой и всегда об этом знала. Если другим девочкам, чтобы привлечь внимание, надо было приложить много усилий, то мне достаточно было слегка пококетничать. Я знала, чего хочу: соблазнять, блистать, восхищать. Я не просто этого хотела, я для этого старательно трудилась. Иностранные языки, верховая езда, танцы — моему образованию могли бы позавидовать даже аристократы. Родители для единственного чада не жалели ни сил, ни времени, ни денег. Мама не работала, чтобы иметь возможность ездить со мной по элитным школам и курсам. Папа трудился, не щадя живота своего.

Их труды не пропали даром, и к восемнадцати годам я была красивой и хорошо воспитанной барышней. Что касалось «верхнего» образования, как сейчас говорят, то я легко поступила на романо-германский факультет. Чего не хватает привлекательной девушке? Правильно — любви. И она пришла ко мне в образе сильного, мужественного мужчины.

К противоположному полу у меня было одно пожелание: меня надо ценить и содержать не хуже, чем это делали родители. Володя был достаточно состоятельным: двухэтажный особняк, роскошный автомобиль и полный бумажник денег. Чем он занимается, я не интересовалась, но держал он себя очень значительно. Володя сразу очертил круг моих с ним интересов — ресторан, постель, досуг. Меня это устраивало, потому что я училась и на будничные отношения времени не оставалось.

Володя относился ко мне как к хорошей машине или породистой лошади. Но к сожалению, я поняла это только со временем. Тогда же любое его обращение типа «крошка», «детка», «куколка» приятно ласкало слух. Я выросла. И у меня свои взрослые отношения со взрослым мужчиной.

Когда я наконец решилась представить Володю своим родителям, они были очень разочарованы.

— Неужели ты не видишь, что он бандит! — кричала мама.

— С чего ты взяла, что он бандит?

— Да ты на лицо его посмотри! Мало того что не обезображено интеллектом, так еще глаза стеклянные. — Мамин голос предательски дрожал.

— Мама, это всего лишь ни к чему не обязывающая связь, — попыталась я ее успокоить.

— Запомни, Ната, в этой жизни не бывает ничего не обязывающего, особенно связей.

Сказала как в воду глядела. Володя, а вернее, Вован, как звали его друзья, быстро прибрал меня к рукам. Я даже не заметила, когда стала бояться и беспрекословно подчиняться ему. А после того как наступила беременность, отступать стало некуда. Свадьба была шумная и пьяная, «братва» веселилась до упаду, и я окончательно поняла свое место. Я — жена бандита. Вначале страх смешивался с любопытством, и было интересно. Как будто участвуешь в каком-то детективном сериале. Но одно дело, когда тебе ничего не угрожает, и совсем другое, когда на кону — твоя собственная жизнь.

Никогда не забуду тот животный ужас, который пришлось испытать, будучи на третьем месяце беременности. Я имела неосторожность возразить своему мужу. Был женский праздник — Восьмое марта, и мой благоверный

целый день ездил поздравлять жен своих дружбанов и своих подружек. Я должна была находиться рядом, сидеть смиренно и молчать. После пятого посещения я заикнулась о том, что тоже женщина и имею право на отдых.

— Не понял... — тихо произнес он.

— Что ты не понял? Я устала и хочу отдохнуть! И хватит меня уже выгуливать, как породистую собачку! — не выдержав, закричала я в ответ.

Он тихонечко взял меня под руку, посадил в машину и на полной скорости помчался по трассе. Я молча смотрела в окно. Но когда жилые постройки остались позади, закралось первое сомнение. Когда же мы въехали в лес, я дрожащим голосом спросила:

— Ты куда меня привез?

— Вылезай, сука! — приказал он, выталкивая меня из машины.

Потом хладнокровно подвел меня к краю оврага. Я наконец увидела его холодные стеклянные глаза и отчетливо поняла, что он не остановится ни перед чем. Меня охватил животный ужас за себя и еще не рожденного ребенка. Я упала перед ним на колени и, захлебываясь от плача, сказала:

— Прости, я все поняла, я буду слушаться, я больше никогда...

— Запомни, я — твой хозяин, и если ты только еще раз... — Он не договорил, но я все и так поняла.

Затем мы сели в машину и... отправились поздравлять остальных его подружек. Как я дожила тот ужасный день, не помню, но с тех пор Восьмое марта — самый ненавистный день в моей жизни.

Мы жили в его двухэтажном особняке, очень обособленно от людей. Общаться с родителями мне было запрещено. «Привыкай к семейной жизни!» В институте пришлось взять академотпуск, потому что нужно было уделять внимание мужу. О подружках тоже пришлось забыть. Я вставала в шесть утра, шатаясь, брела на кухню, готовила завтрак, накрывала на стол, приводила себя в порядок, а потом шла будить своего «ненаглядного». И не дай Бог, чтобы кофе оказался остывшим или слишком горячим. Потом он уезжал на встречи, а я должна была безвылазно сидеть в этом проклятом доме.

Покидать без разрешения особняк мне было запрещено. Я и не пыталась. Урок усвоила хорошо. О том, чтобы убежать к родителям, тоже речи не было. Как меня могут защитить два пожилых интеллигентных человека?

Во мне боролись два чувства: страх и отчаяние. Иногда они сливались в одно и превращались в беспросветную тоску. Выхода я не видела. Когда малыш давал о себе знать, мне становилось еще хуже. Что нас ждет?

Сидя долгими, скучными днями в особняке, я пыталась представить свое будущее — и не могла.

Спасение пришло неожиданно. Я стала замечать, что у мужа что-то случилось. Он вдруг почти перестал выходить из дома, все время о чем-то думал, даже ко мне не придирался по пустякам. Окна дома были весь день занавешены. К телефону он не подходил и мне запрещал. Конечно, было понятно, что он здорово кого-то боится. Но ведь этот «кто-то» мог угрожать и мне. Было ощущение, что мы забаррикадировались в убежище и неизвестно, когда снова выйдем на белый свет. Благо запасов еды у нас было достаточно.

Спустя три дня рано утром я услышала какие-то странные звуки за окном. Шорохи, бряцание, тихие переговоры. Собака почему-то не лаяла. Затем начался ужасный шум, и в дом со всех сторон стали врываться люди в камуфля-

же. Мне приказали стать к стене, а Володю грубо уложили на пол, обыскали, надели наручники и увезли. Он бросил на меня затравленный взгляд зверя, но ни слова не сказал на прощание.

Между тем мужики в камуфляже перевернули вверх дном весь дом. Они явно что-то искали. Я сидела в углу и наблюдала за событиями как будто со стороны. Мне было все равно, что будет с домом и что будет с Володей. Единственный вопрос, который волновал меня в данный момент: когда я смогу уехать к родителям.

— А вам придется поехать с нами, — неожиданно сказал один из мужчин.

Я обреченно кивнула. За эти полгода, прожитые с мужем, я уже со всем смирилась, похоронив чувство собственного достоинства. Остался один лишь инстинкт самосохранения.

В кабинете следователя меня допросили. Я рассказала всю правду: что была лишь приложением к этому страшному человеку, понятия не имела, чем он занимается, и страшно его боялась. Следователь посмотрел на меня сочувственно, велел подписать какие-то бумаги и в конце концов отпустил.

Когда я добралась до родительского дома, меня ждала ошеломляющая новость. Отец находится под следствием вместе с мужем. Оказалось, что Володя «выбивал» деньги из какого-то должника, а отца поставил «на шухер». Когда их всех взяли, то инкриминировали групповое нападение. Мама была в тихом ужасе от всего происходящего. Самое страшное, что все нажитое родителями за долгие годы было под угрозой конфискации. Я оказалась у разоренного гнезда. Причем разорено оно было по моей вине.

— Господи, где ты только откопала этого уродца? — Мама даже не скрывала своей ненависти к нему.

— Кто мог подумать... — неуверенно начала я оправдываться.

— А ведь я тебя предупреждала! Что теперь будет? — И она безудержно заплакала.

Ребенок беспокойно заворочался в животе, я стала ходить по комнате, чтобы хоть как-то унять дрожь в руках.

— Ты посмотри на себя, во что ты превратилась! — Мама перешла на крик. — Ты же как зомби ходишь! Где твоя осанка? Твой гордый взгляд? Что с тобой стало за полгода?

Я смотрела на себя в зеркало и с грустью констатировала: она права. Я действительно почти потеряла себя.

А потом случилось страшное: посадили не только Володю, но и отца. Имущество конфисковали. Я вернулась из роддома на руины. Пусто, голо, бедно.

Моя малышка оказалась очень понимающей и деликатной. Она не орала, не требовала пристального внимания, она даже не болела, словно пыталась сделать так, чтобы я не тратилась на лечение. Моя крошка была очень похожа на меня. «Хоть бы она не унаследовала ни одной черты ненавистного мужа», — думала я, глядя на маленькую девочку. Я назвала ее Кристиной и разве что не молилась на нее.

Теперь нам с мамой жилось очень тяжело. Во-первых, не вдовы, не жены, а непонятно кто. Самим помощь нужна, да еще и в тюрьму кое-что послать надо. Друзья и знакомые от нас сразу же отвернулись. Это вполне можно объяснить: с нами стало неприлично иметь дело. Мама смотрела за Кристиной, а я восстановилась в институте. Все свободное время уходило на поиски заработ-

ка. Я не брезговала ничем. И косметикой приторговывала, и рекламой занималась. Да что там греха таить, иногда и себя приходилось предлагать в качестве товара.

Я давно уже к мужчинам относилась потребительски. А что он мне сможет предложить, кроме себя, любимого? Мне позарез нужны были деньги. Много денег. Чтобы хватило на Кристину, и себя в «товарном» виде содержать, и чтобы было что покушать и чем за квартиру заплатить. Да и на черный день отложить не мешало бы.

Но мужики мне попадались сплошь какие-то «недоделанные». Или жмот, или извращенец, или старикашка, годящийся в дедушки. И главное, пока не объяснишь доходчиво, что ты женщина дорогая, он и не додумается в портмоне заглянуть.

Я-то женщина молодая, видная. Да и неглупая к тому же. Любому стоящему мужику достойную партию составить могу. Но стоящие почему-то женились на серых мышках, а меня предпочитали лишь в качестве любовницы. Да и не любовницы даже, а так, легкого «десерта» под кофе. Я очень долго и упорно не хотела замечать этого очевидного факта. Пока однажды не познакомилась с Виктором. Это было в кинотеатре. Я поймала на себе заинтересованный взгляд немолодого лысоватого мужчины. Улыбнулась ему. После сеанса он подошел ко мне и предложил посидеть в кафе. Мужчина представился дизайнером одного популярного издания, угостил меня кофе и пригласил продолжить знакомство у него дома.

Не знаю, почему я согласилась. Может, хотелось доказательства моей привлекательности, может, соскучилась по приключениям. Так или иначе, прелюдия была недолгой. Виктор уложил меня прямо на свой обеденный стол. «Полюбив» меня на скорую руку, он сказал напоследок:

— У меня в машине в багажнике осталась открытая бутылка шампанского, можешь ее забрать.

— Зачем оно мне? — Я задохнулась от унижения и обиды.

— Допьешь, — невозмутимо ответил мужчина.

— В недопитом шампанском я обычно треску замачиваю, — со злостью сказала я.

— Сама ты как треска в шампанском, — скривился он.

Я проплакала всю ночь, потому что вдруг поняла, что опустилась уже очень низко. Утром в институт не поехала, а взяла Кристину и пошла с ней гулять. Глядя на свою дочку, я поняла, что ее будущее зависит только от меня. Одну большую ошибку я уже совершила. Цена этой ошибки — свобода моего отца и нищета моей Матери. Кристина как будто все понимала, она смотрела на меня совсем не по-детски: очень внимательно и серьезно.

— Девочка моя, не бойся, у нас все будет хорошо, обещаю! — сказала я дрожащим от слез голосом.

И моя малышка в ответ вдруг улыбнулась мне своей смешной детской улыбкой. Она мне поверила.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не люблю кофе без кофеина, пиво без алкоголя,
Фильмы без сценариев и книги без сюжетов.

Сухое молоко и жидкое мыло, воздушные поцелуи
И виртуальный секс. Это все «типа» и «как бы».

Это все равно что внештатный сотрудник, внematочная
Беременность, заочное обучение и загробная жизнь.

Мне нравится здесь и сейчас. Чтобы все было ясно
И понятно: орел или решка, король или пешка.

Я хочу, чтобы: кофе бодрил, пиво веселило,
Книги и фильмы будоражили.

Считаю, что лучше громко смеяться или загадочно
Молчать, чем тихо ругаться или говорить невпопад.

Долой суррогаты, консерванты, имплантаты и
Пищевые добавки! Да здравствует все настоящее!
Кто пробовал, тот знает!

Елена Рог

Я родилась в прошлом веке в стране, которой больше нет. Я никогда не поднималась по лестнице Каннского фестиваля, не была лауреатом Нобелевской премии, лицом «Ревлона», моделью «Плейбоя» и даже не занесена в Книгу рекордов Гиннесса. Я не училась в Гарварде, и меня не благословлял Папа Римский. У меня нет титулов и званий, и в моих жилах не течет королевская кровь.

Я не могу взлететь, презрев законы тяготения, вряд ли сумею спасти кому-то жизнь, проведя хирургическую операцию, станцевать Жизель, спеть арию...

Но я могу об этом написать...

Елена Рог

Он и она. Самое непостижимое, непонятное и неразгаданное. Любовь — это самое важное чувство, наша защита и иммунитет от всех горестей и испытаний. Как складываются пары и почему они потом распадаются? Мы живем в мире чужаков, поэтому так упорно и настойчиво ищем своих — близких, родных, понимающих. Кто примет и поймет. И горе тем, кто не находит. «Отдам любовь в хорошие руки» — это истории из жизни наших современниц. Их исповеди, покаяния и надежды. Журналистки и нищенки, столичные дамочки и провинциалки, карьеристки и домохозяйки — все, что им нужно, — это только любовь...

Я родилась в прошлом веке в стране, которой больше нет. Я никогда не поднималась по лестнице Каннского фестиваля, не была лауреатом Нобелевской премии, лицом «Ревлона», моделью «Плейбоя» и даже не занесена в Книгу рекордов Гиннесса. Я не училась в Гарварде, и меня не благословлял Папа Римский. У меня нет титулов и званий, и в моих жилах не течет королевская кровь.

Я не могу взлететь, презрев законы тяготения, вряд ли сумею спасти кому-то жизнь, проведя хирургическую операцию, станцевать Жизель, спеть арию...

Но я могу об этом написать...

Елена Рог

Он и она. Самое непостижимое, непонятное и неразгаданное. Любовь — это самое важное чувство, наша защита и иммунитет от всех горестей и испытаний. Как складываются пары и почему они потом распадаются? Мы живем в мире чужаков, поэтому так упорно и настойчиво ищем своих — близких, родных, понимающих. Кто примет и поймет. И горе тем, кто не находит. «Отдам любовь в хорошие руки» — это истории из жизни наших современниц. Их исповеди, покаяния и надежды. Журналистки и нищенки, столичные дамочки и

провинциалки, карьеристки и домохозяйки — все, что им нужно, — это только любовь...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.